

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 8 том - «Искушение Анжелики».

Перевод с фр. П. П. Агапова

ЦК ЛКСМУ (МДС) «Молодь»: Фирма «Луч» (Киев), 1991г.

- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГОЛЛАНДСКАЯ ФАКТОРИЯ

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8

- ЧАСТЬ ВТОРАЯ. АНГЛИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12

- ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПИРАТСКИЙ КОРАБЛЬ

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3

- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. БАРК ДЖЕКА МЕРВИНА](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
- [ЧАСТЬ ПЯТАЯ. РАЗГРОМ ЗОЛОТОЙ БОРОДЫ](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГОЛЛАНДСКАЯ ФАКТОРИЯ

Глава 1

Из леса доносился рокот индейского барабана. Он гремел, раскатывался, оглушал, отбивая ритм сквозь густую жару, нависшую над деревьями и рекой.

Жоффрей де Пейрак и Анжелика остановились на берегу. Какое-то мгновение они прислушивались. Барабанный бой был глухой и сдержанный. Анжелика инстинктивно схватила за руку мужа и прижалась к нему.

— Барабан... что он возвещает?

— Не знаю... Подождем немного.

Вечер еще не наступил. Просто день шел к концу. Река казалась гигантской плитой из серебра. Анжелика и ее муж стояли у воды под густым шатром раскидистого дерева. Чуть дальше на песке бухты сохли пропитанные смолой пироги из коры березы...

Бухточка закруглялась, наполовину окруженная узким мысом, дальше от берега высокие темные скалы, увенчанные вязами и дубами, сохранили благотворную свежесть.

Там был разбит лагерь. Доносился треск ветвей, необходимых для постройки хижин и для костров. Вот уже потянулись голубоватые струйки дыма, лениво расплываясь над застывшей водой.

Анжелика слегка встряхнула головой, отгоняя тучу комаров. Она попыталась отогнать и волну беспокойства, нахлынувшую при звуке лесного барабана.

— Как странно, — задумчиво сказала она, — в тех деревнях, которые мы видели, спускаясь по Кеннебеку, было мало мужчин. А только женщины, старики и дети...

— Действительно, все дикари отправились на юг торговать мехами.

— Дело не только в этом. Среди встречавших караван пирог, спускавшихся к югу, в основном были женщины. По-видимому, это они отправлялись торговать. Тогда где же мужчины?

Пейрак бросил на нее беспокойный взгляд. Он сам задался этим вопросом и боялся ответа: неужели воины-индейцы собрались в потайном месте, чтобы составить заговор, объявить войну? Но какую войну и против кого? Он не решился высказать эти подозрения вслух и предпочел промолчать. Время было спокойное, ничто не вызывало опасений. Многодневное путешествие прошло без помех. Возвращаясь к побережью океана и более обжитым местам, все испытывали радость и юношеское нетерпение.

— Смотрите! — внезапно вытянув руку, сказал де Пейрак. — Вот что вызвало голос барабанов. Гости!

У них на глазах три пироги обогнули мыс, приблизились и вошли в бухточку.

Сопровождаемый Анжеликой Пейрак сделал несколько шагов, чтобы подойти прямо к берегу, где набегавшие волны оставляли на белоснежном песке коричневую полосу пены. Он немного прищурился и оглядел прибывших.

Заполнившие три пироги индейцы явно проявляли намерение остановиться. Они вытащили весла, затем соскользнули в воду, чтобы подтолкнуть к берегу челноки.

— Во всяком случае, тут-то мужчины, а не женщины, — заметил Пейрак.

Вдруг, резко оборвав себя, он сжал руку Анжелики. С одной из пирог спрыгнула мрачная фигура в черной сутане и, поднимая тучи брызг, направилась к берегу.

Анжелику охватила такая паника, что она готова была убежать и спрятаться в глубине леса. Лежащими

на ее запястье пальцами граф удержал это импульсивное побуждение.

— Что вас пугает в этом иезуите, любовь моя? — спросил он.

— Вы же знаете, какого мнения о нас отец д'Оржеваль. Он считает нас опасными захватчиками, если только не пособниками самого дьявола.

— Поскольку он является гостем, сохраним спокойствие.

Тем временем по ту сторону бухточки Черное Платье быстрым шагом направился вдоль берега. Среди изумрудной зелени деревьев его высокая поджарая фигура двигалась с быстротой, слишком контрастирующей с этой местностью.

Это явно был человек молодой, полный жизни, идущий прямо к цели, не обращая внимания на препятствия, даже не глядя под ноги.

На какое-то время он исчез, проходя через лагерь, затем послышался стук каблуков солдата-испанца, и сразу за ним среди ветвей ивы возникла высокая темная фигура.

— Это не он, — процедил сквозь зубы де Пейрак. — Это не отец д'Оржеваль. — Он даже почувствовал некоторое разочарование.

Пришелец был высок, худощав и казался очень молодым. В соответствии с правилами ордена, требовавшими долгого испытательного срока, ему не могло быть меньше 30 лет. Однако он сохранил грацию двадцатилетнего. Светлые волосы, борода, глаза — почти бесцветной голубизны.

Увидев графа с женой, он остановился в нескольких шагах и некоторое время пристально смотрел на них, положив одну руку на висящее на груди распятие, а другой опираясь на палку, украшенную серебряным крестом.

Анжелике он показался удивительно благородным, похожим на тех рыцарей, которых можно увидеть во Франции в церковных витражах.

— Я — отец Филипп де Геранд, — учтиво заявил он, — коадьютор отца Себастьяна д'Оржеваля. Узнав, что вы спускаетесь по Кеннебеку, мессир де Пейрак, мой настоятель возложил на меня почетную обязанность передать вам его лучшие пожелания.

— Да будут удачливыми все его добрые намерения! — ответил де Пейрак. Движением руки он удалил испанца, стоявшего навтыжку перед иезуитом.

— Я сожалею, отец мой, что могу предложить вам только непритязательное лагерное гостеприимство. Но мне кажется, вы привыкли к такого рода неудобствам. Если не возражаете, мы можем подойти к кострам. Дым хоть немного защищает от москитов.

Они сели неподалеку от занимавшихся приготовлением ужина и ночлега.

Жоффрей неуловимым движением руки удержал Анжелику, которая собиралась уйти. Он хотел, чтобы она присутствовала при беседе. Она села рядом на большой камень и сразу же с безошибочной женской интуицией установила, что отец де Геранд демонстративно не замечает ее.

— Представляю вам мою супругу, графиню де Пейрак дю Моран де Ирристру, — сказал Жоффрей все с той же спокойной учтивостью.

Молодой иезуит склонил голову в сторону Анжелики почти механически, затем отвернулся, и его взгляд устремился к блестящей поверхности воды, на зеркальности которой загорались отражения пылающих на берегу многочисленных костров.

Прямо перед ними готовились к трапезе индейцы, доставившие отца иезуита. Пейрак предложил пригласить их разделить с ними косулю и индюков, которые уже жарились на вертелах, а также пойманных

час назад лососей, томящихся в листьях под горячей золой.

Отец Геранд отрицательно покачал головой и сказал, что это очень дикие туземцы и они не любят смешиваться с чужими.

Анжелика внезапно подумала о крошке англичанке Роз-Анн, которую они привезли с собой. Она поискала ее глазами, но нигде не увидела. Позже она узнает, что Кантор при появлении иезуита быстро убрал ее с глаз. Он терпеливо ожидал где-то в чаще, перебирая струны гитары, чтобы развлечь ребенка, пока не закончится беседа.

— Итак, — начал отец Геранд, — вы провели зиму в самом сердце Аппалачей, сударь? Страдали ли вы там от скорбута? От голода? Потеряли ли вы кого-нибудь из членов вашей колонии?

— Нет, ни единого! Слава Богу!

Монах удивленно поднял брови, а на губах скользнула улыбка.

— Мы счастливы слышать, господин де Пейрак, вашу хвалу Богу. Идет молва, что вы и ваша рать не отличаетесь набожностью. Что вы без разбора вербуете людей среди еретиков, распутников...

Движением руки он отверг кубок воды и миску с мясом, которые ему предложил Жан Ле Куеннек, молодой бретонец, оруженосец де Пейрака.

«Жаль, — непочтительно подумала Анжелика, — этих иезуитов не поймаешь на такую приманку...»

— Подкрепи свои силы, отец мой, — настаивал Пейрак. Иезуит покачал головой.

— Мы уже ели после полудня. Этого достаточно для одного дня... Но вы не ответили на мой вопрос, сударь. Вы умышленно набираете ваших людей среди тех, кто отказывается повиноваться церкви?

— Откровенно говоря, я прежде всего требую от людей, которых нанимаю, умения обращаться с

оружием, топором и молотком, способности выносить холод, голод, усталость сражений, короче говоря, любые бедствия. Но они должны быть верными и покорными с момента заключения контракта и честно выполнять все заданные мной работы. И будь они к тому же еще трижды набожны и благочестивы, я был бы только рад.

— Однако ни в одном из поселений вы не установили креста.

Пейрак ничего не ответил. Отражение сверкающей огнем от заходящего солнца воды, казалось, зажгло в его глазах насмешливый огонек, хорошо знакомый Анжелике, но граф оставался молчаливым. Монах настаивал:

— Не хотите же вы сказать, что среди ваших людей есть такие, у которых этот знак великой любви и самопожертвования вызывает только насмешку и озлобление?

— Вполне возможно.

— И если есть среди ваших людей существа, которые могли сохранить приверженность к знаку Искушения, вы татке лишаете их помощи церкви?

— Всегда приходится чего-то больше или меньше лишаться, когда соглашаешься жить в пестрой компании, в трудных условиях и порой очень ограниченном пространстве.

— И лишать из-за этого возможности воздавать знак уважения Богу и взывать к его милосердию — это преступный поступок. Труд без божественного начала, которое оживляет его, не стоит ничего.

— Однако апостол Навин писал: «Только плоды труда идут в счет...»

Пейрак расправил плечи, ссутулившиеся, словно под грузом размышлений. Он достал из кармана кожаного жилета сигарету и раскурил ее от головешки, которую

протянул ему молодой бретонец и сразу же скромно удалился.

На цитату графа Филипп де Геранд ответил холодной, тонкой улыбкой соперника, отдающего должное хорошо нанесенному удару. Но не до такой степени, чтобы проявить свое согласие.

Анжелика в молчании нервно покусывала ноготь мизинца. Кем считает себя этот иезуит? Осмелиться говорить таким тоном с Пейраком?!

Но в то же время, словно от порыва ветра, в ее памяти воскресло воспоминание о монастырском детстве и сознание того, что иезуиты были особой породой, не боящейся ни короля, ни папы. Их орден был создан, чтобы наставлять и бичевать сильных мира сего.

Затем ее взгляд вернулся к лицу мужа, и она услышала, как он ответил безразличным тоном:

— Отец мой, у меня кто хочет, тот и молится. А что касается остальных, то не будете же вы утверждать, что работа действительно священна?

Иезуит потратил несколько секунд на размышление, затем медленно покачал головой.

— Нет, сударь, нет. И мы ясно распознаем в этом глупые и опасные измышления тех философов, которые требуют независимости от церкви.

И уже другим тоном продолжал:

— Вы из Аквитании, Люди вашей провинции довольно многочисленны и проявляют себя прилежанием в Канаде и Акадии. В Пентагоете барон Сен-Гастин очистил от англичан всю реку Пенобскот. Он окрестил вождя эчеминов! Тамошние индейцы смотрят на него, как на одного из своих.

— Гастин действительно мой сосед по Голдсборо. Я знаю и ценю его.

В огонь подбросили большие высохшие черные грибы. Сгорая они выделяли едкий смолистый запах,

обладавший благодетельным свойством отгонять назойливых moskitov. К нему примешивался запах табака.

Анжелика провела рукой по лбу, и на мгновение пальцы погрузились в пышные золотистые волосы, освобождая слегка влажные виски.

Она переводила взгляд с одного мужчины на другого с захватывающим интересом. Ее рот был чуть-чуть приоткрыт в напряженном внимании, с которым она относилась к разговору. Но все, что волновало ее, скрывалось за обыденностью произносимых фраз.

И вдруг отец де Геранд перешел в наступление.

— Не могли бы вы объяснить, мессир де Пейрак, по какому случаю, если вы не относитесь враждебно к церкви, все рекруты вашего набора в Голдсборо — гугеноты?

— Охотно, отец мой. Именно случай, на который вы изволили намекнуть, заставил меня однажды бросить якорь у берегов Ла-Рошели как раз тогда, когда эта горстка гугенотов, предназначенных для тюрем короля, улепетывала от посланных арестовать их драгунов. Я погрузил их, чтобы избавить от участи, которая показалась мне зловещей, когда я увидел блеск обнаженных сабель. И затем отвез их в Голдсборо, чтобы они в уплату за проезд обрабатывали мои земли.

— Почему вы похитили их у правосудия короля Франции?

— Кто знает, — сказал Пейрак с небрежным жестом и своей обычной язвительной улыбкой. — Может быть, потому, что Библия говорит: «Того, кто осужден, того, кого ведут на казнь, — спаси!»

— Вы цитируете Библию?

— Она составляет часть Священного писания.

— Опасно запятнанную иудейством, мне кажется.

— Это Библия запятнана иудейством, — сказал Пейрак и разразился смехом.

К удивлению Анжелики отец де Геранд тоже расхохотался и на этот раз расслабился.

— Да, очевидно, — повторил он, охотно признавая нелепость сказанного им аргумента, — но видите, сударь, до наших дней в эту Святую книгу примешалось столько чудовищных ошибок, что нашим долгом является относиться с подозрением ко всему, что может быть в нее приписано. Мессир де Пейрак, от кого вы получили грамоту, дающую вам право на земли Голдсборо? От короля Франции?

— Нет...

— От кого же тогда? От англичан Массачусетского залива, незаконно считающих себя владельцами этого побережья?

Пейрак ловко избежал ловушки.

— Я заключил союз с абенаками и могиканами.

— Все эти индейцы являются подданными короля Франции, и они не должны были ни в коем случае брать подобные обязательства без доклада об этом мессиру де Фронтенаку.

— Пойдите и скажите им это...

Насмешка стала ощущаться. У графа была особая манера обволакиваться дымом сигары, которая выдавала его Нетерпение.

— Что касается моих людей в Голдсборо, то они не первые гугеноты, ступившие на эти берега. Мессир де Монс был когда-то послан туда королем Генрихом IV.

— Оставим прошлое. Сейчас здесь вы, и все подчиняются вам одному. Разве это хорошо?

Пейрак сделал знак, который можно было принять за знак согласия.

— Вам одному! — повторил иезуит, и его агатовые глаза внезапно засверкали. — Вот он — неискупимый проступок Люцифера! Ибо неправдой есть, что он хотел быть подобным Богу. Но он хотел сам и только с

помощью рассудка поддерживать свое величие. Такова же и ваша доктрина?

— Я трепещу от сравнения моей доктрины с таким грозным примером.

— Вы уклоняетесь, сударь. Однако какова была судьба того, кто сам и ради собственной славы хотел добиться Познания? Как ученик чародея, он потерял контроль над своими знаниями, и это привело к крушению миров.

— А Люцифер с его падшими ангелами был унесен звездным дождем, — прошептал Пейрак. — И теперь они со своими тайнами спрятались на земле. Маленькие кривляющиеся гномы, которых находят в глубине рудников охраняющими золото и другие драгоценные металлы. Вы не можете не знать, отец, как именуются на заумном языке легионы демонов, создающих этих маленьких гномов — духов земли?

Церковник выпрямился и бросил на него сверкающий взгляд, в котором был не только вызов, но и своего рода признательность посвященного.

Анжелика с испугом переводила взгляд с одного на другого участника этого странного диалога. Она непроизвольно взяла мужа за руку, как бы предупреждая его быть благоразумным.

Предупреждать! Защищать! Удерживать!

В глуши американских лесов внезапно возникли те же угрозы, что и некогда во дворце Правосудия.

Взгляд иезуита задел молодую женщину.

Завтра, вернувшись в свою миссию, он скажет: «Да, я видел их! Они именно такие, какими их нам описывали. Он — опасный, тонкий ум, она — прекрасная и чувствительная, со странной, несравнимой свободой поведения».

— Вы пришли сюда искать только золото, — сказал иезуит сдержанным тоном. — И вы его нашли! Вы

пришли, чтобы заставить всю эту чистую первобытную местность поклоняться золотому тельцу...

— Пока еще меня не считали идолопоклонником, — рассмеявшись, сказал де Пейрак. — Отец мой, неужели вы забыли, что еще 50 лет назад монах Тритгейм говорил, что золото представляет собой душу первого человека?

— Но он же определил, что золото содержит в своем существе порок, зло, — живо отпарировал иезуит.

— Однако богатство дает могущество и может служить добру. Ваш орден понял это со времен основания, ибо является самым богатым орденом в мире.

Отец де Геранд сменил тему.

— Если вы француз, почему вы не враг англичан и ирокезов, которые хотят захватить Новую Францию?

— Распри, которые вы поддерживаете, очень странные по происхождению, и я не могу согласиться принять в них участие. Но попытаюсь жить в добром согласии со всеми и, кто знает, может быть добьюсь этим установления мира...

— Вы можете причинить нам много вреда, — сказал иезуит напряженным голосом, в котором Анжелика явственно ощутила тревожные нотки. — Но почему... почему вы не водрузили крест?

— Это символ противоречия.

— Золото послужило причиной многих преступлений.

— И крест тоже, — сказал Пейрак, пристально глядя на него.

Иезуит вытянулся во весь рост. Он так побледнел, что солнечные ожоги на лице казались кровоточащими ранами.

— Наконец я услышал ваше кредо, сударь, — сказал он глухим тоном. — Ваши заверения о дружеских намерениях по отношению к нам напрасны. Все слова,

произнесенные вашими устами, были пропитаны этим отвратительным мятежным духом, характерным духом еретиков, с которыми вы водитесь.

Вас мало волнует, что изображение Сына Господня может исчезнуть из этого мира вместе с католической церковью и мрак тяжелым грузом, ляжет на души!

Граф встал и положил руку на плечо иезуита. Его жест был полон снисхождения и чего-то вроде сочувствия.

— Пусть будет так. Теперь послушайте меня, отец мой, а затем позаботьтесь точно повторить мои слова тому, кто дослал вас. Если вы пришли просить меня не проявлять враждебности по отношению к вам, помочь вам в случае голода и нужды, я сделаю это.

Но если вы пришли предложить мне убраться отсюда с моими гугенотами и пиратами, я отвечу вам: нет!

Если же пришли просить меня помочь вам истреблять англичан и уничтожать ирокезов, тоже скажу: нет!

Я не принадлежу к вашим, я ничей. Не могу терять времени и не считаю полезным перевозить в Новый Свет мистические дразги прошлого.

— Это ваше последнее слово? Их взгляды встретились.

«Без сомнения, оно не будет последним», — прошептал про себя Пейрак, а громко сказал:

— Для нас обоих — да! Иезуит удалился в тень деревьев.

— Это объявление войны? — спросила Анжелика, подняв глаза на мужа.

— Во всяком случае похоже на то.

Он улыбнулся и нежно погладил ее по голове.

— Но это еще только предварительные переговоры. Предстоит встреча с отцом д'Оржевалем, и я

постараюсь что-нибудь предпринять... Ладно! Каждый выигранный день — это победа для нас.

«Голдсборо» должен вернуться из Европы, а из Новой Англии придут небольшие, хорошо оснащенные суда для каботажного и группа наемников. Если понадобится, я дойду с моим флотом до Квебека. Но наступающую зиму встречу в море во всеоружии, в этом я могу поклясться.

Анжелика опустила голову. Несмотря на оптимизм и утешительную логику графа де Пейрака, ей казалось, что игра перешла в такую область, где цифры, оружие и люди мало значили в сравнении с безымянными и таинственными силами, которые сплотились против них. И она догадалась, что он чувствует то же.

— О Боже, зачем вы наговорили ему столько нелепостей? — простонала Анжелика.

— Какие нелепости, любовь моя?

— Эти намеки на маленьких демонов, которые находятся в рудниках...

— Я пытался говорить с ним его языком. У него превосходный мозг, наделенный великолепной способностью к учению. Господи! Зачем его понесло в Америку? Дикари восторжествуют над ним.

Пейрак поднял глаза к потемневшему лиственному своду. Там шуршала какая-то невидимая птица. Ночь спустилась темной бархатной синевой, пронизываемой огнями бивака. Из-за ветвей донесся голос, приглашающий всех прийти подкрепиться.

Затем в наступившей тишине закричала птица, так близко, что Анжелика вздрогнула.

— Сова, — сказал Пейрак, — птица чародеев.

— О дорогой, прошу вас... пожалуйста, — воскликнула она, охватывая мужа руками и спрятав лицо в его кожаном камзоле: — Вы пугаете меня!

Он засмеялся и нежно погладил ее шелковистую гриву, хотел заговорить, обсудить слова, которыми они

обменялись, раскрыть смысл их беседы с иезуитом. Но внезапно остановился, вспомнив, что Анжелика и он сам почувствовали, угадали, поняли одно и то же в каждом аспекте их диалога...

Незаметно хорошее настроение графа де Пейрака омрачилось из-за смутной боязни за Анжелику.

Он крепче прижал ее к себе. Каждый день, каждый вечер испытывал эту жажду ощущать ее около себя. Он хотел было заговорить, но, боясь, что в этом разговоре страх коснется ее души, предпочел промолчать.

Только сказал:

— Нам не хватает малютки Онорины, не правда ли? Она сделала согласное движение опущенной головой, чувствуя прилив нежности к нему за это молчание. Чуть позже спросила:

— А она в безопасности в Вапассу?

— Да, любовь моя, она в безопасности, — уверенно сказал он.

Глава 2

Когда отцу де Геранду передали приглашение разделить трапезу с белыми, он отказался и перекусил с индейцами.

Уехал на рассвете, не попрощавшись, что для человека его воспитания было высшей формой пренебрежения. Анжелика единственная наблюдала, как он на противоположной стороне залива выносил на берег вьюки. Несколько индейцев толклись возле стоявшей на мели пироги.

Анжелика спала плохо. Правда, в укрывшем их шалаше было довольно уютно, и хотя матрац из еловых ветвей, накрытый шкурами, не был особенно мягким, ей приходилось спать и на более жестких постелях. Просто с вечера осталось чувство тревоги, не позволявшее спокойно отдаться объятиям Жоффрея.

Теперь, смакуя свежесть первой зорьки, она расчесывала длинные волосы перед закрепленным на ветке маленьким зеркальцем, говоря себе, что надо бы найти какой-нибудь подход, чтобы смягчить этого иезуита, спустить натянутые, словно тетива лука, фибры его души.

Итак, она заметила его, занятого приготовлениями к отъезду. И после мгновенного колебания отложила гребень и забросила волосы за спину.

Накануне у нее вертелся на кончике языка вопрос, но она не смогла найти возможности задать его во время обмена туманными и даже опасными фразами.

Однако этот вопрос томил ее сердце, и Анжелика решилась.

Придерживая юбку, чтобы не запачкаться о потухшие костры и покрытые жиром котелки бивака, она проложила путь через обычный индейский

беспорядок, прошла по ведущей вдоль залива тропинке и, спугнув двух рыжих собак, раздиравших внутренности лани, приблизилась к монаху, который готовился отправиться в дорогу на своем жалком суденышке.

Уже некоторое время он видел, как она возникает из рассеивающегося тумана. На распущенных светлых волосах играли огненные блики зари, такие же, как на глянцевої листве.

Будучи хрупкого телосложения, отец де Геранд по утрам часто бывал вялым, с угнетенным сознанием. Мало-помалу он вспоминал о Боге и начинал молиться. Но ему требовалось время, чтобы вновь обрести возможность здраво мыслить.

Глядя на приближающуюся Анжелику, он сначала не узнал ее и растерянно спрашивал себя, кто это, что за видение.

Сообразив, что это графиня де Пейрак, внезапно ощутил, как резкая боль пронзила грудь. Не глядя на его невозмутимое лицо, Анжелика угадала, как он напрягся внутренне от страха и отвращения, пятась всем естеством.

Она улыбнулась, чтобы расшевелить это юное окаменевшее лицо.

— Отец мой, вы уже покидаете нас?

— Бремя обязанностей вынуждает меня к этому, сударыня.

— Отец мой, я хотела бы задать вам вопрос, который очень меня занимает.

— Слушаю вас, сударыня.

— Не могли бы вы рассказать, какие растения добавляет отец д'Оржеваль, когда делает зеленые свечи?

Видимо, иезуит ожидал чего угодно, только не этого, от изумления он даже растерялся. У него промелькнула мысль, что эта женщина насмехается, и

кровь хлынула ему в лицо, затем он снова овладел собой и отчаянно напряг память, чтобы вспомнить подробности, которые позволили бы ему точно ответить.

— Зеленые свечи?.. — процедил он сквозь зубы.

— Говорят, что эти свечи очень красивые и дают приятный белый свет. Я думаю, что это достигается с помощью ягод, собираемых индейцами в конце лета, но если бы вы могли назвать хотя бы название кустарника...

— Нет, я не смогу вам сказать... Я не обращал внимания на эти свечи.

«У бедняги нет ощущения реальности, — сказала она себе, — он живет в мечтах».

Таким он был ей более симпатичен, чем укрывшийся панцирем мистического воина. И ей показалось, что можно было бы найти с ним общий язык.

— О, это не так важно, — заметила она, — Не задерживайтесь из-за такого пустяка, отец мой.

Он коротко поклонился. Она наблюдала, как он с ловкостью сел в пирогу, бросил на нее последний взгляд, и то, что прочел в ее глазах, вызвало на его лице горькую гримасу. Он попытался иронией защититься от невыразимой жалости, которую ощутил в ней к себе.

— Если заданный мне вопрос интересует вас до такой степени, почему бы вам лично не узнать ответ у отца д'Оржеваля, приехав повидаться с ним в Нориджевук?

Глава 3

Попутный ветерок надувал паруса трех больших лодок, спускавшихся по Кеннебеку.

На последнем привале багаж с индейских пирог перегрузили на более просторные и удобные суденышки. Они были построены и оснащены людьми графа де Пейрака в голландских владениях, где в прошлом году граф заложил небольшой рудник...

Сопроводив Флоримона с караваном Кавелье де ля Саля по озера Шамплена, Жан как раз успел вернуться, чтобы вновь занять место оруженосца графа де Пейрака во время этого путешествия к океану. Он принес хорошие вести от своего сына, но не предсказал положительных результатов от предпринятой экспедиции к Миссисипи из-за тяжелого характера начальника экспедиции француза Кавелье.

Деревянная лодка с одним большим парусом и маленьким фоком не могла вместить пассажиров больше, чем индейские пироги, которые обладали буквально волшебной способностью при необходимости растягиваться. Но путешествовать в ней было гораздо удобнее.

Жан де Куеннек маневрировал парусом, когда у руля стоял граф. Анжелика сидела рядом. Своенравный теплый ветерок играл ее волосами. Она была счастлива.

Она снова была с Жоффреем. Жила в каком-то изобилии чувств, одновременно нежных и милых, которые переполняли ее душу. После Вапассу, после побежденной зимы в ее душе воцарился мир.

Она была счастлива. То, что могло задеть или обеспокоить ее существование, до нее не доходило. Единственной достоверностью, имевшей для нее

значение, было его присутствие здесь, рядом, и сознание, что она достойна его любви.

Он сказал ей это на берегу Серебряного озера, когда северное сияние развertyвалось над деревьями. Она была Счастлива, что была его подругой, была дополнением его большого сердца и необъятного ума. Несведущая во многом, так легко заблуждавшаяся, слабая и заблудившаяся в мире, не имевшая убежища, теперь действительно принадлежала ему.

Они вновь познали родство душ. Никто не сможет разлучить их.

Время от времени она украдкой поглядывала на него, наслаждаясь возможностью видеть его загорелое лицо, все в рубцах, с нахмуренными бровями над полуприкрытыми из-за невыносимого блеска воды глазами. Вот так, сидя рядом с ним, не прикасаясь к нему, колени к коленям, без единого движения. Их соединяла плотская, казалось ей, связь такой силы, что временами щеки ее розовели. Тогда уже он загадочно, с деланным равнодушием смотрел на нее.

Ему был виден ее неполный профиль и пушистая округлость щеки, которую небрежно ласкали золотистые волосы.

Весна воскресила ее. Все ее формы приобрели законченную полноту и сладость неповторимой грации в неподвижности и в каждом движении. В глазах горели звезды, сочные полукоткрытые губы блестели.

Внезапно за поворотом реки показался плоский песчаный берег, а за ним место, где некогда была деревня.

С одной из лодок раздался призывный клич индейцев. Граф де Пейрак вытянул руку к линии деревьев, выглядевших голубыми в знойном мареве.

— Там Нориджевук... миссия.

Сердце Анжелики тревожно сжалось, но она сохранила невозмутимый вид. В глубине души уже

решила, что они не должны покинуть эту местность, не встретившись лицом к лицу с отцом д'Оржевалем и не попытавшись рассеять дипломатическими переговорами существующие разногласия и недоразумения.

Пока лодки маневрировали, направляясь к берегу, она подтянула к себе сундучок из мягкой кожи, в котором хранилась часть ее вещей. Даме, принадлежавшей к верхушке французского дворянства, не пристало быть перед грозным иезуитом небрежно одетой.

Она проворно уложила волосы под накрахмаленный чепчик, очень идущий ей, и дополнила ансамбль большой фетровой шляпкой, украшенной красным пером.

Немного фантазии все равно было необходимо. Она посещала Версаль, и ее принимал король. Надо будет упомянуть об этом при спесивом церковнике, который сверх меры похваляется своими придворными знакомствами, чтобы наводить страх на окружающих.

Затем надела казакин с рукавами, который пошила в форте из синего сукна и даже украсила белыми кружевами манжеты и воротник.

Лодка подошла к берегу. Жан схватился за свисавшую ветку дерева и подтянул лодку к берегу на песок. Чтобы избавить жену от опасности намочить туфли и подол платья, Пейрак взял ее на руки и понес к сухому месту. При этом, желая подбодрить ее, он заговорщически подмигнул.

Этот участок берега был пустынным, и его окружали кусты сумаха, над которыми возвышались высокие стройные вязы.

Один из индейцев сказал, что миссия находится в глубине леса.

— Все-таки мне надо поговорить с этим упрямым!
— воскликнул раздосадованный Пейрак.

— Да, это необходимо, — подтвердила Анжелика. Когда они пошли по пробитой в густой зелени тропинке, их сопровождал восхитительный, но одуряющий аромат цветущего боярышника.

Все это благоухание цветов и пыльцы стесняло дыхание, вызывало лихорадочное беспокойство, смутную ностальгию неизвестно о чем.

Двое испанцев возглавляли идущий отряд, двое других замыкали его. Несколько вооруженных человек остались охранять лодку.

Тропа змеилась через весенний лес, то суживаясь в чаще дикой вишни, то расширяясь в орешнике. Они брели уже около часа. Когда были в самой чаще, слышался звон колокола. Его чистые звуки проносились над лесом, заставляя сильнее биться сердце.

— Это колокол в часовне, — взволнованно сказал кто-то из идущих. — Мы уже близко.

Отряд людей из Вапассу возобновил марш. До них начал доходить запах, всегда витавший вблизи деревень, отдающий дымом очагов и табака, пригорелым жиром и кипящей кукурузой.

Никто не выходил навстречу. Это не согласовывалось с обычным любопытством индейцев, неизменно падких на любые зрелища. Колокол ударил еще несколько раз и замолк.

Лес кончился, перед ними раскинулась деревня. Она состояла из двух десятков крытых корой крупных вигвамов, окруженных палисадниками, где на сочных стеблях зрели тыквы и арбузы.

Несколько чахлах кур клевали разбросанные зерна.

В густой, словно тинистая вода, тишине они продвигались вперед. Испанцы заложили дула своих больших мушкетов и вилки сошек и выжидательно осматривались по сторонам, готовые при любом подозрительном движении занять боевую позицию.

Они держали сошку в левой руке, а указательный палец правой касался курка, и двигались вперед, крепко зажав Приклад под мышкой.

Так дошли до середины деревни. Именно здесь находилась небольшая часовня отца д'Оржеваля.

Глава 4

Это было отделанное искусным ремесленником большое деревянное строение, окруженное цветущими кустами, которые укрывали нечто вроде подворья. Все знали, что отец иезуит построил его своими руками.

Центральную часть увенчивала колоколенка, и серебряный колокол на ней еще дрожал.

Жоффрей де Пейрак молча подошел к двери, толкнул ее. И почти сразу же их ослепил яркий живой свет. Вставленные в четыре торшера, стоявшие на круглых подставках, пучки свечей горели с легким шорохом, который создавал впечатление незримого присутствия. Но внутри никого не было. Торшеры стояли с обеих сторон алтаря, Жоффрей де Пейрак и Анжелика подошли к нему. Над их головами блестела ажурная оправа, заключавшая в себе алую лампаду. Там было немного масла и торчал горящий фитиль.

— Тело и кровь господня налицо, — прошептала Анжелика, осеняя себя крестным знамением.

Граф обнажил голову и поклонился. Таявший воск свечей распространял вокруг благоухание.

По обе стороны алтаря были разложены священные облачения и ризы, сверкающие золотом, шелком и вышитыми изображениями святых и ангелов.

Здесь же находилась хоругвь, и они впервые увидели ее, хотя знали по описанию. Очень красивые священные сосуды, ковчежцы расположились возле дарохранительницы, над которой возвышался великолепный серебряный крест для процессий.

Ковчег со святыми мощами был старинной вещью, подаренной королевой-матерью. Этот ларец из дымчатого горного хрусталя охватывался шестью золотыми стяжками, на которых чередовались жемчуг и

рубины. Говорили, что в нем хранится кусочек одной из стрел, которыми в третьем веке убили святого Себастьяна.

Прямо на алтаре лежал предмет, назначение которого они не сразу смогли разобрать. Подошли ближе и увидели... мушкет! Длинный, блестящий, прекрасный символ войны был положен здесь. Как жертва, как клятва, как категорическое заявление...

Они вздрогнули одновременно. Им показалось, что слышат молитву, которую произносил здесь столько раз тот, кому принадлежит это оружие:

«Прими во искупление грехов наших кровь, пролитую во имя твое, Господи... Благослови тяготы войны ради тебя, Господи... Благослови тяготы войны, и пусть только те, кто служит тебе, имеют право жить. Да святится имя твое!

Я, твой слуга, возьму в руки оружие и буду рисковать жизнью ради твоего триумфа...»

Эту страстную и жестокую молитву они слышали в глубине своих сердец, И она потрясла их до такой степени, что Анжелика ощутила какой-то мистический страх.

Она поняла «его». Отлично поняла, что Бог воплотился для этого человека в нем самом. Кровь предков-крестоносцев лихорадочно билась в ее жилах. Она поняла, из какого источника питается и утоляется жажда мученичества и самопожертвования того, кто положил здесь это оружие.

И представила его где-то далеко со склоненным челом и сомкнутыми глазами, отрешенными от своей жалкой умерщвленной плоти.

Там он принял на себя все нелегкое бремя войны, все тяготы сражений и кровопролития, от которых опускаются израненные руки, и запекшиеся в пылу боя губы не пропускают в горло ни глотка воздуха.

«Мушкет Святой войны, верный слуга, бодрствующий у ног Царя Царей в ожидании часа прогреметь за него!»

Железные когти страха впились в горло Анжелики.

«Это ужасно, — подумала она. — Вместе с ним ангелы и святые, тогда как с нами...»

Она бросила растерянный взгляд на стоящего рядом супруга, и в глубине ее души возник ответ:

«С нами Любовь и Жизнь!»

На лице Жоффрея де Пейрака в трепещущем свете свечей появилось выражение горечи и насмешки, но он оставался невозмутимым. Не хотел пугать Анжелику, хотя тоже понял, для чего было выставлено оружие.

«Такая сила! Такое признание! Между вами и мной навсегда пролегло уничтожение. Между ним, одиноким, и ими, возлюбленными, война...»

И где-то в лесу, прижавшись лицом к земле, он, без сомнения, видел их внутренним взором, этот священник-воин, иезуит. Видел тех, кто выбрал наслаждения грешного мира, эту чету, стоящую перед знаком креста, едва не соприкасавшуюся руками и взявшуюся наконец за руки...

Теплая рука Пейрака сжала похолодевшие пальцы Анжелики. Он еще раз уважительно склонился перед дарохранительницей, затем медленно отступил назад, увлекая жену к выходу из часовни. Сверкающей и благоухающей, варварской и мистической, душной, пылающей...

Им пришлось немного постоять, чтобы прийти в себя, привыкнуть к реальному миру с его ярким солнцем, жужжанием насекомых, запахом деревни. Испанцы по-прежнему были в полной боевой готовности.

«Где же он? — подумала Анжелика. — Где же он?» Она тщетно пыталась проникнуть взглядом сквозь

вздрагивающую зеленую завесу облитых зноем деревьев.

Одним движением руки граф де Пейрак приказал всем вправляться в обратный путь.

Когда половина пути была пройдена, прошел небольшой дождь, наполнивший лес приятным шепотом.

Они ускорили шаг. Когда подошли к лодкам, река кипела под внезапным ливнем, а берег был чистым и гладким.

Но это была только гроза. Вскоре вновь появилось солнце.

Сопровождаемые флотилией индейских пирог, лодки возобновили спуск по течению, и скоро место, где находилась миссия Нориджевука, скрылось за поросшим кедрами и развесистыми дубами высоким мысом.

Глава 5

На следующей остановке, когда разбивался лагерь, Анжелика заметила бежавшую туземку, которая несла на голове какой-то необычный предмет.

Она погналась за ней, та не заставила себя долго просить и показала Анжелике заинтересовавший ее предмет, оказавшийся громадным пшеничным хлебом.

Она выменяла его за шесть шкурок выдры в голландской фактории, еще полштофа водки — за две шкурки серебристых лисиц. Теперь возвращалась в стойбище, где у нее были еще меха. Как она утверждала, в фактории полным-полно покупателей.

Фактория заявляла о себе приятным запахом булочной. Индейцы очень любили пшеничный хлеб, и в разгаре торгового сезона большая кирпичная печь работала непрерывно.

Фактория находилась на острове. В надежде, может быть, напрасной, что это поможет избежать судьбы предшествующей колонии, основанной лет 50 назад около большой деревни Хоуснок, которую под разными предложениями много раз грабили, сжигали, стирали с лица земли.

Сегодня Хоуснок был просто небольшим местечком. Только название и привычка у кочующих к югу племен останавливаться здесь свидетельствовали о былой истории деревни.

В более влажном воздухе уже ощущался солоноватый привкус, а многие местные индейцы, вавенуки и канибасы, вместо медвежьего жира намазывались с головы до ног жиром морских волков, как они называли тюленей, на которых охотились всю зиму.

Резкие испарения рыбного происхождения смешивались с духом горячего хлеба и звериными запахами скопившихся шкур, создавая вокруг фактории обонятельную симфонию, малоприятную для тонкого нюха.

Анжелику уже давно не огорчало отсутствие некоторых обязательных условий комфорта. Вид кишашего живого муравейника показался ей добрым предзнаменованием. Там должен находиться целый склад необходимых товаров.

Высадившись на остров, каждый занялся интересующим его делом. Жоффрей де Пейрак почти сразу же был остановлен каким-то мужчиной, заговорившим с ним на иностранном языке.

— Идем, — сказала Анжелика малютке Роз-Анн, — первым делом надо утолить жажду, а здесь можно найти свежее пиво. Затем мы сделаем покупки...

Они уже вышли из полосы затруднений в языковом вопросе, за последние месяцы с помощью Кантора Анжелика довольно прилично овладела английским.

Впрочем, ее питомица не отличалась разговорчивостью. На ее гладком бледном лице с немного выдающимся подбородком застыло выражение ранней не по летам задумчивой мудрости. Временами она казалась растерянной и оглушенной.

Тем не менее это был милый ребенок, даже благодарный, ибо в момент прощания с Вапассу она без колебаний оставила куклу Онорине. А ведь именно любовь к этой кукле заставила маленькую умирающую пленницу спрятать ее под корсаж, чтобы она не попала в руки индейцев.

Онорина оценила подарок. С чудесной игрушкой и прирученным медведем она сможет без особого нетерпения ожидать возвращения матери.

Несмотря на это, Анжелика продолжала сожалеть об ее отсутствии. Маленькая славная женщина как бы

наслаждалась оживлением этой фактории, где торговля была в разгаре.

Голландец, откупщик и уполномоченный компании Массачусетского залива, в черном запыленном сюртуке главенствовал среди двора. Сейчас он как раз замерял мушкетом кипу бобровых шкур. Длина ствола соответствовала сорока сложенным одна на другую шкурам. Здание фактории, выстроенное из обшитых ореховой дранкой бревен, имело довольно непритязательный вид. Анжелика и Роз-Анн проникли в просторное помещение. В нем царили приятная прохлада и полутьма, хотя два окна со вставленными в виде ромбов стеклами пропускали достаточно света.

Несмотря на неизбежную при торговле толкотню индейцев, тут сохранялась особая опрятность, говорившая о твердой руке и организаторском характере хозяина. С правой стороны находился длинный прилавок с весами, различными сосудами и мерками, куда насыпали жемчуг и скобяной товар для продажи.

Вверху, почти по всей длине стен, тянулись полки с товарами, среди которых Анжелика разглядела одеяла, шерстяные шапочки, полотняные рубашки, сахар, пряности... Внизу — бочонки с горохом, бобами, черносливом, копченым салом, рыбой...

На широком навесе около очага стояли ряды небольших кувшинов, пивных кружек, кубков, предназначенных для клиентов, желающих угоститься пивом, внушительная бочка с которым возвышалась на видном месте. Висевший рядом большой черпак позволял любому обслуживать себя.

Часть зала была отведена под таверну. Здесь стояли два больших стола со скамейками вокруг и перевернутыми пустыми бочками на случай массового наплыва или для любителей выпить в одиночестве. Там было уже много мужчин, окутанных клубами дыма.

Когда Анжелика вошла, никто не шевельнулся, но головы медленно повернулись в ее сторону и глаза заблестели, Поприветствовав всех, она взяла с навеса два оловянных кубка.

Выпить немного свежего пива было срочной необходимостью. Но чтобы добраться до бочки, надо было побеспокоить индейского вождя, который, закутавшись в плащ, расселся с сонным видом у края стола.

Она приветствовала его на языке абенаков с многословным выражением уважения. Индеец, похоже, вернулся из своей сонной мечтательности и внезапно выпрямился.

Его глаза вспыхнули и засверкали. Он созерцал Анжелику несколько мгновений с удивлением и восхищением, затем встал, прижал руку к сердцу и склонился в безукоризненном приветствии:

— Сударыня, могу ли я быть прощен? — начал он на безупречном французском языке. — Я никак не ожидал подобного видения. Позвольте представиться: Жан-Венсан д'Аббади, владелец Рабака и других мест, барон де Сен-Гастин, лейтенант короля из крепости Пентагоет, управляющий его владениями в Акадии...

— Барон, я восхищена встречей. Я столько о вас слышала...

— И я тоже, сударыня... Нет, нет, вам представляться не надо. Я узнал вас, хотя никогда не видел... Вы, вероятно, прекрасная госпожа де Пейрак!.. Вы приняли меня за индейца? Как объяснить мое неучтивое поведение?

Увидев вас перед собой, мгновенно сообразив, кто вы, я оставался на месте, окаменевший и онемевший, подобно смертным, которых по совершенно непостижимому капризу посещают боги.

Ибо в действительности, сударыня, я знал, что вы бесконечно прекрасны, но не мог и представить, чтобы

в вас при этом было столько очарования и приветливости. К тому же услышать обращение на индейском языке, который так люблю, из ваших уст и увидеть вашу улыбку, внезапно озарившую этот мрачный и грубый вертеп, — какое изумительное ощущение! Я не забуду его никогда!

— А вы, сударь, гасконец! — воскликнула она со смехом.

— А вы и в самом деле приняли меня за индейца?

— Конечно. — Она внимательно осмотрела медного цвета кожу, плащ и черные глаза.

— А теперь? — спросил он, сбрасывая вышитое жемчугом и иглами дикобраза красное покрывало, в которое был закутан.

Под ним оказался голубой камзол с золотыми галунами офицера с жабо из белых кружев. Но его уставная одежда состояла из одного этого предмета. Остальное заменяли высокие индейские гетры и мокасины.

Он подбоченился с высокомерием офицера королевской свиты.

— А теперь? Разве я не похож на настоящего придворного из Версаля?

Анжелика покачала головой.

— Нет, сударь! В моих глазах вы — вождь абенаков.

— Хорошо, пусть будет так! — степенно согласился барон де Сен-Гастин. — И вы, безусловно, правы. — Он склонился, чтобы поцеловать ей руку.

Такой оживленный обмен любезностями на французском языке прошел незамеченным в этой прокуренной атмосфере. А несколько индейцев не обратили внимания на происходящее в зале.

Один пересчитывал иголки, другой пробовал лезвие складного ножа на краю прилавка, третий, откинувшись, чтобы отмерить кусок сукна, задел

Анжелику и, недовольный, оттолкнул ее без всяких церемоний, потому что она метала ему.

— Пойдемте отсюда, — предложил барон. — Здесь есть комната, где мы сможем мирно побеседовать. Я прикажу старому Хиггинсу принести нам туда легкий завтрак... А эта очаровательная девочка — ваша дочь?

— Нет, это маленькая англичанка, которая...

— Тс-с-с, — живо прервал ее гасконец. — Англичанка!.. Если об этом узнают, я не ручаюсь за ее прическу и еще меньше за ее свободу.

— Но я выкупила ее надлежащим образом у захвативших ее в плен индейцев, — запротестовала Анжелика.

— Ваше достоинство француженки позволяет вам делать необычные вещи. Однако всюду известно, что мессир де Пейрак не склонен выкупать англичан, чтобы потом перекрещивать их. Это вызывает недовольство в высших сферах. Поэтому не давайте возможности заподозрить, что эта малышка — англичанка.

— Но здесь много иностранцев. Ведь хозяин этой фактории — голландец, и его приказчики, мне кажется, прибыли прямой дорогой из Новой Англии.

— Это ничего не доказывает.

— Тем не менее они здесь.

— А надолго ли? Прошу, будьте осмотрительней. Ах, дорогая графиня! — воскликнул он, снова целуя кончики ее пальцев. — Как вы очаровательны и совершенно соответствуете сложившейся о вас репутации!

— Мне кажется, что среди французов моя репутация отдает чем-то дьявольским.

— Вы такая и есть, — подтвердил он. — Дьявольская для тех, кто, как я, слишком чувствителен к женской красоте... Словом, я хочу сказать, что вы похожи на вашего супруга, которым я восхищаюсь и который пугает меня. По правде говоря, если я покинул свой

пост в Пентагоете и добрался до Кеннебека, то только с намерением встретить его. У меня для графа важные новости.

— Что-нибудь плохое произошло в Голдсборо?

— Нет, успокойтесь. Но я полагаю, что мессир де Пейрак сопровождает вас, пойду пригласить его присоединиться к нам.

Он толкнул дверь. Но прежде чем Анжелика, крепко держа за руку Роз-Анн, успела войти в соседнюю комнату, кто-то с шумом ввалился в торговый зал и устремился в сторону Сен-Гастина.

Им оказался французский солдат с мушкетом в руках.

— На этот раз уж точно, господин лейтенант, — захлебываясь проговорил он. — Они делают свое варево в котлах войны... Уж тут не ошибешься. Этот запах я узнаю среди тысяч других. Пошли понюхать!

Он схватил за руку офицера и потащил наружу.

— Понюхайте! Да понюхайте же! — настаивал он, поводя своим длинным носом, который придавал ему вид балаганного шута, — Пахнет... Оно пахнет кукурузой и вареной собачатиной. Да вы что, не слышите?

— Тут столько запахов, — сказал Сен-Гастин с недовольной гримасой.

— Но я-то не ошибусь. Когда так воняет, значит, они все в лесу пируют перед выходом на тропу войны. Жрут кукурузу и вареных собак! Чтобы набраться храбрости. Этот солдат был типичным простофилей. Шутники, избравшие его своей мишенью, должны были покатываться со смеху.

Ветер действительно доносил сладковатый запах, исходивший из глубины леса и подтверждавший, что там проходит туземное пиршество.

— Несет оттуда и только оттуда, — продолжал солдат, указывая различные места на левом берегу

Кеннебека. — Я не ошибаюсь.

Забавный малый! В неряшливо наброшенном синем плаще, он держал оружие с вызывающей тревогу неловкостью. Не носил ни гамаш, ни мокасинов, а только грубые ботинки, которые, казалось, усиливали его неуклюжесть.

— Зачем доводить себя до такого состояния, Адемар? — бросил барон де Сен-Гастин с притворной заботливостью, — Не надо было поступать в колониальные войска, если вы так боитесь войны с индейцами.

— Так ведь вербовщик во Франции нанимал меня так, что я очнулся только на корабле!

Между тем появился граф де Пейрак в сопровождении голландца и француза, которые остановили его при выходе на берег. Они услышали слова Адемара относительно «котлов войны».

— Мне кажется, этот парень прав, — сказал француз. — Идет много разговоров о предстоящей экспедиции абенаков, чтобы наказать обнаглевших англичан. Вы, Гастин, с вашими эчеминами будете вместе с ними?

Барон казался раздосадованным и не ответил. Он поклонился графу, который дружески протянул ему руку. Затем Пейрак представил жену своим спутникам.

Голландца звали Питер Богген. Другим был Бертран Дефур, который вместе с тремя братьями являлся владельцем винокурни в Исмэ, в самой глубине Французского залива. Широкоплечему пикардийцу с грубыми, словно вырубленными из обожженного солнцем дерева чертами лица, по-видимому, уже очень давно не представлялось случая выразить почтение красивой женщине.

Сначала он выглядел смущенным, но его естественная простота добавила смелости, и он с восхищенным видом низко поклонился.

Какой-то хрип, раздавшийся позади, заставил всех обернуться. Солдат Адемар вцепился в наличник двери. Его глаза были прикованы к Анжелике.

— Дьяволица... — бормотал он. — Это... это она! Почему вы сразу не сказали мне это, лейтенант?!

Сен-Гастин издал негодующее рычание. Он охватил солдата за шиворот и мощным ударом ноги в известное место заставил покатиться по пыли.

— Черт бы побрал этого кретина! — выдавил он, задыхаясь от возмущения.

— Откуда взялось такое чудо природы? — услышал он вопрос де Пейрака.

— А кто его знает! Вот такое пополнение присылают теперь из Квебека, Может, они думают, что в Канаде нужны солдаты, которые все время в холодном поту от страха?

— Успокойтесь, мессир де Сен-Гастин, — сказала Анжелика, положив руку ему на плечо. — Я не знаю, что хотел сказать этот бедняга. — Она не смогла удержаться от смеха. — Он был так забавен с вытаращенными от страха глазами. Это не его вина. Он запуган скверными слухами, циркулирующими по Канаде, и тут уж я бессильна. Повторяю, это не его вина.

— Таким образом, сударыня, вы не считаете себя оскорбленной? — настаивал Сен-Гастин, с подлинно южной страстью ломая себе руки. — Ах, я проклиная глупцов, которые, используя вашу отдаленность и покрывающую вас тайну, насочинили всякую чепуху и пустили в ход такую оскорбительную легенду.

— Теперь мне надлежит попытаться опровергнуть ее. Ведь ради этого я и сопровождаю мужа к побережью. Надо добиться, чтобы вся Акадия была убеждена если не в моей святости, то хотя бы в безвредности и добропорядочности.

— Что касается меня, то я уже убежден, — громогласно заявил Дефур, прижимая ладонь к сердцу.

— Вы оба — настоящие друзья, — с признательностью сказала Анжелика.

И проведя рукой по плечам обоих, одарила каждого одной из тех улыбок, чарующий секрет которых был ей известен.

Она знала, что может объединить в одном содружестве свержаристократического барона и отважного пикардийского крестьянина, ибо сама принадлежность к неистовой, дикой земле Акадии делала их братьями.

Глядя, как они увлекают ее к открытой двери, Пейрак смеялся вместе с ними.

— Вы знаете, дорогие друзья, — говорила она им, — что для женщины не так уж неприятно, что ее считают дьявольским созданием... Зачастую ей именно за это воздают должное, тем самым признавая ее слишком часто свергаемую власть. Бедняга Адемар не заслужил такого обращения. А теперь хватит об этом, прошу вас, пойдем. Я умираю от жажды.

Во втором зале фактории они расположились вокруг стола. Жизнерадостно обсуждали важные дела, положения. Драматические для других, в их устах они казались пустяковыми и комическими.

Голландец, вновь обретя в обществе французов присущий фламандцам веселый нрав, расставил на столе стаканы, бокалы, кружки с водкой, ромом и пивом, а также высокую оплетенную бутылку испанского шипучего красного вина, партию которого он выменял на меха на корабле карибских пиратов, случайно заплывших в устье Кеннебека.

Глава 6

Улыбаясь, Пейрак краем уха слушал сыпавшиеся на Анжелику со всех сторон комплименты. Снова, в который уже раз, плененный многогранностью ее женской натуры, он вспоминал, что в Тулузе она одной-единственной улыбкой и несколькими словами делала своими рабами его самых преданных друзей, готовых с тех пор отдать за нее жизнь.

Внезапно мысленно представил ее такой, какой она была год назад, когда они высадились в этих краях после того удивительного путешествия на «Голдсборо», где они встретились и узнали друг друга. Тогда у нее был трогательный вид и повадки загнанной лани. Казалось, ее окружал ореол мученицы.

И вот меньше чем за год она вновь обрела естественную живость и очарование счастливой женщины. Это был дар любви и счастья вопреки земным испытаниям.

Он воскресил ее в самом себе. И когда их взгляды встречались, она видела на его губах нежную улыбку.

Маленькая англичанка переводила взгляд с одного на другого.

Барон де Сен-Гастин рассказывал, как маркиз д'Юрвиль комендант Голдсборо, с помощью ларошельских гугенотов дал отпор двум кораблям пирата Золотой Бороды.

В конце концов исход боя был решен после доброго залпа раскаленными ядрами. На палубах появились языки пламени, и бандит убрался за острова. С тех пор он притих, но все равно надо быть начеку.

Граф спросил, не появились ли два корабля, которые он ожидает: один из Бостона, другой —

«Голдсборо», — возвращающийся из Европы. Но для этого время еще не наступило.

Что касается небольшой бостонской яхты, которая доставила людей Курта Ритца в устье Кеннебека, то ей пришлось сражаться с Золотой Бородой, она добралась до порта сильно потрепанной.

— За такой ущерб этот разбойник заплатит мне сторицей, — заявил Жоффрей де Пейрак. — Пусть не думает, что все ему будет сходиться с рук. А если не вернет моего швейцарца живым, я спущу с него шкуру. Достану его и на краю света!

Дефур сообщил, что Французский залив был разорен пиратами или флибустьерами теплых морей. Зная, что к английским и французским поселенцам Севера летом идут из Европы груженные товарами корабли, они рыскают в этих широтах, чтобы ограбить их с меньшим риском, чем испанские галеоны.

— Даже не считаясь с тем, господин граф, что англичанам нечего делать во Французском заливе...

Он добавил, что когда собрался в торговую поездку по побережью, ему в голову пришла одна идея.

— Вы так хорошо снабдили меня в прошлом году продуктами, господин де Пейрак, когда я, исчерпав запасы, был на грани голодной смерти, что, проезжая у устья реки Сен-Жан, я решил захватить несколько солдат из гарнизона небольшого форта Сент-Мари и привел их с собой, чтобы передать в ваше распоряжение.

— Так это тебе, оказывается, Дефур, мы обязаны присутствием этого простофили Адемара? — удивился барон.

Акадийский концессионер попытался защититься:

— Именно его мне навязали силой. Похоже, что в Монреале и Квебеке все стараются избавиться от него. Зато остальные — brave молодцы, умеющие драться.

Восхищенный Пейрак рассмеялся.

— Я благодарен вам, Дефур. Появление нескольких добрых вояк меня очень радует, но что сказали по поводу такого похищения мессир де Вовевар и шевалье де Гранривьер?

— Они были в Джерисеге.

— Но почему вы не оставили ваших солдат в Голдсборо? — спросил Гастин.

— Буря снесла меня до острова Мартиники, — просто ответил Дефур. — После чего меня четыре дня держал в плену сплошной туман. И я предпочел двигаться к западу. Проход в Голдсборо не легкий. К тому же я мог попасть в лапы Золотой Бороды. А так все закончилось встречей с вами.

Пейрак встал, чтобы пойти посмотреть на солдат, и его друзья последовали за ним.

Анжелика осталась в полутемном зале. Испанское вино было восхитительным, но после него немного кружилась голова. Роз-Анн выпила пиво. Ей хотелось есть. Едва Анжелика и ее подопечная успели обменяться мнениями по поводу того, что не мешало бы закусить, как перед ними возник приветливый старик и поставил на стол тарелки с солидными тартинами из свежего хлеба, намазанного вареньем из брусники.

Он с улыбкой предложил им подкрепиться, сказав, что его зовут Пилигрим.

Когда Роз-Анн насытилась, он сел рядом с ней и стал дружески расспрашивать ее по-английски.

Он очень взволновался, когда она сказала, что фамилия ее родителей Уильямы и они из Бидфорд-Себаго. И тут же поведал Анжелике, что дед и бабушка Роз-Анн находятся милях в тридцати отсюда.

Сказав это размеренным немного наставительным тоном, старик подошел к этажерке, поискал там что-то и вернулся с гусиным пером, рожком с чернилами и кусочком тонкой березовой коры, на котором начал проводить линии.

Это был схематический план, как пройти до английского поселения, где жили старый Бенжамен Уильям и его жена Сара, дед и бабушка Роз-Анн.

В заключение он сказал Анжелике, что, перебравшись на правый берег Кеннебека и двигаясь на запад, туда можно добраться меньше чем за день.

— Само провидение помогает нам! — воскликнула Анжелика.

Их желанием было доставить девочку к своим. Местность, где находились сейчас, была пограничной зоной, где Кеннебек обозначал зыбкий предел ничейной земли без правительства и законов.

Провидению угодно было, чтобы семья их подопечной находилась менее чем в десяти лье от Хоуснока.

Глава 7

Вечером все снова собрались по приглашению голландца, устроившего пир в честь гостей, и обсудили возможность отправить девочку в Брунсуик-Фоль. Хозяин принес карты.

Учитывая холмистую местность и незнакомые тропы, надо было рассчитывать на три дня, чтобы снова отказаться в Хоусноке и продолжить движение в Голдсборо.

Но граф мгновенно нашел другое решение. Брунсуик располагался возле реки Андроскоггин. Эта судоходная река позволяла за несколько часов доплыть до Кеннебека. Экспедиция делится на две части. Одна, более многочисленная, спускается по большой реке до моря, где ожидает присланный д'Юрвилем корабль.

А в это время Педфак и Анжелика в сопровождении нескольких человек достигнут английского поселка и, вернув семье ребенка, спустятся по Андроскоггину до места встречи с первой группой. На это не должно было потребоваться больше двух дней.

Покончив с этим, отдали честь выставленной Питером Боггеном жженке, скорее крюшону. Напиток изготавливался по старинному рецепту, широко распространенному среди голландцев.

В большом котелке смешивались два галлона лучшей мадеры, три галлона воды, семь футов сахара, различные пряности, виноград, лимоны...

Его подали горячим в большой серебряной чаше, установленной посередине стола, и гости по очереди набирали ложкой ароматное питье. Превосходное средство для поднятия настроения и забвения забот.

Кроме графа и графини де Пейрак с сыном, пришли барон де Сен-Гастин, Дефур, капрал из гарнизона Сен-

Жана, капитан французского корабля флибустьеров с острова Тортуги и его священник. Голландец и два его приказчика-англичанина дополняли общество.

Анжелика была единственной женщиной. Из-за присутствия ее и священника никто не нарушал правил хорошего тона.

Но Анжелика не доставила им огорчений, сумев создать атмосферу непринужденного веселья, где каждый блистал в своей неповторимости.

И раскаты чистосердечного смеха смешивались с таинственными шумами ночи и реки за стенами фактории.

При прощании всем было очень хорошо, они стали настоящими друзьями. Оставив голландца на острове, они переправились через реку и разошлись кто в лагерь, кто на корабль.

— Завтра я увижу вас, — прошептал Сен-Гастин Пейраку. — У меня для вас важные новости. Но сегодня — спать! Доброй ночи всем!

Он скрылся в лесу, окруженный индейцами, возникшими и снова исчезнувшими, словно призраки, из тьмы.

Для большей безопасности отряд разместился в двух хижинах. Граф с женой отказались от отдельного крова. Хоуснок притягивал к себе всяческое отребье из окружающих лесов. Здесь было много новообращенных индейцев с золотыми крестиками и четками, висевшими среди перьев.

Несмотря на присутствие голландца и приказчиков-англичан, нельзя было сказать, кому же принадлежит здесь власть: Англии или Канаде. Это были еще девственные леса.

А царствовал здесь француз...

Глава 8

— Как жаль, — вздохнула Анжелика. — Можно ли найти более приятного человека, чем барон де Сен-Гастин. К тому же я так люблю встречаться с французами...

— Из-за того, что они ухаживают за вами?

Им не хотелось спать, и Жоффрей, поддерживая нетвердо шагавшую Анжелику, направился вдоль берега. Внезапно он остановился, положил руку Анжелике на щеку и осторожно повернул к себе ее лицо.

В золотистом лунном свете оно было порозовевшим и оживленным, а в глазах мерцали тысячи звезд.

Он снисходительно и нежно улыбнулся.

— Они находят вас прекрасной, любовь моя, — прошептал он. — Они отдают вам дань уважения... Мне нравится видеть их у ваших ног, ведь я не слишком ревнив.

Они знают, что вы их породы, и гордятся этим. И они из ваших. В этой дали я тоже люблю встречаться с моими братьями-французами и читать в их чистосердечных смелых взглядах восхищение, которое вы им внушаете. Такова их шальная природа — неуступчивая, и мы тоже принадлежим к ним, любовь моя. И так останется навсегда!

Густая тень развесистой ивы скрыла их. Он прижал ее к себе и нежно поцеловал в губы. И всегда удивительное желание поднялось в них, пробуждая чувства пылкие, жгучие и всегда поглощающие.

Но они не могли задерживаться. Скоро займется заря. А лес не внушал доверия.

Повернув обратно, медленно шли они с охватившим их желанием, с этой тайной, этой тонкой болью

усмиренного желания, которое не хотело их оставлять, наполняя улыбки сожалением и согласием.

Это пройдет позже... Прелесть и вкус отложенного наслаждения... Томительно долго будут тянуться оставшиеся часы... полные предвкушения...

Они снова обменялись несколькими словами с часовыми.

В хижинах царил сон. Анжелика чувствовала себя слишком возбужденной и предпочла остаться снаружи.

Она села у воды, обхватив руками ноги и упершись подбородком в колени.

Ее глаза отдыхали на золотистой глади реки. Над нею возникали и рассеивались пряди легкого тумана.

Анжелика чувствовала себя счастливой, полной трепещущей, нетерпеливой жажды жизни. И все имело привкус переполнявшего ее чувства. Так же, как уверенность в любви, ей нравилось ее предвкушение.

Они могли долгие дни трудиться прилежно, чуждые страсти наслаждения, а затем случайный взгляд, нежная модуляция голоса внезапно зажигали головокружительный огонь в крови и жадную необходимость уединения.

Тогда она тонула в волнах желания, с головой окунаясь в то, что называла «золотым мраком».

Таким образом любовь так тесно переплеталась с тканью их существования, что она была то как шепот подземного ручья или неуловимая мелодия, то как грозная буря...

Эта любовная жизнь с течением времени стала их собственной тайной, первопричиной их лучезарной радости, и она непрерывно ощущала в себе ее горение.

Любовь...

Она стремилась снова попасть в Голдсборо. Там ждал дворец из дерева па берегу моря и в нем просторная комната с большой кроватью, покрытой мехами. Там она спала с ним...

Она еще будет спать там, когда буря вспененными волнами обрушится на скалы, а ветер завоет в согнувшихся деревьях.

Под сенью этого дворца, в просторных, простых, но прочных домах гугенотов один за другим погаснут огни...

А утром все будет чистым и сияющим. Острова в заливе засверкают, как драгоценности. Она пойдет прогуляться по берегу в сопровождении детей, осмотрит новый порт, отведаст омаров и устриц...

Затем распакует сундуки и разложит привезенные кораблями товары, примерит новые платья и украшения, сделает новую прическу. В Голдсборо есть большое трюмо в бронзовой раме. В его отражении она увидит себя в новом облике...

Он будет таким, о котором тщетно мечтала столько лет. Облик переполненной счастьем женщины.

Разве не было все подлинным чудом? Меньше года прошло, как она высадилась на этих берегах, вся дрожа от страха. Исхудавшая, мертвенно бледная, сделала первые неверные шаги по розовому песку Голдсборо и едва не упала на землю от слабости... Но рука Жоффрея поддерживала ее.

Годы ужасной борьбы, в которой прошла ее молодость, закончились здесь. И какими далекими казались они теперь, эти 15 лет, когда она скиталась в одиночестве.

Сегодня чувствовала себя моложе, чем тогда, потому что ее опекают и любят.

«Как это молодит, когда тебя любят, — подумала она. — Прежде я была старухой. Мне было сто лет. Всегда настороже, вооруженная, воинственная».

Сейчас коснувшийся ее страх не был больше тем головокружительным ужасом беспомощности, который она испытала, когда сражалась против короля и уж слишком мощных объединенных сил.

Тот, в чьей тени она нынче обрела желанный покой, был силен, трезв и благоразумен. Он без волнения брал на себя все заботы. Отличаясь от других, он умел их слушать и этим делал их друзьями.

И она начинала догадываться, что разум одного мужчины, достойного этого имени, может сокрушить миры. Ибо Разум сильнее Материи!

Он восторжествует над своими врагами, страна обретет мир, народы — порядок, леса будут расчищены, новорожденные города заселятся.

И всегда останется достаточно красоты, красоты дикой, чтобы облагораживать новые предначертания судьбы. Богатым и чудесным будет край Нового Света, избавленный от бесплодных войн.

Полуоцепепевшие от мечтаний и груза величественной ночи мысли Анжелики невольно драпировались в необычные декорации, согласовывались с витавшим в воздухе напряжением. Ничто не нарушало ее тайное ликование.

Пресный запах воинского пиршества мог разноситься по лесу, барабан — бить вдали, как нетерпеливо спешащее сердце, все было естественно.

Чувствовалось, что она причастна ко всему этому, но оставалась за пределами его досягаемости.

С юго-западной стороны в прозрачности ночи виднелись едва показавшиеся мачты небольшого брига флибустьеров, бросившего якорь в устье реки. С другой стороны, выше по течению, наоборот, царила густая тьма тумана и дыма, усеянная красными точками индейских очагов в вигвамах.

Затявкала лисица. Тяжелое, но гибкое тело животного проскользнуло в траве рядом с ней.

Это была росомаха Кантора. Взгляд Анжелики на мгновение встретился с горящими расширенными зрачками, полными бессознательной жестокости, в которых, казалось, затаился невысказанный вопрос...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. АНГЛИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Глава 1

На следующий день Анжелика, сидя в малом зале фактории, с увлечением шила для Роз-Анн платье из ярко-красного сукна. Семья девочки будет довольна, увидев ее красиво одетой, а не оборванной пленницей «мерзких» французов.

Через открытое окно она увидела пересекавший реку паром с тремя лошадьми. Мопертюи, служивший у Пейрака траппер, накануне привел их на берег и сейчас сопровождал вместе со своим сыном и Кантором.

Едва они причалили к острову, как юноша побежал со всех ног.

— Отец просил передать, что вы сейчас же должны отправиться в Брунсуик-Фоль. Он не может сопровождать вас и поручил мне быть переводчиком.

— Как досадно, я еще не закончила платья. А почему отец не может ехать с нами?

— Он должен встретить вождя эчеминов или мак-маков, я не знаю, которого барон де Сен-Гастин считает непременно представить ему. Отец предпочел выехать не дожидаясь, а нам поручил проводить малышку. По дороге я уже захватил в лагере ваши вещи.

Анжелика помогла маленькой англичанке одеть новое платье. С помощью булавки приколола кружевной воротничок и манжеты.

Она быстро причесалась и затянула кожаный пояс, отягченный пистолетом, с которым никогда не расставалась.

Снаружи дожидались Мопертюи и его сын, держа под уздцы оседланных лошадей. Анжелика по привычке проверила сбрую и наличие кожаного мешка, затем осведомилась о снаряжении каждого из них.

— Ну, хорошо, поехали! — решила она.

— А мне что делать? — спросил Адемар, ожидавший у дверей, сидя на перевернутом бочонке с мушкетом на коленях.

Мопертюи окинул его сострадательным взглядом.

— Оставайся здесь, старина!

— Но я не могу оставаться здесь один. Тут полно дикарей!

— Тогда иди с нами, — раздасадованно сказал канадец, — Твой капрал и остальные уже ушли с Пейраком.

— Ушли? — чуть не плача, пробормотал парень.

— Ладно, пошли! Его и в самом деле нельзя оставлять здесь одного, — извиняющимся тоном продолжал он, обращаясь к Анжелике. — К тому же лишнее ружье не помешает.

Они распрощались с голландцем и, переправившись на другой берег, углубились в тьму леса. Ясно заметная тропинка вела среди зарослей на запад.

— Куда так попадешь? — спросил Адемар.

— В Брунсуик-Фоль.

— А что это такое?

— Английская деревня.

— Но я не хочу идти к англичанам! Это враги!

— Заткнись, олух, и топай!

Они вышли на развалины брошенной индейцами деревни и продолжали путь дальше под сенью деревьев. Немного позже среди стволов осин и берез блеснула гладь озера. Около полудня тишина стала почти давящей, в сонном оцепенении раздавалось только жужжание насекомых. Маленькая англичанка сидела за Анжеликой. Мопертюи и Кантор ехали на двух других лошадях. Солдат и юный канадец шли за ними пешком. Адемар непрерывно бросал вокруг испуганные взгляды.

— За нами кто-то крадется...

Пришлось остановиться, чтобы он успокоился. Все прислушались.

— Это Вульверина, — сказал Кантор, — моя росомаха. Животное появилось из чащи, оскалив мордочку с двумя острыми белыми клыками, и припало к земле, словно готовое прыгнуть.

— Ой, да она большая, как баран, эта бестия! — простонал Адемар.

Все рассмеялись, а малютка Роз-Анн никогда не была так весела.

После дневной жары поднялся ветер, заставивший трепетать листья и наполнивший лес их шепотом. Они остановились, чтобы свериться с планом, который нарисовал старый Жозюе.

— Мы на правильном пути, Кантор?

— Да, да, — ответил юноша, снова сверившись с планом. Следы тропинки окончательно исчезли в зарослях.

Деревья все больше сгущались, образуя непроницаемый для света свод.

К счастью, наконец показалась освещенная просека. И в этот момент Мопертюи, сделав знак рукой, остановил всех. Произошла неуловимая перемена, какое-то изменение, породившее ощущение, что в лесу кто-то присутствует.

— Индейцы! — в ужасе прошептал Адемар.

— Нет, англичане, — сказал Кантор.

В ореоле пробивающихся сквозь листья солнечных лучей показалась фигура. Горбатый, обутой в огромные с пряжками туфли, в широкополой шляпе с бесконечно высоким верхом в виде сахарной головы, маленький старик стоял настороже при выходе из леса.

Обеими руками он потрясал старым мушкетом с коротким расширяющимся дулом. Прибывшие сохраняли полную неподвижность.

— Стой! — закричал старик пронзительным голосом,
— Если вы духи, то исчезните, не то пристрелю!

— Вы прекрасно видите, что мы не духи, — ответил Кантор по-английски.

Старик покопался в кармане черного камзола и вытащил громадные круглые очки, водрузил их на нос и стал похож на старую сову. Он что-то пробурчал по-английски.

Приблизившись мелкими шажками, он с головы до пят разглядывал Кантора, притворяясь, что не замечает Анжелику.

— Так кто же ты, говорящий с йоркширским акцентом? Неужели не боишься разгуливать по лесам?

— Мы направляемся к Бенжамену и Саре Уильям. Везем их внучку Роз-Анн, дочь Джона Уильяма.

Старик нагнулся и пронзительным взглядом из-за толстых стекол очков осмотрел девочку в красном платье.

— Ты говоришь, что этот ребенок — внучка Уильяма... Ого! Как занятно! Вот посмеемся!

Он с удовольствием потер руки, словно услышал забавную шутку.

— Ого-го! Воображаю!

С отсутствующим видом он незаметно взглянул на остальных, взвалил на плечо свое грозное оружие и пошел по тропинке.

— Ладно! Давай, давай, французы! — непрерывно хихикая, сказал он. — Приведите внучку старине Бену. Хо-хо! Представляю, какую он сделает рожу! Хе-хе! Но не рассчитывайте на выкуп, он скуп, как ростовщик...

Анжелика почти не улавливала смысла того, что он говорил. Кантор учтиво спросил:

— Мы еще далеко от Брунсуика? Мы опасаемся, что можем заблудиться.

Старик остановился и с недовольной гримасой покачал головой, как бы говоря, что если хватает ума

разгуливать в дьявольском лесу, то надо уж знать, куда идешь, и самому выпутываться.

В это время появился высокий индеец и приблизился к старику. У него в руке было копье, а на плече лук и колчан со стрелами. Он следил за разговором с полнейшим безразличием.

— Не смогли бы вы все-таки указать нам дорогу в Брунсуик-Фоль, почтенный старец? — снова спросил Кантор.

При этой просьбе, произнесенной со всей возможной учтивостью, лицо старого гнома исказила гримаса гнева, и он разразился неистовым потоком слов.

Но мало-помалу старик успокоился, немного поворчав, бросил еще несколько проклятий и заклинаний, затем повернулся и пошел по тропинке, а индеец занял место в конце каравана.

— Можно считать, что этот старый олух решил указать нам дорогу? — пробурчал Мопертюи.

— Похоже, — сказал Кантор. — Скоро увидим, куда он нас приведет.

— Пригласи его сесть на одну из лошадей, — предложила Анжелика. — Может быть, он устал.

Кантор перевел слова матери, но старик ответил бурной жестикуляцией, из которой следовало, что он отказывается. Он быстро шел вприпрыжку и, что удивительно, несмотря на свои громадные туфли, не производил ни малейшего шума.

— Это один из тех, кто обходит леса всей Америки в поисках трав и корней для лекарств, — заметил Кантор.

— Я не хочу идти к англичанам, да еще с неизвестным индейцем за спиной, — донесся из полутьмы жалобный голос Адемара.

Сиреневый вечер обволакивал ложбину, по которой они двигались. Время от времени старик осматривался вокруг себя, бормоча неразборчивые слова, поднимая

руку вверх и растопыренными тощими пальцами чертил неизвестно что в воздухе.

— О, пусть он приведет нас куда угодно, лишь бы выйти из этого леса, — сказала Анжелика, находясь на грани терпения.

Вскоре они вышли на обширное, покрытое зеленой травой плато с зарослями можжевельника и обломками скал. Тут и там виднелись стоявшие, как часовые, черные ели и кедры. Ветер принес какой-то знакомый запах, трудно определимый.

Попетляв между скалами и кустарником, спустились в небольшую долину, уже укрытую ночью, где не было ни малейшего проблеска света.

Другой ее склон, более крутой, поднялся перед ними, выделяясь на бледном небе. Оттуда шел забытый запах. Родной запах вспаханного поля. В густой темноте ничего не было видно.

Только угадывались прорезанные плугом свежие борозды влажной земли, источавшие запах весны.

Появилась плохо различимая тень. Подошедший крестьянин остановился и вытянул шею.

— Никак это французы... и индеец сзади, — пробурчал он. — Стой, ни шагу дальше!

Судя по его движениям, он снял с плеча оружие. Лошади перебирали ногами и всхрапывали, встревоженные раздающимся из темноты голосом. Кантор на своем лучшем английском приветствовал пахаря, доложил о маленькой Роз-Анн Уильям и поспешил назвать имя своего отца графа де Пейрака.

— Если вам приходилось иметь дела в Бостоне или Заливе Каско, вы не могли не слышать о графе де Пейраке. Он построил несколько кораблей на верфях Новой Англии.

Пренебрегая ответом, крестьянин приблизился и обошел вокруг них, принюхиваясь, как недоверчивая собака.

— Еще твоя мерзкая краснокожая скотина, которую ты таскаешь за собой, Шепли, — заворчал он снова, обращаясь к старому знахарю. — Лучше пустить в деревню тысячу змей, чем одного индейца.

— Он пойдет со мной! — вызывающе крикнул старик.

— И назавтра от нас останутся только оскальпированные трупы, как это произошло с колонистами в Уэльсе, когда они оказали гостеприимство несчастной индианке вечером, во время бури. Она указала дорогу своим краснокожим детям и внукам, открыла ночью перед ними ворота форта — и все белые были перерезаны.

Ибо Всевышний говорит: «Никогда не забывайте, что земля, на которую вы пришли, чтобы обладать ею, осквернена нечистыми, проживающими на ней... Не отдавайте дочерей ваших их сыновьям, и пусть никогда не тревожит вас ни их процветание, ни их благосостояние, и только так вы обретете силу...»

Но ты, Шепли, теряешь свою силу, все дни болтаешься среди индейцев...

После этой суровой библейской цитаты вновь наступила тишина, и Анжелику охватило ощущение, что велеречивый житель Брунсуик-Фоля как будто решил пропустить их.

Он даже занял место во главе маленького отряда и начал подниматься по склону. По мере того как выходили из ложбины, они попадали в весенние сумерки, которые тянулись очень долго. Порыв ветра донес до них запах стойла и далекий шум загоняемого скота.

Глава 2

И вдруг на золотистом небе с угасающими розовыми полосками показались очертания большой английской фермы. Она стояла одиноко и горящим глазом окна словно сторожила темную долину, откуда они появились.

Когда они приблизились, то разглядели ограду загона для скота. Это была овчарня. Здесь стригли овец, здесь же готовили сыр. Мужчины и женщины оборачивались и провожали взглядами новоприбывших.

За поворотом полностью открылась деревня с ее деревянными домами, громоздившимися друг на друга по склону холма, увенчанного вязами и кленами.

Они возвышались над травянистой ложбиной, по которой бежал ручей. Оттуда возвращались прачки с наполненными бельем ивовыми корзинами на голове. Ветер играл и хлопал их синими полотняными платями.

Тропа превратилась в улицу и после легкого спуска стала подыматься между домами и палисадниками. Горящие в окнах свечи поблескивали там и тут, соперничая с появившимися в кристальной чистоте вечера звездами, придавая этой мирной картине вид россыпи драгоценных камней.

Когда они остановились в другом конце деревни перед внушительным строением, почти все жители Брунсуик-Фоля собрались позади них с разинутыми ртами и вытаращенными глазами.

Повсюду виднелись только изумленные лица под белыми чепчиками и остроконечными шляпами, слышался шорох и синих, и черных одеяний.

Как только Анжелика спрыгнула с лошади и поклонилась окружающим, послышался неясный ропот,

и они растерянно попятились, но когда подошедший Мопертюи взял на руки Роз-Анн, чтобы опустить ее на землю, ропот на этот раз поднялся, как шум прибоя, и в этом нарастающем гуле слышались возгласы возмущения, негодования, протеста...

— Что я такое сделал? — спросил возмущенный Мопертюи. — Ведь не первый же раз вы видите канадца, а? И все тихо и мирно, как, мне кажется.

Старый знахарь вертелся, как выброшенная на берег рыба. Он что-то неразборчиво повторял по-английски, показывая на дверь большого дома. Он ликовал. Поднявшись на верхнюю ступеньку крыльца, он с силой толкнул дверь.

— Бенжамен и Сара Уильям! Я привел к вам вашу внучку Роз-Анн и французов, которые взяли ее в плен! — закричал он пронзительным голосом, полным торжества.

Словно при вспышке молнии Анжелика мельком увидела в глубине комнаты кирпичный очаг, украшенный кухонной утварью из меди и олова, двух стариков по бокам очага, одетых в черное, с одинаковыми белыми накрахмаленными брыжами, а женщину в большом накрахмаленном чепце, сидевших в уютных креслах с высокими резными спинками. На коленях старика лежала огромная книга, а женщина пряла на прялке лен.

У их ног сидели дети и служанки в синем, крутившие прялки.

Видение скоротечное, ибо при одном упоминании о французах оба главных действующих лица вскочили, безжалостно уронив книгу, очевидно, Библию, и прялку на пол, и с завидной быстротой схватили висевшие над очагом ружья и сейчас же направили их на пришельцев.

Потирая руки, Шепли с удвоенной энергией начал зубоскалить. Но почти в тот же момент вид Анжелики, удерживающей перед собой девочку, ошеломил

пожилую пару, и оружие внезапно стало сразу тяжелым, слишком тяжелым, для их задрожавших рук...

Ружья медленно опустились вниз, словно под грузом угнетающего оцепенения. Бледные губы старой дамы беззвучно шевелились.

Анжелика сделала реверанс и, попросив прощения за несовершенный английский язык, выразила свою радость по поводу возможности передать целой и невредимой в руки дедушки и бабушки девочку, избежавшую опасности.

— Это ваша внучка Роз-Анн. Обнимите же ее!

Не меняя выражения лица, Бенжамен и Сара Уильям с грустью посмотрели на девочку и одновременно тяжело вздохнули.

— Это так, — заявил наконец старый Бен, — это так, мы видим, что это Роз-Анн, и мы очень хотим обнять ее, но прежде необходимо... необходимо, чтобы она сняла это отвратительное платье красного цвета!

Глава 3

— С таким же успехом ее можно было привезти голой и с репейниками в волосах, — немного позже поддразнил мать Кантор.

Переживая свою оплошность, Анжелика никак не могла успокоиться.

— Что ждало бы меня, успею я пришить золоченые бантики к платью...

— Они бы содрогнулись, — сказал Кантор.

— Но ты же жил в Новой Англии и мог предупредить меня. Я бы не стала колоть пальцев, делая одежду.

— Прости меня, мама... Мы могли с таким же успехом наскочить на менее нетерпимую секту. И затем я сказал себе, что в противном случае позабавлюсь их надутыми рожками.

— Ты такой же зануда, как этот старый знахарь. Я не удивлюсь, узнав, что при виде красного платья Роз-Анн он заранее тешил себя возможностью позабавиться над нами. И без сомнения, только из-за этого решил указать нам дорогу.

Гостей проводили в своеобразную приемную, смежную с большой комнатой. Потомство у супругов Уильямов было многочисленное.

В большом доме в Брунсуик-Фоле жили по крайней мере две семьи их детей. Анжелику удивило, что никто не проявлял интереса к судьбе Уильяма-младшего, захваченного дикарями и увезенного в Канаду.

Известие, что ее невестка вынуждена была рожать в ужасных условиях и что у нее, таким образом, появился новый внук, не поколебало ледяного спокойствия миссис Уильям...

А ее муж завел долгое нравоучение, дескать Джон и Маргарет справедливо покараны за свою непокорность.

Почему бы им не жить в Бидфорде, в надежной набожной колонии, вместо того, чтобы возомнить себя в своей гордыне помазанниками божьими и отправиться основывать собственное поселение в пустынной глуши? И еще набраться смелости и дерзости крестить, забыв честь и совесть, это новое место благочестивым именем Бидфорда, в котором, они увидели свет?

Впрочем, теперь они в Канаде, и так им и надо. Он, Бен Уильям, всегда считал, что у Джона, его сына, нет дара предводителя.

Он отмахнулся от попыток Кантора дать точные сведения о пленниках. А подробности похищения он знал от Дарвина, мужа сестры их невестки.

— У парня не хватило размаха, но ничего, скоро он снова женится.

— Но его жена не умерла, — заметила Анжелика. — По крайней мере она была жива, когда я в последний раз видела ее в Вапассу...

Бенжамен Уильям больше не слушал. Для него все, что находилось за большими лесами к северу, было уже Другим Светом.

— Постарайся хоть раз быть откровенным, — сказала Анжелика сыну, — Есть ли в моем наряде что-нибудь такое, что могло настроить их против меня?

— Вам следовало бы чем-нибудь прикрыть это, — назидательным тоном сказал Кантор, указывая на сильно декольтированную грудь.

Они оба рассмеялись, как дети, под хмурым взглядом бедняжки Роз-Анн, когда вошли служанки в синих платьях, неся обитую медью деревянную лохань и несколько кувшинов с горячей водой.

Высокий юноша позвал Кантора, который последовал за ним, в свою очередь демонстрируя такое же чопорное сосредоточенное выражение, какое было у юноши.

Зато служанки, жизнерадостные девушки с румянцем от полевого воздуха, выглядели гораздо приветливее. Едва они избавились от строгого недремлющего ока старого хозяина, как охотно заулыбались и оживленными взглядами стали рассматривать Анжелику.

Прибытие этой знатной француженки было чрезвычайным событием. Они изучали каждую деталь ее скромного одеяния и следили за каждым ее движением. Но это не мешало им выполнять свои обязанности: принести мыло и нагреть холодное полотенце у огня.

Анжелика прежде всего занялась ребенком. Но дитя в конце концов взбунтовалось.

— Я хочу одеть красивое красное платье! — сквозь слезы прокричала она.

Словно для того, чтобы показать свой дух неповиновения, она несколько раз повторила эти слова по-французски, чем повергла в изумление служанок.

Этот безбожный язык в устах одной из Уильямсов, эта бесстыдная демонстрация гнева и упрямства, это явное кокетство — все вызвало ужасное замешательство, не предвещавшее ничего хорошего.

— Миссис Уильяме никогда не допустит... — нерешительно сказала одна из служанок.

Глава 4

Выпрямившись, словно проглотила аршин, строгая, непоколебимая, внушительная старая Сара Уильям окинула внучку, а потом Анжелику тяжелым взглядом.

Ее позвали, чтобы разрешить спор, и, по-видимому, только она одна могла это сделать. Набрякшие тяжёлые голубоватые веки прикрыли острые навывкате глаза, в которых порой вспыхивал черный огонь, озаряя это изможденное лицо, очень бледное, но своеобразно величественное.

Глядя на ее тонкие скрещенные руки, нельзя было забывать о стремительности, с которой они могли схватить оружие.

Анжелика поглаживала по головке не перестававшую плакать Роз-Анн.

— Это же ребенок, — мягко сказала она, поглядев на неумолимую хозяйку, — а детям естественно любить все яркое, радостное, красивое.

Только теперь она заметила, что волосы миссис Уильям закрывал очаровательный чепчик из фламандских кружев. Один из тех дьявольских предметов, об извращенной суетности которых недавно возглашал старый Бен.

Опустив глаза, миссис Уильям, похоже, размышляла. Затем отдала краткое распоряжение одной из девушек, которая тут же принесла небольшой сверток. Когда его развернули, в нем оказался полотняный передник с кармашками.

Одним жестом миссис Уильям указала, что Роз-Анн может снова надеть злополучное платье при условии, что его вызывающая роскошь будет частично прикрыта передником. Затем, повернувшись к Анжелике, она

подмигнула с видом заговорщицы, и на ее строгих губах промелькнула насмешливая улыбка.

Уладив обоюдные мелкие недоразумения, Уильям и его гости собрались вокруг накрытого к вечерней трапезе стола. Адемар бродил, как неприкаянный, по тропинкам деревни, сопровождаемый целым сонмом маленьких любопытных пуритан, которые время от времени робко касались пальцами его мундира солдата короля Франции и висевшего на плече мушкета.

— Лес полон дикарей, — стонал он. — Я чувствую их вокруг себя.

Анжелика пошла за ним.

— Вы же видели, Адемар, что мы не встретили за весь день ни единой живой души! Пойдем подкрепимся.

— Чтобы я сел среди этих еретиков, которые ненавидят Деву Марию? Никогда!

Он остался стоять перед дверью, хлопая москитов на щеках и перечисляя несчастья, которые подстерегают его повсюду в этой ужасной стране. Так дошел до того, что чувствовал себя в большей безопасности рядом с той, кого считал связанной с дьяволом, но по крайней мере достойной быть француженкой. И она разговаривала с ним приветливо и терпеливо, эта дама, которую считали дьяволицей.

Перед Анжеликой поставили чашку молока со взбитым яйцом. Это простое кушанье с почти забытым вкусом обрадовало ее.

Была еще отварная индейка под сильно пахнущим мятой соусом с гарниром из кукурузы. Затем принесли круглый пирог с подрумяненной корочкой и душистый компот из черники.

Сообщение о том, что граф де Пейрак и его семья жили на верхнем Кеннебеке почти в четырехстах милях от моря, повергло англичан в ужас.

Конечно, от французов можно всего ожидать, но это представлялось необычным подвигом.

— Правда ли, что вы вынуждены были съесть лошадей? — спрашивали они.

Молодежь особенно интересовалась загадочным для них французским дворянином, поборником правды и полномочным представителем Массачусетского залива.

Каковы его планы? Правда ли, что он ищет пути к союзу с индейцами и французами, чтобы избавить Новую Англию от губительных набегов?

Старый Бен помалкивал. Он, конечно, слышал разговоры о графе де Пейраке, но предпочитал не вмешиваться в пересуды о всевозможных иноземцах, ныне собирающихся поселиться на Мэне.

Ему не хотелось думать, что существуют на земле другие люди, кроме членов его небольшого рода. Он хотел один, как выходящий из ковчега Ной, встречать со своими зарю над миром.

Он всегда стремился к пустынным местам, всегда представлял себе, что им одним дано право славить создателя...

Только увидев его — с большим мужественным носом над окладистой белой бородой и полным нетерпимости взглядом, — Анжелика догадалась о беспокойной жизни патриарха, проводника народа, и только не понимала, почему он противился желанию сына следовать примеру отцовской независимости, когда он отправился из Бидфорд-Сака обосноваться в Бидфорд-Себаго.

Но это была одна из обычных тайн взаимоотношений между отцами и сыновьями, тайн, существовавших со дня сотворения мира. Слабости рода человеческого пробивали панцирь суровости и святости, и Анжелика ощутила, как в ней рождается трогательная симпатия к этой бескомпромиссной порядочности.

После превосходной еды ей стала более доступна некая общинная теплота, соединявшая этих людей в

темных одеяниях, равно как и их убеждения.

Каковы бы ни были учрежденные и утвержденные свыше принципы, чувства более человеческие всегда возьмут свое Роз-Анн сохранила свое красивое платье и с Анжеликой обращалась как с равной за семейным столом.

Присутствие Кантора интриговало. Его превосходный английский язык и знание Востока заслужили всеобщее признание. Но, очевидно, при мысли, что он тоже француз и папист, ощущалось некоторое замешательство.

Все мужчины: старый Бен, его сыновья и зятя — с интересом разглядывали его из-под нахмуренных бровей, задавали вопросы, заставляя говорить, размышляли над ответами.

В конце ужина дверь отворилась перед мощным толстяком, чье появление ощутилось порывом ледяного ветра в установившейся уже жизнерадостной атмосфере. Лица обоих стариков сразу же превратились в суровые маски.

Это был преподобный Томас Петридж; сангвинистического темперамента и с ирландским упрямством, он не смог достичь вершин морали, чтобы стать одним из наиболее великих пасторов его времени, исключительно из-за односторонней и педантичной натуры, постоянного разоблачения чужих грехов и частых взрывов святого и громогласного гнева.

Он окинул сидевших мрачным взглядом, задержался на Анжелике с нарочитым испугом, словно ее вид действительно превосходил худшие предположения; с презрением едва коснулся Роз-Анн, беззаботно испачкавшейся черникой, затем закутался в свой просторный длинный плащ, как будто хотел защититься от подобной гнусности.

— Итак, Бен, — начал он глухим голосом, — мудрость не пришла к тебе с годами. Иезуитский

приспешник, ты посмел усадить за свой стол точное подобие той, кто низвергла род человеческий в бездну горя и страданий.

Подобие Евы, искусительницы и обольстительницы! Ты посмел принять в лоно своей семьи набожной ребенка, который покроет ее только позором и бесчестьем. Ты посмел, наконец, принять и того, кто встречался в лесу с Черным Человеком и расписался кровью в гнусной книге самого Сатаны, заслужив безнаказанность, с которой он бродит по языческим лесам и тропам, но навсегда лишившись права переступить порог святого дома...

— Вы ко мне обращаетесь, пастор? — прервал его Шепли, поднимая нос от своей миски.

— Да, к тебе, безумец! — загремел преподобный. — К тебе, который, не заботясь о спасении души, смеет заниматься колдовством, чтобы удовлетворить постыдное любопытство. Господи, награди меня даром проникать в тайны сознания, и я без труда увижу в твоих глазах дьявольский блеск, кото...

— А я, преподобный, вижу в ваших глазах, налитых кровью, хоть и не дьявольский, но не менее опасный для вашего здоровья блеск, так что вы в один прекрасный день окажетесь неподвижным из-за действия зараженной жидкости в ваших жилах.

Старый знахарь встал и с хитрым видом подошел к вспльчивому пастору. Он заставил его нагнуться и посмотрел ему в глаза.

— С вами это произошло бы непременно. Но в моей сумке есть травы, раздобытые по моему постыдному любопытству, постоянное лечение которыми позволит вам без риска гневаться так часто, как вам заблагорассудится.

Пойдем, я уложу вас в постель и поухаживаю за вами. А чтобы изгнать демонов, зажгу кориандр и семена укропа.

Так закончилась в этот вечер обвинительная речь
преподобного Петриджа.

Глава 5

Грубо отесанные балки источали запах меда. Под ними по углам висели пучки высушенных цветов.

Анжелика проснулась первый раз ночью. Крик козодоя раздавался в темноте. Его непривычный зов на двух нотах напомнил гудение прялки, то близкое, то далекое.

Анжелика встала и, опершись руками о подоконник, настороженно всматривалась в сторону леса. Англичане из Новой Англии рассказывали, что козодой повторяет: «Плачь! Плачь, бедный Вильгельм!»

Крик внезапно прекратился. В ночном небе промелькнула тень. Два больших остроконечных крыла, длинный могучий клюв, бесшумный полет, прерываемый резкими зигзагами, фосфоресцирующий блеск красных глаз — козодой охотился.

Мощный стрекот цикад и сверчков, кваканье лягушек наполняли ночь вместе с запахом диких зверей ароматом земляники и чабреца.

Анжелика снова улеглась на высокую дубовую кровать с витыми колоннами и отдернутыми из-за жары занавес.

Вытканые руками Сары Уильям льняные простыни сохраняли такой же аромат свежести и цветов, как и комната. Сбоку кровати была укреплена на ремнях деревянная рама с соломенным матрасом. Постель ребенка рядом с родительским ложем. Эту ночь в ней проводила Роз-Анн.

Анжелика уснула почти мгновенно. Когда снова открыла глаза, небо уже порозовело и торжественно-нежное пение дрозда-отшельника сменило жалобные стоны козодоя.

В комнату лился аромат жасмина и сирени из палисадника, изгнав ночные ароматы. В траве около дома сквозь резные листья в утренней росе сверкали глазурью тыквы и арбузы. Насыщенный влагой воздух усиливал аромат сирени.

Снова Анжелика прильнула к маленькому окошку. Причудливые силуэты деревянных домов один за другим появлялись из тумана. Сделанные в основном из белой сосны, эти жилища в свете нарождающегося дня отливали серебром.

Кое-где виднелись сложенные из кругляка и крытые соломой риги, но в целом деревня представлялась зажиточной.

Анжелика с нескрываемым удивлением и интересом приглядывалась к обычаям англичан, которые привыкли рассчитывать только на себя и просыпались с молитвой на устах, разительно отличаясь от тех, с кем она обычно соприкасалась.

Гонимые в Америку необузданной и неизменной страстью молиться на свой лад и необходимостью дойти ради этого хоть до края света, они привезли с собой и Бога по своему образцу и подобию, который запрещал зрелища, музыку, карты и красные платья, то есть все то, что не было Трудом и Религией.

Именно в плодах хорошо организованного и продуктивного труда черпали они вдохновение и радость жизни.

Ощущение превосходства заменяло им наслаждение и сладость чувственности. Но сомнения и тревоги не переставали гореть в них, как свечи в доме покойника. Страна, ее климат способствовали этому...

Звучавшие на пустынных берегах устрашающие проповеди пасторов держали их в состоянии трогательной уязвимости.

Раздираемые таким образом между смирением и неистовством, самоотречением и честолубием,

нежностью сирени и тернолистостью ежевики, они имели право на жизнь только в постоянном ожидании смерти.

Преподобный Петридж считал, что они еще недостаточно прониклись сознанием этого. Ярким свидетельством тому была его воскресная проповедь.

Высунувшись из окна, Анжелика удивилась, что день уже начался, а всюду царит покой. Никто не выходил из домов, за исключением нескольких женщин, отправившихся за водой на речку, причем уж очень неторопливо.

Да сегодня же воскресенье! И для католиков тоже, о чем напоминал ей жалобный голос подошедшего к окну Адемара.

— Сегодня мы празднуем святого Антуана, сударыня.

— Да поможет он вам снова обрести утраченное благоразумие и храбрость, — пожелала Анжелика. — Ведь этот святой помогает находить утраченные вещи.

Адемар не воспринял шутки.

— В Канаде это большой праздник, сударыня. А я, вместо того, чтобы быть там и следовать за красивым шествием, нахожусь у черта на куличках среди еретиков, которые распяли Господа нашего. Я буду наказан за это. Что-то произойдет, я это чувствую...

— Да замолчите же, — прошептала Анжелика, — и спрячьте четки. Один вид этого предмета раздражает протестантов.

Но Адемар продолжал судорожно перебирать их и ушел, вполголоса бормоча молитвы деве Марии и всем святым, сопровождаемый молчаливыми маленькими пуританами в начищенных башмаках со сверкающими любопытством глазами.

Приход этого воскресенья, о котором французы совершенно забыли, воспрепятствовал их намерению

уехать. Все замерло. Не могло быть и речи о сборах. Это оскорбило бы местных жителей.

Старого Шепли, проходившего по деревне с мешком и мушкетом за плечом и явно направляющегося со своим индейцем в лес, провожали мрачные взгляды, недовольный ропот и почти угрожающие жесты.

Однако это его ничуть не беспокоило. Анжелика позавидовала такой независимости. Но разве она не вела себя так же, когда выходила на сбор целебных трав в лесах Вапассу?

Старый Шепли оказался единомышленником. Она с сожалением следила за ним, пока он не исчез с индейцем, спустившись в тенистую лощину, которая вела к реке.

С холма донеслись звуки колокола. Верующие направлялись к сооружению, возвышающемуся над деревней. Местом собраний здесь была церковь.

Построенная из толстых досок, она отличалась от других домов только небольшой остроконечной башенкой, где висел колокол. Квадратная форма сооружения позволяла быть одновременно и малым фортом, где в случае нападения индейцев можно укрыться и где наверху находились две кулеврины, чьи черные жерла в амбразурах располагались по обеим сторонам башенки, — символа покоя и молитв.

Здесь люди Брунсуик-Фоля устраивали собрания, славили Всевышнего, приводили в порядок дела колонии, обвиняли друг друга и сами получали выговоры, осуждали соседей и сами бывали осуждены...

Анжелика долго колебалась, прежде чем решилась присоединиться к столь суровому обществу. Уцелевшие остатки католического воспитания приводили ее в замешательство при мысли, что она вступит в храм еретиков. Смертный грех, неизмеримая опасность для души правоверной. Условный рефлекс, уходивший своими корнями в детство.

— А я одену красное платье? — спросила Роз-Анн. Поднимаясь с ребенком к церкви, Анжелика заметила, что жители, похоже, смягчили в честь Господа Бога строгость своей одежды. Хотя и не было видно красных нарядов, встречались девушки в платьях розового, белого и голубого цвета.

Кружевные чепчики, атласные ленты, широкополые шляпы с высокой черной тульей, украшенные серебряной пряжкой или пером...

Английскую моду, довольно привлекательную и практичную, Анжелика не переняла, путешествуя по земле Америки.

По дороге Анжелику встречали робкие улыбки и легкие поклоны жителей деревни. Видя, что она направляется к церкви, они шли за ней, довольные, что в это утро она станет их гостьей.

Кантор присоединился к матери.

— Я понимаю, что сейчас мы не можем говорить об отъезде, — сказала ему Анжелика. — Однако корабль твоего отца будет нас ждать в устье Кеннебека сегодня вечером, самое позднее завтра...

— Может быть, после проповеди мы сможем освободиться? Сегодня ведь скот пасется на лугу под охраной одного только пастуха. Телята могут наслаждаться молоком. Доить сегодня не будут, все отдыхают.

Сейчас я видел Мопертюи, Он повел наших лошадей к реке. Сказал, что пустит их пастись и будет сторожить вместе с сыном, а к полудню приведет обратно. Если мы тогда сможем уехать, не нужно будет ночевать в лесу.

На открытом месте перед церковью находился помост, на котором стояло нечто вроде пюпитра с тремя отверстиями: с большим в центре и меньшими по бокам.

— Большое для головы, — объяснил Кантор, — а другие — для рук.

Это был позорный столб для провинившегося. Рядом с варварским приспособлением на специальной табличке писалось имя осужденного и молитвы осуждения. Станок, на котором секли, дополнял судейское снаряжение небольшой пуританской колонии.

К счастью, этим утром помост пустовал. Но пастор Петридж в проповеди пригрозил, что он заполнится и, может быть, скоро.

Сидя между неподвижными, как восковые фигуры, верующими, Анжелика узнала, что замеченная ею нарядность в одежде вызвана не законным желанием почтить господний день, а ветром безумия, который внезапно подул на заблудшую паству. Ураганный ветер иностранного происхождения.

Это вызвало у нее воспоминание о молодости, о стычках с детьми крестьян-гугенотов, о фермах еретиков в Пуату, где с подчеркнутым пренебрежением старались отмежеваться от католических общин.

Но этих, в сущности, добрых людей, не знающих тонких нюансов такта и чувства юмора, отличала грубоватая и наивная честность.

Томас Петридж напомнил, что признаки хорошего воспитания одни из основных нестойких и очень легко исчезают.

Он бранил длинные волосы мужчин и даже женщин. Слишком много занимаются туалетом, нескромными украшениями! Срам!

— Вертос! Вертос! — позвал он.

Можно было подумать, что он обращается к какому-то демону, но это оказался только ризничий, которого он заставил пойти разбудить одного наглеца, заснувшего несмотря на его вопли.

Вертос, гном с остриженными горшком волосами, подскочил, вооруженный длинным жезлом с раздвоенным концом, украшенным пучком перьев, и

нанес им сильный удар по голове спящего. Перья предназначались для женщин, он щекотал ими под носом, когда слишком длинная проповедь вызывала дремоту.

— Презрение! — продолжал пастор мрачным голосом. — Вы уподобитесь тем людям, которые заботились о своем спасении и защите очень плохо, тогда как их враги оттачивали ножи и готовились перерезать им глотки.

Они только смеялись, плясали и считали, что у них нет врагов, не хотели видеть того, что начиналось, не предпринимали никаких мер предосторожности.

— Отец мой, я протестую! — воскликнул Бенжамен Уильям, поднявшись во весь рост. — Не следует говорить, что никто не заботится о спасении! Я послал обращение к правительству Массачусетса с просьбой прислать восемь — десять сильных расторопных мужчин, чтобы помочь нам во время жатвы.

— Слишком поздно! — прервал пастор. — Итак, я предвещаю: жатвы вы больше не увидите! Может, завтра, а может, даже и сегодня вечером многие будут убиты! Вокруг в лесу индейцы, готовые вас прирезать! Да, я вижу на их руках вашу красную кровь... и вашу... — выкрикивал он, тыча пальцами в побледневших прихожан.

На этот раз присутствующих охватил ужас.

— Ибо красное — это не цвет радости, — гремел Томас Петридж, впившись глазами в Анжелику, — а цвет бедствия, а вы, безумные, впустили его к себе! И вы скоро услышите глас Всемогущего, раздающийся с небес и говорящий вам: «Ты предпочел земные утехы блаженству созерцать мой лик. Да будет так! Уходите от меня навсегда!»

И вы навсегда погибнете во мраке преисподней, в пучине бездонной и беспросветной... Навсегда!

Всех проняла дрожь. На солнечную лужайку
выходили, робко оглядываясь, сопровождаемые
раскатами неумолимого голоса:

— Навсегда! Навсегда!..

Глава 6

— Далось ему это красное платье, — проворчала Анжелика.

Безмятежности воскресной трапезы, сопровождавшейся строками из Библии, не удалось рассеять неприятное впечатление от проповеди пастора.

После завтрака Анжелика вышла в огород, срывала Листья и травинки, растирала пальцами, чтобы определить по запаху их название.

Нагретый воздух худел от множества пчел. Ее охватило нетерпеливое желание увидеть Жоффрея. Мир казался пустым. И пребывание ее самой в этой английской деревне представлялось странным и невыносимым, словно во сне, когда начинаешь спрашивать себя, что ты здесь делаешь, и тебя охватывают какие-то необъяснимые подозрения.

— А чем занят Мопертюи? — крикнула она Кантору. — Посмотри! Солнце начинает склоняться к западу, а он еще не вернулся с лошадьми из леса!

— Я схожу туда, — бросил Кантор, тут же направляясь легким шагом в конец деревни.

Она следила, как он приближается к обступавшей полосе зелени. Хотела удержать его и крикнуть: «Нет, не ходи туда, Кантор!», но он уже исчез за поворотом дороги, проходившей возле овчарни.

Она вошла в жилище Бенжамена, поднялась по лестнице, быстро уложила свой саквояж, взяла оружие, накинула на плечи плащ, надела шляпу и снова спустилась вниз.

Сидевшие у окна служанки ничем не занимались, погруженные в грезы или в молитву. Она не хотела

беспокоить их, прошла мимо и вышла на заросшую травой улицу. Роз-Анн в красном платье бежала за ней.

— О, нет уезжать, дорогая госпожа, — зашебетала она на ломаном французском, догнав ее.

— Милая моя, я должна уехать, — сказала Анжелика, замедляя шаг. — Я и так слишком опоздала, мне уже следовало быть на берегу, где ждет не дождется корабль, И теперь так поздно, что мы не доберемся туда до рассвета.

Проявляя трогательную заботу и привязанность, Роз-Анн пыталась помочь Анжелике нести ее сак.

Они вместе поднялись на холм, их взорам открылись последние домики деревни, самые маленькие и бедные, крытые травой или корой. Дальше виднелась большая овчарня, затем начинался мир деревьев, крутых скал и бегущих ручьев.

В саду мисс Пиджон среди кустов показался величественный бюст миссис Уильям, которая проворно очищала цветы от увядших лепестков. Настойчивым жестом она позвала Анжелику. Та поставила сак и подошла, чтобы передохнуть.

— Видите эти розы? — спросила миссис Уильям. — Неужели они должны страдать только оттого, что сегодня господний день? Я должна была получить нахлобучку от нашего преподобного. Но заставила его замолчать. На сегодня уже достаточная порция...

Затянутой в кожаную перчатку рукой она показала на домик позади нее.

— Он там занимает душеспасительной беседой бедную Элизабет.

Ее глаза из-под тяжелых век лукаво сверкнули, а на тонких губах появилось подобие улыбки.

— Может быть, меня пригвоздят к позорному столбу, а на табличке напишут:

«За то, что слишком любила розы!»

Анжелика смотрела на нее, улыбаясь, но несколько озадаченная. Со вчерашнего вечера, когда она впервые столкнулась с религиозностью стариков, миссис Уильям, похоже, забавляло показывать себя с неожиданной стороны. Анжелика уже не знала, что и думать о ней.

И сейчас она не понимала, то ли миссис Уильям шутит, то ли насмехается, то ли подстрекает. У нее промелькнула мысль, что у благочестивой пуританки, возможно, есть склонность к крепким напиткам, но она тут же опровергла это предположение, как нелепое и чудовищное. Нет, тут дело в другом.

Сара Уильям выбралась из кустов и осторожно погладила тугие бело-розовые бутоны.

— Вот кто счастлив, — прошептала она.

Открыв калитку, вплотную подошла к Анжелике. Сняла перчатки и сунула в висевшую на поясе сумку с садовыми инструментами. В это время ее взгляд не отрывался от лица иностранки, которая привезла вчера ее внуку. — Вы встречались с королем Франции Людовиком XIV? Вы были близки с ним? Да, это чувствуется. Отблеск солнца остался на вас. Ах, эти французские женщины, сколько в них изящества! Пройдитесь... идите же... — Она подбадривающе взмахнула рукой. — Пройдитесь передо мной.

Ее незаметная улыбка стала явственней и, казалось, вот-вот сменится взрывом смеха.

— Я тоже становлюсь такой же, как дети. Мне нравится все яркое, красивое и свежее...

Анжелика сделала несколько шагов, как просила женщина, и обернулась. В ее зеленых глазах застыл вопрос, и она напоминала удивленного ребенка. Старая Сара очаровала ее.

Выйдя на середину дороги, рослая англичанка стояла, положив руки на бедра и гордо подняв голову. Ее узкую талию, сжатую безжалостным корсетом, окружали фижмы — нечто вроде валика из черного

бархата. Мода начала века. Сара остановилась рядом с Анжеликой.

— Вы не ощущаете запаха дикарей? — спросила она, И ее темные брови нахмурились, а лицо застыло в привычной маске. Страх и отвращение проскользнули в голосе. — Вы действительно не слышите его?

— Нет... — Анжелика непроизвольно вздрогнула. Тем не менее воздух никогда не казался ей таким душистым, как на этой возвышенности, где запах жимолости смешивался с ароматом цветущих садов, сирени, меда.

— Я слишком часто ощущаю этот запах, — сказала Сара Уильям, покачав головой, словно упрекая себя в чем-то. — Я чувствую его всегда. Он сопровождает меня всю жизнь. Хотя уже очень давно у нас с Беном не было случая открыть огонь, чтобы защитить наше жилище от этих краснокожих гадюк. Когда я была ребенком... и позднее, когда мы жили в той хижине, возле Уэлса...

Она прервала себя, снова покачала головой, будто отгоняя воспоминания о пережитом страхе и битвах.

— Там было море... В крайнем случае мы могли бежать туда. Здесь моря нет...

Она сделала еще несколько шагов.

— Не правда ли, здесь очень красиво? — ее голос звучал уже не так напряженно.

Малютка Роз-Анн, стоя на коленях в траве, делала букетик из цветов водосбора.

— Невегеваник, — прошептала старая дама.

— Земля весны, — откликнулась Анжелика.

— Значит, вы тоже знаете? — спросила англичанка, с непритворным интересом взглянув на нее.

Снова ее черные глаза из-под тяжелых век впились в Анжелику, словно пытаясь прочесть ее мысли, разгадать что-то, найти ответ, объяснение...

— А Америка? — продолжала она. — Итак, это правда, вы любите ее? Однако вы еще так молоды...

— Я совсем не так уж молода, — запротестовала Анжелика. — Да будет вам известно, что моему старшему семнадцать лет...

Смех англичанки прервал ее. Она впервые смеялась. Ее смех был ломкий, непосредственный, как у ребенка, он открыл крупные здоровые зубы.

— О, это так! Вы молоды, — повторила она. — Да вы еще не жили, моя дорогая!

Анжелика едва не рассердилась:

— В самом деле?

Безусловно, те двадцать пять лет, на которые миссис Уильям была старше, позволяли ей проявлять свое превосходство, но Анжелика полагала, что ее судьба не была столь краткой и бесцветной, чтобы она не могла претендовать на знание того, что называется «жизнь».

— Ваша жизнь так молода! — утверждала миссис Уильям безапелляционным тоном. — Она едва началась!

— Неужели? В самом деле?

— У вас очаровательное произношение, когда вы говорите «в самом деле». Ах, уж эти француженки, как они счастливы! Вы подобны огоньку, начинающему мерцать и уверенно разгоревшемуся в мире мрака, который больше не страшит! Ведь только теперь вы начинаете жить, неужели не чувствуете этого?

Когда женщина молода, она отдает все жизненные силы, чтобы доказать свою самостоятельность. Это изнурительно. И она в одиночестве выносит это. Распрощавшись с детством, кто становится более одиноким, чем молодая женщина? В сорок, пятьдесят лет можно начинать жизнь! Самостоятельность уже проявлена!..

Мне кажется, я получила самое большое удовлетворение только в тот день, когда установила, что молодость покинула меня, покинула навсегда, — вздохнула она. — В душе появилась внезапная легкость,

сердце стало мягче и чувствительнее, и глаза увидели мир.

Она лукаво улыбнулась и, как маленького ребенка, ласково погладила по щеке Анжелику.

А Анжелика забыла, что ей надо уезжать. Солнце словно остановилось и отдыхало над горизонтом, как гигантский ослепительно желтый распустившийся цветок на ложе белых пушистых облаков.

Она слушала миссис Уильям, а та взяла ее за руку, и они потихоньку пошли назад в деревню.

— Вы любите эту страну, сударыня, не так ли? — продолжала она, — Это значит, что вы хорошей породы. Когда я была молода, то страдала от нашего жалкого и опасного существования на побережье. Хотелось попасть в Лондон. Только страх перед отлучением удержал меня от этого. Нет, — сказала она, как бы опережая возможный вопрос, — нет, я не была красивой в молодости. Это теперь я стала красивой. А в молодости я была худой, высокой, бледной... безобразной.

И тихо рассмеялась.

— В то время я даже не способна была зажечь огонек интереса тех пиратов, что высаживались около наших поселений, чтобы обменять ром и ткани на свежие овощи и фрукты.

Им было приятно встретить белых на том диком берегу, лакомиться свежими продуктами, которые мы начали разводить. Они, не зная стыда и совести, и мы, набожные до безрассудства, ощущали себя представителями одной расы, заброшенной на край земли... Теперь на берегу людей в избытке, и предостаточно подозрительных кораблей в заливе. Мы предпочитаем быть подальше, на границе...

Я удивила вас, дитя мое, рассказами моими, моими признаниями. Но вспомните, что ваш Бог менее грозный, чем наш. Когда мы стареем или нам надо

проявить хитрость, злобу, лукавство, всегда поступаем по-своему. Тогда все улаживается. И ничто больше уже не имеет значения!

Она с вызывающим видом встряхнула головой, но лицо сохраняло безмятежное спокойствие.

Вчера вечером столько неприступной твердости, сегодня — мягкость и смирение.

Анжелика снова спросила себя, нет ли у почтенной пуританки тайной слабости к хорошо припрятанной бутылке сливянки. Но погруженная в подобие сладостного полусна, отогнала эту мысль.

Позже она снова переживет этот волнующий момент, постигнув его смысл.

Приближающийся грозный рок вынуждал эту женщину перед последней годиною на произвольные поступки, почти необдуманные, которые, в сущности, были просто следствием душевного волнения, воплощением выражения горячего сердца, всегда остававшегося пылким и нежным под прочным панцирем религии.

Старая англичанка повернулась к Анжелике, взяла ее лицо в свои бледные руки и обратила на нее полный материнской нежности взгляд.

— Пусть земля Америки будет благосклонна к вам, дорогая дочь моя, — торжественно сказала она вполголоса. — И я прошу вас... прошу: охраняйте и спасите ее!

Она вся напряглась и лицо приняло оттенок мрамора, в то время как горячий взгляд черных глаз устремился к бездонному небу.

— Что произошло? — прошептала она.

Они молча сделали несколько шагов. Вдруг миссис Уильям снова остановилась. Она схватила молодую женщину за руку и сжала с такой силой, что Анжелика вздрогнула.

— Слушайте, — сказала англичанка изменившимся голосом...

Все казалось застывшим, замершим. И тогда они услышали далекий нарастающий гул, похожий на шум ветра и моря, смешавшийся с далекими криками, резкими и пронзительными:

— Абенаки! Абенаки!..

Увлекая за собой Анжелику, Сара Уильям быстрыми шагами прошла до поворота дороги. Показалась деревня, спокойная и пустынная.

Но шум, напоминавший крики тысячи сов, нарастал, приближался, и теперь к нему примешивались испуганные возгласы поселенцев, заметавшихся, словно обезумевшие крысы, между своими жилищами.

— Абенаки!

Анжелика взглянула в сторону луга. Ужасное зрелище открылось ее глазам. То, чего боялась, что предчувствовала и во что не хотела верить, произошло!

Лавина полуобнаженных индейцев, потрясавших томагавками и тесаками, выкатывалась из леса. Словно обитатели потревоженного муравейника, индейцы в считанные секунды покрыли склон долины, разливаясь темным, краснеющим потоком, внезапным бушующим приливом, испускающим устрашающие вопли.

— Ну-у-у-у!..

Поток спустился к ручью, пересек его, поднялся по другому берегу, достиг первых домов.

Какая-то женщина в синем платье, шатаясь, как пьяная, взобралась на небольшой холмик. Лицо белое, темное пятно рта в судорожном крике:

— Абенаки!..

Что-то невидимое толкнуло ее в спину. Вскрикнув, она упала лицом на землю.

— Бенжамен! — закричала Сара. — Бенжамен! Он же один в доме...

— Остановитесь! — Анжелика попыталась удержать старую даму, но та в неистовом порыве бросилась прямо к жилищу, где ее дремлющий верный супруг подвергался опасности быть захваченным врасплох.

Анжелика увидела, что метрах в ста от нее из зарослей выскочил индеец, в несколько прыжков догнал Сару и сразил метким ударом дубинки. Нагнувшись, он схватил ее за волосы и уверенным движением руки оскальпировал ее.

Анжелика бросилась назад.

— Бежим! — крикнула она Роз-Анн, показывая в сторону овчарни. — Бежим туда!

Она пустилась изо всех сил. Перед садом мисс Пиджон остановилась, чтобы подобрать свой сак, который там оставила. Распахнув калитку, она ворвалась в домик, где преподобный Петридж и старая дева продолжали дискутировать о судном дне.

— Дикари! Они идут сюда! Абенаки! Они напали... Укроемся в овчарне...

Она уже сообразила, что прочное строение, по-видимому, укрепленное, может послужить хорошим местом для защиты. Можно будет хоть на время спастись. Это подсказал ее жизненный опыт. Анжелика увидела, как дородный Томас Петридж мгновенно вскочил, схватил на руки миниатюрную мисс Пиджон и без лишних слов бросился через огород к убежищу.

Анжелика хотела следовать за ним, но передумала. Спрятавшись за дверь, она зарядила оба своих пистолета и, взяв один в руку, снова вышла.

К счастью, вокруг никого не было. Упавшая женщина оставалась неподвижной. Между плечами у нее торчала стрела. Эта часть деревни, скрытая от других жилищ холмом и излучиной дороги, еще не привлекла внимания индейцев, за исключением того, который оскальпировал миссис Уильям.

Доходивший снизу шум был ужасным. Но здесь еще царила тишина тягостного ожидания. Птицы умолкли. Бегом Анжелика добралась до хранилища кукурузы. Адемар спал.

— Вставай! Дикари! Беги! Беги к овчарне! Захвати мушкет!

В полной растерянности он пустился бежать. Она осмотрелась и увидела оружие Мопертюи и его пороховницы, висевшие на крюке.

Лихорадочным движением зарядила ружье, ободрав при этом пальцы, когда что-то упало сзади нее. Анжелика увидела абенака, который влез через крышу и скатился с кукурузной горы. Она резко обернулась, держа мушкет за дуло. Точный удар прикладом пришелся в висок дикаря.

Он упал... Она выбежала.

Тенистая улица по-прежнему оставалась пустынной. Она понеслась по ней. Кто-то преследовал ее. Бросив на бегу взгляд через плечо, она увидела индейца, который с поднятым томагавком догонял ее.

Анжелика не могла остановиться, чтобы прицелиться в него. Единственным спасением была скорость, и ей показалось, что ее ноги больше не касаются земли.

Наконец она влетела во двор овчарни и бросилась под одну из повозок. Брошенный индейцем томагавк вонзился в обод колеса повозки рядом с головой Анжелики.

Затаив дыхание, она прицелилась и в упор сразила индейца. Вцепившись руками в опаленную порохом грудь, он рухнул на землю.

В несколько прыжков молодая женщина достигла порога, и дверь открылась прежде, чем она успела постучать. Затем ее закрыли и закрепили двумя крепкими дубовыми брусьями.

Глава 7

Кроме пастора, мисс Пиджон, солдата Адемара и маленькой Роз-Анн там находились многие жители деревни, которые проживали по соседству с овчарней.

Ни слез, ни жалоб. Обстоятельства сделали кровь пахарей воинственной. Вооружившись бантиками из черной шерсти, женщины уже чистили стволы ружей, снятых с их постоянных мест над очагом.

Самюэль Корвин просунул дуло оружия в одну из бойниц, которыми был наспигован весь дом, по обычаю первых поселенцев Новой Англии. Через другое отверстие можно было наблюдать, что делается снаружи.

Так они увидели, как графиня де Пейрак убила преследовавшего ее индейца. В быстрых взглядах, которыми ее окинули, чувствовалась признательность. Она принесла оружие и умела им пользоваться. Пастор сбросил на скамью сюртук. Завернув рукава рубашки, с хищно приподнятой губой, он готовил заряды.

Анжелика забрала у дрожавшего, как лист, Адемара, мушкет, а пастору вручила мушкет Мопертюи. Кто-то из детей заплакал, но на него зашикали.

Снаружи было тихо. Только издалека доносился шум, напоминавший рокот моря: шум битвы. Затем слышались глухие выстрелы, и Анжелика подумала о небольших пушках, установленных в церкви.

Можно было надеяться, что часть жителей успела спрятаться в этом укрытии.

— Всевышний покровительствует детям своим, — возгласил пастор, — ибо они есть его воинство.

Кто-то делал отчаянные знаки, чтобы он замолчал. На дороге показалась небольшая группа индейцев с

факелами в руках. Очевидно, они вышли из лощины и направлялись прямо сюда.

Снова заплакал ребенок. У Анжелики возникла идея, и она подошла к одному из больших пустых котлов, видимо, служивших для варки сыра. Приказала Роз-Анн спрятаться в нем вместе с самыми маленькими детьми.

Они оказались, как в гнезде. Надо было только сидеть тихо. Она наполовину закрыла крышку. В этом убежище детям будет спокойнее, и они не подвергались риску быть задетыми сражавшимися.

Затем Анжелика вернулась на свой наблюдательный пункт. Индейцы остановились перед оградой. Они заметили труп одного из своих, лежащий поперек тропинки.

Их было четверо, и они переговаривались, поглядывая в сторону дома. В розоватых вечерних сумерках их лица с боевой окраской выглядели страшно, и Анжелика, несмотря на то, что локти прижимались к стоявшим рядом единомышленникам, ощутила боязнь перед индейцами и дрожь по всему телу.

Индейцы толкнули калитку и двинулись через двор, пригибаясь, как хищные звери.

— Огонь! — вполголоса сказал Корвин.

Прогремел залп.

Когда дым рассеялся, трое абенаков в агонии корчились на земле, четвертый убежал.

Затем последовало настоящее нашествие. Дикари появились из лощины и сзади. Волны темно-красных тел накатывались, казалось, отовсюду, крики и стоны смешивались с грохотом выстрелов.

Осажденные в овчарне стреляли непрерывно, передавая оружие женщинам и принимая перезаряженные мушкеты. Дым разъедал пересохшие глотки, пот ручьем стекал по ожесточенным лицам, хриплое дыхание вырывалось из полуоткрытых губ.

Анжелика отбросила мушкет в сторону. Кончились боеприпасы! Она вытащила свои пистолеты, зарядила их, насыпала в карманы пули более мелкого калибра и набила ими рот, чтобы быстрее заряжать, и с той же целью закрепила на поясе пороховницу и коробочку с пистонами.

С крыши донесся треск. Сверху в глубину помещения свалился индеец. Он упал рядом с пастором, и тот уложил его на месте ударом приклада. За ним последовал другой, который ударил дубинкой по затылку проповедника. Несмотря на мощное телосложение, у пастора подогнулись колени. Дикарь схватил его за волосы и успел провести ножом по лбу, но тут же получил пулю в грудь из пистолета Анжелики.

Во время вторжения индейцев через крышу англичане отступили к углу высокого очага. Анжелика перевернула большой стол из толстых досок и сдвинула его в сторону, получив заграждение, за которым все они укрылись.

«Откуда у нее взялись силы, чтобы это сделать?» Позже она спросит себя об этом. А сейчас, в пылу битвы, ее охватила ярость, особенно при мысли, как глупо попала в ловушку в этой деревне.

Оказавшись отрезанными, крестьяне стреляли только в двух направлениях: в глубину помещения, куда индейцы прыгали с крыши, и в дверь, уступавшую ударам томагавков.

Это была настоящая резня, не доставало лишь малости, чтобы при стрельбе по такой сосредоточенной цели победа осталась за вооруженными огнестрельным оружием белыми.

Но колонисты уже тратили последние пули. Брошенный томагавк вонзился в плечо Корвину, и он с криком упал.

Извиваясь, как змея, один индеец проскользнул между стеной и стволом, схватил чью-то юбку и

потащил к себе. Женщина отчаянно сопротивлялась, уронив пороховницу, которую держала в руках.

Стоя у столешницы, старый Картер сокрушал всех вокруг себя ударами приклада. Когда он в очередной раз поднял оружие, тонкое лезвие кинжала прошло его ребра. Опустив руки, он согнулся вдвое и закачался, как былинка на ветру.

Вдруг из глубины комнаты взвился в воздух индеец, пролетел над головами и очутился за столом среди англичан, даже позади них. Им оказался сагамор Пиксарет, вождь и самый знаменитый воин Акадии.

Анжелика услышала за собой хриплый смех, и железная рука с силой опустилась на ее затылок.

— Ты моя пленница! — раздался торжествующий голос сагамора.

Анжелика выпустила уже бесполезное оружие и обеими руками схватилась за толстые длинные косы индейца с вплетенными в них лисьими лапками.

Поскольку она его знала, страх покинул ее, и она уже не считала его и его банду врагами. Это были всего лишь абенаки, она знала их язык и могла легко предугадать ход их примитивных мыслей. Быстро отвернулась, чтобы выплюнуть оставшиеся во рту пули.

— Вы напали на деревню только для того, чтобы взять меня в плен? Это Черное Платье приказал вам?

И такие молнии били из ее зеленых глаз, что он замер. Уже не первый раз встречались сагамор Пиксарет и женщина с Верхнего Кеннебека.

Обращаться с ним так враждебно! Но какая еще женщина решилась бы вот так схватить его за косы, знак его достоинства, и смотреть на него так дерзко, хотя смерть витает над ней. Когда-то она уже стала между ним и ирокезом с таким же видом. Ей был неведом страх.

— Ты моя пленница! — повторил он суровым тоном.

— Я охотно буду твоей пленницей, но ты не убьешь меня и не выдашь Черному Платью, потому что я француженка и дала тебе свой плащ, чтобы завернуть кости твоих предков.

Вокруг них крики и напряжение продолжавшегося боя достигли предела. Началась рукопашная. Затем все кончилось. Мало-помалу воинственные возгласы уступили место трепетной тишине, вскоре сменившейся стонами раненых.

С Картера сняли скальп, но остальные европейцы были живы. Преподобный Петридж, освобожденный из груды трупов, под которыми был погребен, с налитыми кровью глазами стоял, шатаясь, между воинами.

Раздался отчаянный вопль:

— На помощь, сударыня, меня убивают!

Это оказался Адемар, извлеченный из-под какой-то мебели.

— Не убивайте его! — крикнула Анжелика. — Вы же видите, что это французский солдат.

Ее вмешательство как будто подействовало. А положение их было безвыходное. Анжелика находилась в лихорадочном возбуждении, неотступно изыскивая возможность выбраться из этого осинового гнезда. Трагическая абсурдность положения вызвала у нее приступ гнева, который обострил способности к защите. Уже некоторое время ей не дает покоя одна мысль. Ведь она понимала индейцев и благодаря этому вырвется из захлопнувшейся западни. Ибо это были хищники, а хищников можно укротить.

Она отдавала себе отчет в том, что банда Пиксарета действовала обособленно от основных сил и появилась с другого направления. Так что происшедшее в овчарне сражение было частным эпизодом, не зависимым от главной банды.

Пиксарет колебался. Некоторые слова Анжелики поставили его в тупик.

«Я — француженка!» А ведь его учили сражаться с англичанами.

— Ты крещеная?

— Конечно! — раздраженно воскликнула она, несколько раз перекрестившись, взывая к Деве Марии.

Через выбитую дверь Анжелика заметила мельком канадского траппера, который показался ей знакомым. Она бросилась вперед и взволнованно позвала:

— Господин де Л'Обиньер!

Это был Трехпалый с Трехречья. Он держал в руках отполированную дубинку и маленький индейский топорик с красным от крови лезвием. Голубые глаза блестели на потемневшем от пыли и крови лице.

Кровь испятнала его замшевую одежду и пурпурными струйками стекала с наскоро засунутых за пояс скальпов.

Удастся ли уговорить такого? Это был неподкупный рыцарь, воин господний. И все-таки он узнал ее.

— О-ля-ля! Госпожа де Пейрак... Что вы делаете здесь среди этих проклятых еретиков!?

Он вошел в разгромленное помещение, где абенаки, связав пленных, занялись грабежом, Анжелика схватила его за отвороты куртки и закричала:

— Черное Платье, я уверена, что заметила на лугу Черное Платье с его хоругвью... Это отец д'Оржеваль повел вас в бой, не так ли? Зная, что я нахожусь в деревне!

Она скорее утверждала, чем спрашивала. Он смотрел на нее с полуоткрытым ртом, немного ошарашенный. Попытался найти ответ, извинение.

— Вы и ваш муж своими действиями возмущаете Акадию. Надо прибрать вас к рукам!

Значит, это было действительно так. Жоффрей! Жоффрей!

Было решено захватить в плен жену опасного дворянина из Вапассу, который благодаря своему

необыкновенному влиянию уже обрел власть над всеми землями Акадии. Ее отвезут в Квебек. Из-за нее Жоффрея заставят отступить. Она больше не увидит его.

— А Мопертюи? — спросила она, переводя дух.

— Мы их задержали, его и сына. Они же канадцы из Новой Франции. В день, подобный этому, они должны быть вместе со своими братьями.

— Они принимали участие в нападении вместе с вами?

— Нет! Их судьба будет решена в Квебеке. Они служили врагам Новой Франции.

Как бы переменить его на свою сторону?

Он был честен, несговорчив, доверчив, ловок, алчен, верил в чудеса, в Бога и короля Франции, в непогрешимость иезуитов. Он не интересовался ею. У него был приказ. И возможность искупить свои прегрешения в глазах всемогущих.

— Не надейтесь, что после этого граф де Пейрак поможет вам продавать бобров в Новой Англии, — бросила она ему сквозь зубы. — Не забывайте, что он ссудил вам тысячу ливров и даже пообещал удвоить эту сумму, если будет барыш...

— Тсс! — он побледнел и огляделся вокруг.

— Помогите мне выбраться из этого затруднительного положения или я расскажу о вас все на главной площади в Квебеке.

— Договоримся, — прошептал он, — все можно уладить. Мы находимся в стороне от деревни. Я вас не видел...

И, повернувшись, обратился к Пиксарету:

— Отпустите эту женщину, сагамор. — Она не англичанка, и, взяв ее в плен, мы навлечем на себя несчастье.

Пиксарет протянул красную маслянистую руку и положил ее на плечо Анжелики.

— Она моя пленница, — повторил он безапелляционным тоном.

— Пусть будет так! — лихорадочно заговорила Анжелика, — Я твоя пленница, не отрицаю этого. Ты можешь вести меня, куда вздумаешь, я не буду сопротивляться. Но ты не отведешь меня в Квебек. Что ты за меня получишь? Там не захотят платить за меня, раз я крещеная. Отведи меня в Голдсборо, и мой муж заплатит хороший выкуп.

Это было подобно отчаянной игре в покер. Смутить хищников, уговорить и укротить. Но она знала их. Самые нелепые доводы срывались с ее губ, но именно они доходили до темного сознания, которым она должна была овладеть.

Не могло быть и речи, чтобы отрицать права Пиксарета на нее. Он бы скорее убил ее, чтобы утвердиться в них, но она знала, что он волен в своих решениях, своенравен, совершенно независим от своих канадских союзников. Но раз она крещеная, он колебался, сомневался в значимости пленной. Надо было решать прежде, чем другие французы покажутся из-за поворота дороги. К счастью, де Л'Обиньер был на ее стороне.

Сверху стали падать горящие головешки, ибо в то время, пока они вели переговоры, абенаки, обследуя с факелами каждый закоулок, в конце концов подожгли овчарню.

— Идите! Да идите же! — подгоняла Анжелика.

Она помогла встать кое-кому из раненых или оглушенных англичан.

— О Боже, дети!

Бросилась назад, подняла крышку котла и оттуда выбрались онемевшие от страха малыши. Открытие этого необычного тайника вызвало взрыв смеха у индейцев. Они хохотали до упаду, хлопая себя по бедрам и показывая пальцами на детей.

Жара стояла невыносимая.

Одна из балок затрещала и наполовину обрушилась, подняв сноп искр. Все бросились наружу, прыгая через трупы и обломки.

Вид близких деревьев и тенистого лесного ручья подстрекнул непреодолимое желание Анжелики бежать. Каждая секунда была на счету.

— Отведи меня к морю, сагамор, — обратилась она к Пиксарету, — или твои предки будут оскорблены твоим неуважением ко мне. Ты совершишь большую ошибку, доставив меня в Квебек. И, наоборот, не пожалеешь, если пойдешь со мной.

Подергивающееся лицо абенака ясно говорило, что его душу раздирают противоречия. Анжелика не оставляла времени, чтобы распутать этот клубок.

— Последите, чтобы нас не преследовали... Засвидетельствуйте, что меня не было в деревне, — сказала она Трехпалому, также достаточно ошеломленному событиями и непререкаемым авторитетом Анжелики. — Мы будем признательны вам за это. Мой сын Кантор... вы знаете, где он? Вы взяли его в плен?

— Клянусь, мы вообще его не видели.

— Тогда вперед! — сказала она. — Я отправляюсь!

— Эй, эй! — закричал Пиксарет, видя, что она собирает оставшихся в живых англичан. — Эти принадлежат моим воинам.

— Хорошо! Пусть они идут тоже. Но только те, кому принадлежат пленные.

Трое разукрашенных перьями верзил с гневными возгласами ринулись вперед, но резкий окрик Пиксарета сразу охладил их пыл.

Тем временем Анжелика успела подхватить на руки ребенка, увлечь одну женщину и подтолкнуть перед собой шатающегося проповедника.

— Адемар! Сюда! Дай руку этому малышу. Смелее, мисс Пиджон!

Она спустилась по склону, повернувшись спиной к пылающей разрушенной деревне, увлекая их за собой к свободе.

За ними устремились Пиксарет и трое индейцев, считавших англичан своей собственностью. Они следовал за ними неторопливой поступью, не пытаясь догнать, сохраняя определенную дистанцию.

То не было преследованием.

Анжелика знала это, чувствовала и, по мере того, как они удалялись от проклятой деревни, меньше боялась, понимая, что их историческая воинственность ослабляется с каждым шагом.

Их поведение явилось загадкой для англичан, которые, оглядываясь, всякий раз жаловались, что дикари преследуют их.

— Ничего не бойтесь, — успокаивала Анжелика, — их только четверо, а не сто. И я с вами. Они больше не причинят вам зла. Я знаю их... Идите! Только идите!

Ход мыслей Пиксарета был ей так понятен, словно она сама вложила их в мозг дикаря. Будучи суеверным, он побаивался духов — покровителей Анжелики.

Да и любопытство заставило его следовать за ней.

Далеко внизу среди ветвей засверкала спокойная гладь реки. Пироги ожидали на берегу. Они заняли в них места и начали спускаться по течению к морю.

Глава 8

Ночь...

У подножья водопада среди вспыхивающих и гаснувших светлячков, пронзительного кваканья Лягушек и принесенного издалека тревожного запаха пожарища европейцы пытались хоть немного отдохнуть.

Прижимаясь друг к другу, дрожа от холода, несмотря на мягкую погоду, одни молились, другие тихо постанывали... Они ждали рассвета.

Среди тех, кого Анжелике удалось собрать около горящей овчарни и избавить от неволи, были землепашец Слоугтон, его жена и ребенок, а также семья Корвина в полном составе. Слава Богу!

Что может быть ужаснее, чем спасти свою жизнь, оставив на погибель близких? Двое слуг Корвина и служанка тоже последовали с ними.

Роз-Анн крепко прижалась к Анжелике, а с другой стороны — Адемар, который не отходил от нее ни на шаг.

— Они тут, — шептал он. — Ах, когда я оказался в этой стране дикарей, мне сразу стало ясно, что однажды я останусь без волос.

Хрупкая мисс Пиджон не получила ни одной царапины, и именно она вела тяжелое тело без головы, в которое превратился преподобный Петридж, ибо не только кровь ослепила его, он практически был без сознания и оставался на ногах силой привычки.

Уже в лодке Анжелика смогла открыть свой сак и достать пакетик с желтым порошком, который дал ей Жоффрей. Этот порошок обладал кровоостанавливающим свойством и очень помог пастору. После попытки лишить его шевелюры у

преподобного отца Петриджа, без сомнения, останется на лбу безобразный шрам, который не будет способствовать его умиротворению.

Он забылся тяжелым сном, и его трудное дыхание прерывалось мучительными хрипами. Из-под повязки виднелось фиолетово-черное лицо. Не будучи привлекательным, сейчас он был совсем отвратительным.

Рядом плакала маленькая девочка, и ее бледное личико виднелось в ночи светлым пятном.

— Надо спать, Мэри, — тихо сказала ей Анжелика.

— Я не могу, — всхлипывала та. — Язычники смотрят на меня.

Четверо были там, наверху, сидя над водопадом, четверо индейцев, четверо абенаков, в том числе великий Пиксарет, и они вглядывались в темную глубину, где шевелились несчастные пленники. В свете костра виднелись их смуглые лица и блеск змеиных глаз.

Они продолжали следовать за белыми. Но не проявляли враждебности и, покуривая, мирно беседовали, заинтересованные, любопытные.

Что теперь произойдет? Что еще придумают таинственные духи, обитавшие в белой женщине из Вапассу?

Анжелика пыталась успокоить своих подопечных.

— Теперь они не сделают нам зла. Надо увлечь их до побережья, и там мой супруг, граф де Пейрак, переговорит с ними, воздаст почести и сделает хорошие подарки в обмен за вашу жизнь и свободу.

Они с изумлением посмотрели на нее. Эта белая, слишком красивая женщина, которая беседовала с индейцами, говоря на их языке, проникла, казалось, в ужасные и мрачные мысли язычников, чтобы легче их укротить и поработить.

Они воспринимали ее как необычное существо, испытывая страх и презрение почти такие же, как к старому Шепли, понимая, однако, что обязаны ей относительной свободой, а главное — жизнью.

Это ее непристойной вольности в обращении с дикарями, ее говорливости и бурным спорам на ненавистном языке язычников обязаны они перемене настроения индейцев, которые оставили им жизнь и позволили бежать в лес, подальше от места кровавой бойни.

Сознавая необходимость оставаться под защитой Анжелики, успокоенные одним ее голосом, англичане пытались оправдать ее необыкновенность, говоря себе, что, в конце концов, это же француженка. После полуночи Анжелика поднялась к сидевшим над водопадом дикарям, чтобы спросить, не найдется ли у них немного медвежьего или рыбьего жира.

Она хотела помазать ожоги у Сэмми Корвина, девяти лет, который сильно страдал. С явно заискивающим видом они вручили ей пузырек с тюленьим жиром, дурно пахнувшим, но чистым и целебным.

— Эй, женщина, не забудь, что этот мальчишка принадлежит мне, — сказал один из воинов. — Только хорошо вылечи его, а то завтра я заберу его с собой а свое племя.

— Этот мальчик принадлежит отцу и матери, — возразила Анжелика. — Его у тебя выкупят.

— Но я захватил его в бою... и хочу белого ребенка в моем вигваме.

— Я не позволю тебе забрать его, — сказала Анжелика с непреклонной решимостью. Затем добавила, чтобы погасить его гнев: — Я дам тебе много другого, и твоя добыча не уменьшится... Завтра все обсудим...

За исключением этого, ночь прошла без каких-либо происшествий. Отголоски бойни сюда не доходили.

В предрассветных сумерках что-то спустилось к берегу, раздвигая траву, и появилась Вульверина, россомаха, показывая клыки в оскале, наполи павшем на этот раз доброжелательную улыбку. Вслед за ней появился Кантор со спящим ребенком на руках.

— Я нашел его возле оскальпированной матери. Когда она увидела, что я подобрал его, она закрыла глаза и скончалась.

— Это сын Ребекки Тернер, — сказала Джейн Стойгтон. — Бедный малыш! Его отца убили в прошлом году.

Все обернулись, ибо приближались четверо индейцев. Они не выглядели агрессивными. Вдали от своей кровожадной орды, недоумевая из-за необычайного поведения этих странных пленников, невольно стали более покладистыми. Тот, который предъявлял права на сына Корвина, подошел к Кантору и протянул руки к ребенку.

— Отдай мне его. Я давно хочу иметь белого ребенка в моем вигваме, а твоя мать не хочет отдавать мне того, которого я взял в плен. Отдайте мне этого, у него нет ни отца, ни матери. Что ты с ним будешь делать? А я возьму с собой, сделаю из него охотника и воина, я сделаю его счастливым.

Вид у него был умоляющий и почти жалобный.

Коварный Пиксарет, должно быть, убедил его во время ночной беседы, что Анжелика никогда не позволит ему забрать маленького Сэмми и что, если он будет дальше настаивать, она превратит его в какое-нибудь животное.

Раздираемый между боязнью столь ужасной судьбы и его законным правом, он нашел приемлемое решение, удовлетвовавшись сиротой, спасенным Кантором. Анжелика взволнованно взглянула на него.

— Что ты думаешь об этом, Кантор?

Что касается ее, то она не знала, какое принять решение. Одна мысль, что этого малыша уведут в лесную глушь, разрывала ее сердце.

Юноша покачал головой.

— Известно, что дети белых не бывают несчастными у индейцев. Лучше будет отдать этого, у которого все равно нет семьи, чем подвергать всех нас опасности.

Его устами говорил голос мудрости. Анжелике вспомнились отчаянные сопли маленького канадца, племянника де Л'Обиньера, когда при обмене его хотели забрать у воспитателей — ирокезов. Да, дети белых не бывают несчастными с индейцами.

Она нерешительно посмотрела в сторону англичан. Но мадам Корвин пугливо прижимала сына, понимая, что его будущее поставлено на карту. Лучше пожертвовать сиротой, чем отрывать сына от счастливо спасшейся семьи Кореи на.

— Отдай его, — шепнула Анжелика сыну.

Поняв, что ему удалось одержать победу, индеец несколько раз высоко подпрыгнул, всем видом выражая глубокую признательность.

Затем протянул громадные ручки и осторожно взял ребенка. Тот беззаботно поглядывал на склонившееся над ним размазанное лицо. Очень довольный, что получил белого мальчика, воин попрощался.

Кантор рассказал, как, направившись на поиски лошадей и Мопертюи, он заметил подозрительные силуэты, скользящие между деревьями. Преследуемый воинами, он вынужден был забраться далеко в сторону плато. Возвращаясь окружным путем, уловил отголоски битвы. Тогда осторожно приблизился, чтобы не стать легкой добычей захватчиков. Таким образом он присутствовал при отправке пленных англичан на север

и, не увидев среди них матери, решил, что ей удалось избежать нежель.

— А ты не подумал о том, что я могла быть убита или оскальпирована?

— Нет! — сказал Кантор, словцо это само собой подразумевалось.

Он приблизился к горящему Брунсуику и встретился там с Трехпалым. От него узнал, что мадам де Пейрак, целая и невредимая, направилась к заливу Сабадаго с горсточкой уцелевших от гибели.

Инцидент с ребенком свидетельствовал, что, получив новый приказ, индейцы предоставили Анжелике свободу действий в выборе решений. Странность подобной ситуации она приписала переменчивому складу ума дикарей, хотя прошло всего несколько часов после штурма английской деревни.

Тем не менее Пиксарет счел необходимым напомнить о некоторых существенных обстоятельствах:

— Не забудь, что ты моя пленница, — вещал он, ткнув указательным пальцем в грудь Анжелики.

— Я знаю... Я уже говорила, что полностью согласна с этим. Разве я препятствую тебе находиться там, где и я? Спроси у своих друзей, похожа ли я на пленницу, которая хочет избавиться от тебя.

Обеспокоенный тонкостью рассуждений, в которых он ощутил какую-то двусмысленность, но вместе с тем и комизм, Пиксарет склонил голову набок, чтобы обстоятельно поразмыслить, и его глаза заблестели от удовольствия, в то время как его сподвижники шумно делились впечатлениями.

— В Голдсборо ты даже сможешь продать меня моему мужу, — заметила Анжелика. — Он очень богатый, и я уверена, что он расщедритя. По крайней мере, я надеюсь на это, — спохватилась она, сделав печальную мину.

При мысли, что муж Анжелики будет вынужден выкупать свою жену, веселье индейцев перешло все границы. Решительно, можно было получить много развлечений, следуя за белой женщиной и англичанами, которых она тащила за собой.

Каждый знает, что нет животного более неуклюжего, чем ленивец, а эти стали еще неуклюжей из-за страха и ран, все время сбивались с пути, спотыкались и падали чуть не на каждом шагу, ухитрялись переворачивать пироги на малейших быстринах.

— Ха-ха, уж эти ленивцы! Мы умрем из-за них от смеха! — гримасничали индейцы.

Затем внезапно, чтобы подчеркнуть достоинство хозяев:

— Бегом! Топайте, англичане! Вы поубивали наших миссионеров, сожгли наши хижины, глумились над нашей верой. Без благословения Черного Платья вы для нас ничто, даже не существа с белой кожей, хотя ваших праотцов и создали боги.

Сопровождаемый подобной болтовней, измученный караван под вечер вышел к заливу Сабадаго. Туман скрывал горизонт, но к поднимавшимся от воды испарениям примешивался подозрительный запах пожарища.

Анжелика проворно взобралась по склону невысокого холма. Ни один корабль, ни один парус не угадывался в серой дымке. Анжелика инстинктивно почувствовала, что залив пуст.

Никто не ожидал на берегу, чтобы взять их на борт. Не было «Ларошельца», небольшой красной яхты, где бы ее встретил Легаль или сам Жоффрей.

Никого!

Никого на месте встречи!

Начал моросить дождь. Анжелика прислонилась к стволу сосны. Окружающая ее местность дышала

смертью и запустением. Слева в небо черным грибом поднимался дым. Это было в направлении Шипскота, где она намеревалась оставить своих подопечных перед посадкой на «Ларошельца».

Очевидно, Шипскот догорал. Он больше не существовал.

Непреодолимая тревога охватила Анжелику, и она почувствовала, что силы оставляют ее. Оглянувшись и увидела Пиксарета, наблюдавшего за ней. Нельзя было показывать ему свой страх, но больше не было сил притворяться.

— Их здесь нет, — почти в отчаянии сказала она.

— Кого ты ждала?

Она объяснила, что ее супруг должен был находиться здесь с кораблем. Он бы взял всех в Голдсборо, туда, где Пиксарет смог бы получить самые прекрасные на земле жемчужины, пить лучшую в мире огненную воду...

Дикарь с огорченным видом покачал головой и, похоже, искренне разделил ее разочарование и тоску. Он с беспокойством огляделся вокруг.

Тем временем Кантор и англичане, сопровождаемые двумя индейцами, медленно взобрались на холм. Смертельно усталые, они молча расселись под соснами, чтобы укрыться от дождя. Анжелика объяснила создавшееся положение. Трое индейцев завели оживленный спор.

— Они говорят, что индейцы Шипскота их злейшие враги, — объяснила Анжелика англичанам. — Они с севера...

— Для нас безразлично, откуда они, — с унылым видом сказал Стоугтон. — Они все равно снимут с нас скальпы. Чего было тащиться сюда? Наш час не замедлит пробить...

Мирный прибрежный пейзаж, казалось, таил в себе смертельную угрозу. Из-за каждого дерева, из-за

любого возвышения можно было ожидать появления индейцев с поднятыми томагавками.

Вот почему Пиксарет и его спутники беспокоились не меньше своих пленников.

Анжелика сделала усилие, чтобы овладеть собой.

— Нет! Нет! На этот раз я не дам себя обмануть, — сказала себе, сжимая кулаки, не зная, к кому обращен этот вызов.

Прежде всего надо покинуть это побережье, где вспыхнула индейская война, попытаться любой ценой достичь Голдсборо. Голдсборо, вотчина Жоффрея де Пейрака! Его владение! Но как далеко до Голдсборо!

Ни единого паруса в заливе!

— Гляди! — вдруг сказал Пиксарет, тронув ее за плечо. Он указал пальцем на две фигуры, поднимавшиеся по прибрежной тропинке.

У нее мелькнула было надежда, но она тут же узнала старого Шепли и его индейца.

Все бросились к нему, чтобы узнать новости. Он сказал, что идет со взморья и что внизу индейцы все сожгли. Судно? Откуда оно возьмется? Нет, не видел. Спасшиеся жители укрылись на островах.

Видя отчаяние несчастных людей, он не без кривляния и недомолвок снизошел к просьбе Анжелики и предложил проводить их к своей хижине в заливе Каско. Там они смогут отдохнуть и подлечиться.

Но пока, несмотря на неудобства, которые принесла им проведенная под моросящим дождем ночь, большинство из них, и в первую очередь Анжелику, не прельщала мысль покинуть место назначенной встречи.

Может быть, корабль из Голдсборо опаздывает?

Вопрос был решен внезапным появлением из леса небольшого отряда индейцев-шипскотов.

Пиксарет и его воины стремительно бросились в противоположном направлении и исчезли из виду.

К счастью, Шепли и его доверенный были в хороших отношениях с новоприбывшими.

Шипокоты были настолько предупредительны, что предложили понаблюдать за возможным прибытием корабля.

Они пообещали в случае появления «Ларошельца» направить его в Макуа, где находилась хижина старого знахаря.

Глава 9

Жоффрей де Пейрак вздрогнул.

— Что?.. Что вы сказали?

Ему сообщили, что мадам де Пейрак уехала с сыном в деревню Брунсуик-Фоль, чтобы проводить Роз-Анн.

Об этой новости вскользь упомянул Жак Виньо, который встретил его у мыса Смолл, куда граф поехал за два дня до этого с бароном де Сен-Гастинем.

— А в какой день графиня приняла это решение?

— Через несколько часов после вашего отъезда, сударь, в тот же день...

— Разве ей не передали мою записку, в которой я предупреждал о моем возможном отсутствии на несколько о, ней и просил терпеливо ожидать меня в фактории?

Они ничего об этом не знали.

— С кем уехали?

— С обоими Мопертью.

— Как это пришло ей в голову? Что за выдумки?! — гневно воскликнул он.

Про себя он честил Анжелику последними словами, пытаясь побороть внезапно охватившее его беспокойство.

Какая все-таки глупость! Она поступает только по-своему. Когда он снова увидит ее, то задаст ей головоломку и объяснит, что, несмотря на их довольно прочное положение, местность долго будет небезопасной, особенно к западу от Кеннебека.

Он прикинул. Три дня прошло со дня их отъезда: его к побережью, Анжелики — к пограничной колонии. Но где она может находиться сейчас?

Великий вождь терратинов Матеканандо хотел, чтобы присутствовали все его приближенные. В

ожидании этого велись предварительные переговоры.

Наконец в среду утром большинство приглашенных, преодолев бесконечные преграды побережья Мэна, собрались. Можно было начинать церемонию.

Именно тогда Пейрак узнал о выходке Анжелики. Где она могла находиться? Возвратилась ли она сегодня в Хоуснок? Или ожидает на условленном месте, где Легаль должен забрать ее на «Ларошельца»?

Находясь в неведении, он решил позвать оруженосца Жана Ле Куеннека. Он приказал прежде всего подкрепиться, проверить оружие и обувь и как можно скорее собраться в дорогу.

Затем присел на корточки и набросал несколько слов, тогда как один из испанских солдат почтительно держал рожок с чернилами.

Когда готовый к отъезду бретонец вернулся, он вручил ему послание и. устно добавил особые инструкции.

Если Жан найдет Анжелику в голландской фактории, они должны собрать багаж и вернуться сюда. Если же она еще не прибыла из Брунсуик-Фоля, ему, Жану, необходимо отправиться туда, постараться найти госпожу де Пейрак и кратчайшим путем привезти ее в Голдсборо.

Бретонец ушел.

Пейраку пришлось сделать значительные усилия, чтобы прогнать настойчивое беспокойство, обратив все внимание на переговоры, которые вот-вот должны были начаться.

По приказу барона де Сен-Гастина эти люди пришли издалека, чтобы встретиться с ним. Среди индейцев главных племен этой местности были и разрозненные европейцы, которые, невзирая на национальную рознь и антагонизм их метрополий, решили собраться на совещание с французским повелителем Голдсборо.

Подумав еще немного об Анжелике, Пейрак проклял женщин, чья капризность, иногда очаровательная, но чаще всего возникающая нехотелка, тревожит и смущает мужчин. Затем, взяв себя в руки, он направился к гостям, окруженный охраной из испанцев. Барон де Сен-Гастин сопровождал его.

Великий вождь Матеканандо вышел навстречу в великолепной одежде из замши, украшенной раковинами и иглами дикобраза. Его длинные седые волосы, обильно смазанные жиром, были покрыты круглой плоской шляпой, увенчанной белым страусиным пером.

Жоффрей де Пейрак преподнес вождю терратинов шпагу с золотой и серебряной насечками на рукоятке и с десяток жемчужных ожерелий.

В ответ дикарь вручил ему корзину перламутровых раковин и пригоршню аметистов — жест, символизирующий дружбу.

— Ибо я знаю, — сказал вождь, — что ты не жаждешь мехов, а только нашего союза.

— Понимаете, — сказал Сен-Гастин Пейраку, — я хочу избавить моих индейцев от войны, иначе через несколько десятилетий эти люди вообще исчезнут.

Великий вождь терратинов ласково потрепал по плечу барона, устремив на него восторженный взгляд.

— Он будет моим зятем, — доверительно сказал Матеканандо Пейраку, — и позже займет мое место во главе эчеминов и макмаков.

Глава 10

«Анжелика! Только бы с ней ничего не произошло! Я должен был взять ее с собой. Сен-Гастин захватил меня врасплох. Я не должен был разлучаться с ней ни днем ни ночью... Надо заставить ее считаться с окружающими нас опасностями. На этот раз я проявлю строгость!»

Граф де Пейрак размышлял, сидя в густой траве перед сделанным для него шалашом.

После торжественной церемонии и пиршества, завершившегося курением трубки мира, он удалился, сказав, что хочет побыть наедине несколько часов.

Он курил, устремив взор к оконечности высокого мыса, над которым время от времени неистовые удары волн вздымали белые султаны.

Сталкиваясь со взъерошенным зеленым фронтом побережья, океан окатывал пеной кедры, дубы, буки и порой, когда ветер менялся, в благоухающем дыхании подлеска доносились ароматы гиацинтов и земляники.

Жоффрей де Пейрак знаком подозвал дона Хуана Фернандеца, высокого идальго, который командовал его охраной. Он попросил его поискать французского барона. Лучше беседовать с восторженным гасконцем, чем оставаться одному, ибо мысли об Анжелике острой иглой пронизывали его мозг, и это не предвещало ничего хорошего.

Барон Сен-Гастин с готовностью присоединился к нему, присел рядом, достал трубку и тоже закурил. Затем он заговорил. Их беседа была монологом, в котором раскрывался целый мир с его мечтами, замыслами и угрозами...

Дождь прекратился. Но опустился туман, и огни костров светились сквозь него, как громадные красные

орхидеи, уходя вдаль по берегу. Каждый источник света окружало радужное сияние. С сумерками голос моря стал более глубоким, и с ним смешивались крики птиц. Это были поморники с длинными коричневыми крыльями и хищными клювами.

— Где-то в море буря, — сказал барон, следя за их полетом. — Эти маленькие пираты ищут укрытия на земле только тогда, когда слишком большое волнение не позволяет им сесть на воду.

Сильный порыв ветра донес аромат леса. Начиналось лето, а с ним здесь приходили и неприятности.

— Пришла пора, когда бандиты всех мастей нападают на нас. Черт бы побрал этих хищников! Они рискуют меньше, чем испанцы, останавливая наши корабли. Проклятое отродье, эти флибустьеры с Ямайки!

— Золотая Борода?

— Такого я еще не знаю.

— Мне кажется, я слышал разговоры о нем, когда был в море у Карибов, — сказал Пейрак и нахмурил брови, напрягая память. Среди джентльменов удачи о нем отзывались, как о хорошем моряке.

— А здесь ходят слухи, что это французский корсар, который недавно приобрел во Франции патент общества, основанного для борьбы с гугенотами. Это объясняет его нападение на ваших людей в Голдсборо.

— Ваше сообщение заинтересовало меня, барон. Я начинаю лучше понимать ожесточение этого пирата против Голдсборо.

— Новости расходятся быстро. На сто лье отсюда едва наберется три француза, но и среди них один наверняка будет шпионом короля и иезуитов.

— Будьте осторожны, сын мой.

— Вы смеетесь? А мне не до смеха. Я хотел бы жить здесь в мире вместе с моими эчеминами и макмаками.

Люди из Парижа и нанятые ими пираты не имеют права появляться здесь. Я согласен мириться с басками, охотниками на китов или рыбаками из Сен-Мало. Они добирались сюда еще лет пятьсот назад... Однако их водка и распутство с дикарями...

— О-ля-ля, какое безобразие! Если говорить начистоту, мне еще больше нравятся бостонские корабли, на которых можно хорошо выменять железо и ткани. И здесь много их судов.

Он обвел рукой горизонт.

— Сотни... сотни английских судов повсюду. Хорошо вооруженные, хорошо оснащенные. И вон там — Салом, где их главные сушильни, а затем смола, деготь, жир, китовый ус... Они имеют от 80 до 100 тысяч центнеров жира в год! Он воняет, но какой дает доход! А мне предлагают держать в руках французскую Акадию. Сохранить ее для короля, с моими четырьмя пушками, деревянным замком, и конкурировать с Англией в рыбной ловле, с моими пятнадцатью баркасами...

— Вы не так уж бедны, — сказал Пейрак. — Говорят, что ваша торговля пушниной идет успешно.

— Конечно, я уже богат, не могу не признать этого. И, если хочу стать богаче, то только ради моих индейцев, чтобы добиться их процветания... Это ради них я создаю богатство, чтобы покровительствовать им...

Он несколько раз затянулся трубкой. И снова его рука простерлась к окаймленной пеной темноте на западе.

— Там, за заливом Каско, мне принадлежит один остров, который я недавно отвоевал у англичан. Он находился в руках англичан-землевладельцев уже несколько поколений. Но я отвоевал его и вернул индейцам. Какая радость! Но если не удастся сохранить мир, к чему все усилия?

— Вы считаете, что мир под угрозой?

— Не только считаю, но и уверен в этом.

Вот почему я хотел ускорить вашу встречу с Матеканандо и так торопил вас. Но война неизбежна. Отец д'Оржеваль хочет ее и хорошо к ней подготовился. Я уверен, что он прибыл сюда с приказами и директивам самого короля Франции, чтобы развязать конфликт с англичанами. Надо признать, что этот монах является самым опасным политиком из всех, кто бывал в наших краях. Мне известно, что он послал одного из своих викариев с тайной миссией в Новую Англию, чтобы выискать там предлог для нарушения перемирия.

И теперь ожидает его возвращения, чтобы начать наступление. Не так давно меня посетил отец Геранд с просьбой присоединиться с племенами моих друзей к их крестовому походу. Я уклонился от ответа. Конечно, я — французский дворянин, но...

Со страдальческим видом он закрыл глаза.

— Я больше не могу видеть это.

— Что именно?

— Эту бойню, эти жертвы, непримиримое избиение моих братьев, искоренение их расы.

Когда он сказал «моих братьев», Жоффрей понял, что он говорит об индейцах.

— Конечно, их очень просто вовлечь в войну, они так легко и быстро поддаются обману. По своей природе не умеют жить в мире... И всем нам надо сплотиться под вашей эгидой.

— Почему под моей?

— Потому что только вы сильны, неуязвимы, всегда вместе со всеми и вместе с тем над всеми. Перед лицом преподобного отца д'Оржеваля мы теряемся. Вы же... вы один можете дать ему отпор.

— Орден иезуитов — очень могущественный орден,
— сказал Пейрак безразличным голосом.

— Но... и вы тоже!

Жоффрей де Пейрак слегка повернул голову, чтобы получше рассмотреть собеседника. Худое, юное лицо с пылающими, окруженными синевой глазами. В нем была утонченность древней непокорной расы, в которой смешались иберийцы и мавры.

Подобная кровь струилась и в жилах Пейрака, обязанного своим высоким ростом, довольно редким среди гасконцев, английским предкам его матери.

Барон де Сен-Гастин озабоченно взглянул на графа.

— Мы готовы сплотиться под вашим знаменем, господин де Пейрак...

Пейрак продолжал разглядывать его, словно ничего не слышал. Надежда целого народа, полагающегося на неге, звучала в этом юном голосе с певучим акцентом.

— Поймите меня. Если война начнется, она поглотит всех нас. И, в первую очередь, самых уязвимых, наших индейцев, наших друзей. Мы связаны с ними кровью индейских женщин, которых любили и брали в жены. И скоро я сам женюсь на Матильде, маленькой индейской принцессе... Ах, сударь, какое сокровище этот ребенок!

Затем, перейдя на тон взволнованной молитвы, продолжал:

— Вы сделаете это, не так ли, сударь? Вы поможете нам? Вы поможете мне спасти моих индейцев?

Граф де Пейрак опустил голову и прикрыл глаза рукой. Ему казалось, что еще никогда он не испытывал такой острой необходимости в присутствии Анжелики. Если бы она была рядом! Нежное и сострадательное женское присутствие. Молчаливая, какой она умела иногда становиться, с таинственной пронизательностью. Сопереживающая в своем молчании. И к тому же ясновидящая!

Его жена своим присутствием затмевала все злодеяния и ужасы прошлого. Он поднял голову, решив испытать судьбу.

— Пусть будет так! Я помогу вам...

Глава 11

В этот день над эстуарием стоял такой плотный туман, что пронзительные крики морских птиц глохли в нем, прорываясь сквозь мгlistую дымку, словно беспокойные призывы страдающих душ.

На обратном пути к Хоусноку Жоффрей де Пейрак собирался расстаться с Сен-Гастинем, когда они заметили корабль, словно призрак, поднимающийся по Кеннебеку.

Мягко подгоняемый посвежевшим ветром, парусник проскользнул мимо. Это было небольшое торговое судно, водоизмещением тонн 130 — 150, и его самая высокая мачта, на которой трепетал оранжевый вымпел, едва доставала до верхушек столетних дубов.

Корабль остановился. И кто-то приблизился к ним по едва заметной тропинке. Матрос в красно-белой полосатой фуфайке с тесаком у пояса.

— Кто из вас сеньор де Пейрак?

— Это я.

Вытянувшись в приветствии, матрос отбросил назад шерстяной колпак.

— Мне поручено передать сообщение с борта парусника, с которым мы встретились в заливе па широте острова Сегин.

«В случае, если мы встретим вас, — сказали они на яхте «Ларошелец», — сообщите, что госпожа де Пейрак на борту и просит передать, что она встретится с вашей милостью в Голдсборо».

— О, как хорошо! — с облегчением воскликнул Пейрак. — Когда вы с ними встретились?

— Вчера перед самым заходом солнца.

— Сегодня четверг...

«Следовательно, — сказал он себе, — Анжелика успешно закончила свою немного опрометчивую вылазку в Брунсуик-Фоль. «Ларошелец» взял ее на борт, как и было предусмотрено. Без сомнения, особые обстоятельства, связанные с грузом или штормом, заставили Легалья плыть обратно».

Успокоившись, что судьба сына и жены в надежных руках, граф не особенно волновался по поводу своего возможного опоздания. Он найдет другой способ побыстрее добраться до своей вотчины в Голдсборо. У него не возникло ни малейшего подозрения, что этот человек солгал ему, ибо среди моряков редко встречаются лгуны.

— Возвращайтесь со мной в Пентагоет, — предложил барон Сен-Гастин. — Дорога по суше, без сомнения, еще грязная и захламленная после таяния снегов. Но мы доберемся быстрее, чем морем, если вам придется ждать хороший корабль или воспользоваться вашими барками, оставшимися в Хоусноке, которые будут тащиться очень долго.

— Идея хорошая, — согласился Пейрак.

— Эй, дружище! — позвал он моряка, уже исчезающего в тумане. — Это вам, — сказал Пейрак, протягивая руку с горстью жемчужин. Матрос вздрогнул и, разинув рот, посмотрел на графа. Было похоже, что моряка смутило великолепие такого подарка.

— Спасибо, монсеньор, — пробормотал он, несколько раз торопливо поклонился, и в устремленных на Пейрака глазах загорелся огонек страха, и тут же его как ветром сдуло.

Позже Жоффрей де Пейрак узнает, что этот человек лгал.

Глава 12

Жилище Джорджа Шепли в бухте Макуа оказалось всего лишь бревенчатой, крытой корой ветхой хижиной на краю высокого мыса, покрытого покосившимися кедрами.

Но Анжелика и ее англичане потратили почти целый день, чтобы одолеть три лье, отделявшие Андроскоггин от этого полуострова, и убежище им показалось хорошим.

Старая тучная индианка, которая жила здесь и, возможно, была матерью сопровождавшего старого лекаря, угостила их тыквенной кашей, кореньями и большими ракушками с розоватым вкусным содержимым.

В хижине оказалось много лечебных трав и средств: порошки, сушеные травы и бальзамы. Анжелика принялась ухаживать за ранеными и больными.

Хотя их путь пролегал среди зеленых деревьев и нежной травы, сопровождался пением птиц, он был ужасен.

В одной цветущей долине они наткнулись на несколько десятков трупов с окровавленными черепами, а сколько их будет этой весной, когда более трех тысяч воинов отправились на штурм Новой Англии, предав огню около 50 поселений, убив сотни колонистов.

Вокруг хижины расстилалось небольшое поле с кукурузой, дынями, тыквами и фасолью, а там, где были скалы, стояли уже начинавшие пробуждаться ульи.

В течение двух дней ожидали появления паруса. Затем один индеец, друг Шепли, пришедший издалека, сказал, что от самого Сабадаго они не видали никакого корабля белых.

Что же делал «Ларошелец»? Где находился Жоффрей? А что, если барон де Сен-Гастин завлек Жоффрея в западню? Нет, это невозможно. Он почувствовал бы это... Но ведь она сама допустила промах, понадеявшись на свою, как оказалось, уснувшую, интуицию. Разве не посмеивалась она над бедным Адемаром, когда тот в отчаянии кричал: «Они варят варево, чтобы убивать кого-то!» Адемар, похоже, окончательно пал духом. Он бормотал молитвы и растерянно озирался вокруг. В самом деле, и на этот раз он был прав.

В этом уединенном пункте глухого района они были так же в стороне, так же забыты, как на необитаемом острове. Но у них была крыша над головой, лекарства для больных, овощи, мидии и крабы для пропитания, остатки палисада создавали иллюзию защиты. Но недостаток оружия вызывал тревогу у Анжелики.

Снова взошло солнце...

Анжелика поручила Кантору следить за мелькавшими среди островов парусами, чтобы в случае приближения одного из них можно было дать сигнал о помощи.

Но суда, похоже, плыли в совершенно другом направлении и казались такими далекими, глухими к призывам и сигналам, как разрывающее сердце человеческое равнодушие.

Несмотря на опасения, которые ему внушали племена этого района, Пиксарет продолжал издали присматривать за своими пленниками, каковыми он их все еще считал. Иногда он появлялся, брал на руки кого-нибудь из измученных детей. Позже, когда они уже были в хижине, принес и высыпал перед ними мешок диких клубней, которые англичане употребляли в пищу и называли бататом.

Когда появлялись трое дикарей с высоченным вождем во главе, бедняги брунсуикфольцы торопливо

пятились назад. Недавно снятые с голов их родных и друзей скальпы еще сохли на поясах.

К развязности этих дикарей, их непостоянству, одновременно опасному и обезоруживающему, надо было привыкнуть и постараться жить с ними, как с хищниками, которые признают только превосходство и мужество укротителя.

Пока у Анжелики не было основания бояться их. Но бояться приходилось всего.

Пиксарет представил ей двух своих воинов, носивших легко запоминающиеся имена: Тенуменан, что означало Хорошо Знающий Вещи, и Уауенуру, то есть Хитрый, Как Охотничья Собака.

Правда, она предпочитала называть их католическими именами, данными при крещении, которые они с гордостью объявили: Мишель и Жером. Но эти имена святых так мало подходили к их размалеванным лицам! С обнаженной татуированной и раскрашенной грудью, с развевающейся на ветру набедренной повязкой, часто босиком, натертые жиром и увешанные оружием, они подходили к ней, когда она звала:

— Мишель! Жером!

В языке этих людей был такой невероятный акцент, которым невозможно было овладеть. Она никогда не могла воспринимать Пиксарета всерьез из-за забавной ошибки в его родовом имени: «Пиксарет, вождь патсуикетов», но говорил это он не совсем так. В действительности он звался Пиуерлет, что значит «Тот, Кто Отпускает Шутки», но воинские подвиги изменили его имя на Пикасурет, то есть «Человек, Наводящий Ужас», а французы для простоты говорили Пиксарет.

В конце концов, пусть будет Пиксарет!

С того дня как она стала между ним и раненым ирокезом, отдала ему в обмен за жизнь врага свой малиновый плащ, началась история их необычной

дружбы. Союз, занявший место в хрониках того времени, удивлял, шокировал, ошеломлял и возмущал. Анжелика еще не знала, какую роль сыграет Пиксарет в ее будущей судьбе, но он не внушал ей страха. Иногда он становился задумчивым, словно пытался найти ответ на непонятный ему вопрос.

Старый Шепли тоже любил поболтать с Анжеликой. Она покорила его своим знанием растений. Он охотно поучал ее и вступал с ней в спор, когда она не соглашалась с его своеобразными толкованиями. Упрекал ее за применение белладонны, травы дьявола. Зато особенно любил аромат мяты, «превосходной травы под покровительством Меркурия».

И относительно чертополоха:

— Это трава Марса, под знаком Ариэля, излечивающая венерические болезни. Я продаю ее людям с кораблей. Они приходят за ней под предлогом, что у них на борту чума, но я-то знаю, что это значит...

И неожиданно принимая вид настоящего ученого, он давал латинские названия почти всем известным ей травам...

Так прошло два дня. Они были, словно потерпевшие кораблекрушение, в полном неведении будущего. На юго-западе при прояснении просматривалась искривленная линия побережья. Оттуда поднимались серые султаны, медленно расплывавшиеся в воздухе, затуманивая молочно-розовую голубизну залива. Эти серые пятна означали пожары, зажженные индейцами.

Но все это было слишком далеко, чтобы разглядеть текущий к заливу поток обезумевших беженцев.

Паруса появлялись и исчезали, и нельзя было сказать, паруса это или крылья многочисленных чаек, бакланов и буревестников...

На третий день их пребывания в Макуа Кантор сказал матери:

— Если завтра ни одно судно не бросит в этом проклятом углу якорь, я уйду пешком. Пойду берегом на северо-восток. От дикарей буду прятаться, но кончится тем, что достигну Голдсборо. Один я привлеку меньше внимания, чем если бы мы двинулись караваном.

— Сколько же дней тебе понадобится, чтобы завершить поход?

— Я хожу так же быстро, как индейцы.

Она одобрила его предложение, хотя и ощущала сильное волнение при мысли о разлуке. Утешалась лишь тем, что его молодость мужала в необычных условиях.

Вечером, воспользовавшись хорошей погодой, она продолжала наблюдения. Крикливые птицы вились над устьями рек и ручьев. Легкий туман рассеялся.

Залив Каско засыпал в чарующем спокойствии. На отливающем золотом море, словно драгоценные камни, вспыхивали острова отблесками топазов, агатов... Говорят, что их здесь триста шестьдесят пять, сколько и дней в году. Спускались сумерки. Золото потускнело. Море стало глянцево-белым, в то время как земля и ее неровности мало-помалу погружались в глубокую тьму. Легкий ветер донес до них тонкий запах залива. На востоке, когда солнце исчезло, Анжелика заметила корабль. Он показался золотым в последних лучах древнего светила. И тут же исчез из вида.

— Вы не заметили у него на носу огромную берцовую кость? — закричал старый лекарь. — Готов биться об заклад, что он спускает паруса, готовясь войти в порт. Я знаю его. Это корабль-призрак, который появляется возле мыса, как вестник несчастья. Порт, куда он готовится проникнуть, — это Смерть.

— Но он не спускал паруса, — раздраженно возразила Анжелика.

Видя, что слова лекаря взволновали мать, Кантор ободряюще подмигнул ей.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПИРАТСКИЙ КОРАБЛЬ

Глава 1

Утром следующего дня, после плохо проведенной ночи, Анжелика спустилась собрать ракушек среди обнаженных отливом скал.

Неподалеку от берега суежилась целая колония тюленей, которые испускали крики. Она решила узнать, в чем дело. Подойдя ближе, поняла причину их волнения.

Два или три тюленя лежали безжизненно на боку, покрытые тучей жадно трепавших добычу птиц. Они были насильственно убиты. Для Анжелики открывшаяся картина была сигналом тревоги: подобное убийство — дело человеческих рук, следовательно, здесь появились люди. И это не индейцы, те охотятся на тюленей только зимой.

Анжелика пробежала взглядом по бухте. Корабль, тот корабль-призрак, останавливался здесь этой ночью в туманной мгле.

Она снова поднялась наверх. Солнце еще не взошло, оно было скрыто грядой облаков на горизонте. В ясной голубизне утра царил покой.

Внезапно она ощутила запах горелой травы, отличающийся от запаха дыма, выходившего из каменной печурки, выложенной выше хижины. Легким и быстрым шагом пошла вдоль полосы земли, растянувшейся над фиордом. Запах дыма стал более ощутим. Пробираясь между деревьями, Анжелика заметила верхнюю часть мачты с обтрепанными парусами.

Судно стояло на якоре, укрывшись в одной из расщелин, далеко уходившей в глубь берега. Снизу лениво поднимались завитки густого дыма и доносились голоса.

Анжелика опустилась на землю и подползла к краю обрыва. Но не смогла ничего увидеть, лишь стали слышны голоса. Португальские и французские слова... Голоса грубые и резкие. Затем увидела и судно, которое оказалось всего лишь простой лодкой, вернее, небольшим баркасом.

Глава 2

Вернувшись в хижину, она загнала внутрь детей, резвившихся после сна.

— В бухте какие-то люди жгут костер. У них баркас, в котором мы могли бы найти место, по крайней мере, человек для восьми — десяти. Но я не уверена, что эти люди великодушно предоставят нам такую возможность.

Она не ждала ничего хорошего от субъектов, убивших без необходимости безобидных животных и даже не подобравших их.

Кантор, в свою очередь, пошел понаблюдать в указанное место и, вернувшись, сказал, что видел их, что их пятеро или шестеро, не больше. Типичные морские разбойники.

— Нам нужен этот баркас, — настаивала Анжелика, — только, чтобы отправиться за помощью.

Она обращалась, главным образом, к Кантору и Слоугтону. Он остался единственным здоровым мужчиной, способным помочь в принятии решения.

Пастор, мучимый жестокой лихорадкой, находился в полубессознательном состоянии. Раненый Корвин сильно страдал и тратил все силы на то, чтобы удержаться от брани из-за соседства с пастором.

Двое слуг, крепкие и молчаливые, были готовы сделать все, что угодно, но не могли ничего посоветовать.

Старый Шепли отмежевывался от своих гостей. Он должен был покинуть их сегодня вечером или завтра, чтобы уйти в лес, ибо приближалась ночь, когда следовало собирать дикую вербену.

Что касается Адемара, то он был совершенно бесполезным. Оставались Стоугтон и Кантор. Анжелика

возлагала надежды на мудрость ранней юности сына, когда к детской наивности примешивается инстинктивное благоразумие, вера в свои силы и уже мужская отвага. Кантор вызвался захватить этот баркас под носом у браконьеров и провести его на другую сторону мыса, где вся компания погрузится в него.

В самый разгар обсуждения Анжелика встала и пошла открыть дверь, осознав, что привлекло ее внимание: крик козодоя, громкий, настойчивый и непривычный, — звал Пиксарет. Она пробежала до края полуострова и на другом берегу на вершине дуба заметила наполовину укрытого листвой индейца, подававшего ей отчаянные знаки. Он показал на что-то внизу.

Анжелика опустила глаза, посмотрела на песчаный берег, и кровь застыла в ее жилах. Цепляясь за кусты можжевельника и корявые сосны, вверх взбирались люди. Вне всякого сомнения, это были разбойники с баркаса, и когда один из них, словно почувствовав, поднял к ней пиратскую физиономию, она увидела, что у него между зубами зажат нож.

Они тоже должны были заметить, что у них есть соседи в этом глухом месте, и, как подобает закоренелым грабителям, шли, чтобы застать их врасплох. Увидев, что попытка неожиданного нападения обнаружена, они разозлились и ускорили подъем.

Взгляд Анжелики упал на стоявшие рядом ульи. Прежде чем убежать, она схватила один из них и, когда бандиты появились над обрывом, проворно бросила в их сторону улей с его гудящим содержимым. Он разлетелся на куски прямо перед ними, и сейчас же раздались отчаянные вопли. Анжелика не стала задерживаться, чтобы поглядеть, как они отбиваются от тучи разъяренных пчел.

Продолжая бежать, она обнажила свой нож. Хорошо, что взяла его, ведь бандиты, очевидно, разделились на две части. Поэтому и встретила на пути к хижине какого-то усмехающегося паяца, одетого в лохмотья, в треуголке с красными перьями. Он потрясал дубиной.

Должно быть, он был сильно пьян или считал, что женщина не может представлять опасности. Бросился на нее и, когда она уклонилась от удара просвистевшей в воздухе дубины, оступился и буквально напоролся на длинный нож, которым Анжелика махала, как попало, чтобы защититься. Он испустил хриплый крик, и она на мгновение ощутила смрадное дыхание пьяницы с испорченными зубами. Вцепившиеся в Анжелику руки ослабели. Ему не удалось увлечь ее с собой в падение. Холодея от ужаса, она оттолкнула его и увидела, как он рухнул к ее ногам, прижимая руки к животу. Глаза злодея выражали бесконечное удивление.

Не будучи настолько глупой, чтобы дольше заниматься его судьбой, Анжелика в три прыжка добралась до жилища Шепли и сразу же задвинула калитку расшатанного палисада.

Глава 3

— Кишки выпустили! — мрачный крик расплывался в тишине вечера. Анжелика с англичанами, осажденные в хорошо забаррикадированной хижине, слышали доносившиеся крики.

Плохо начавшийся день так же плохо заканчивался. С одной стороны, Анжелика с товарищами, плохо вооруженными, но зато в укрытии за стенами из бревен, с другой, пираты, жестокие и агрессивные, быстро уподобившиеся вольным животным с одним раненым, у которого вывалились внутренности.

К несчастью Анжелики и ее компаньонов, пираты укрылись около ручья, недалеко от хижины, чтобы обмывать в нем распухшие от укусов пчел места. Расположившись там, они не давали возможности обитателям хижины выходить. Изрыгая проклятья, снова начинали стонать. Их не было видно, но они угадывались за завесой деревьев, откуда доносились их сетования.

Когда наступила ночь, стоны и крики боли наполнили воздух. Вскоре свет луны залил окрестности. Море засеребрилось, и вся чернильно-черная эскадра островов, казалось, тронулась в дальнее плавание.

Среди ночи Анжелика взобралась на табурет и проделала дыру в крыше, чтобы выглянуть наружу и оценить обстановку с большой высоты.

— Эй, матросы, слушайте меня! — закричала она по-французски высоким чистым голосом. Она увидела, как зашевелились тени пиратов.

— Слушайте! Можно прийти к соглашению. У меня есть лекарства, которые облегчат ваши страдания. Я могу сделать перевязку раненому. Подойдите не ближе двух туаз к хижине и бросьте ваше оружие. Мы не

хотим кровопролития. Только спасти нам жизнь и заимствовать на время баркас. Взамен вас вылечат.

Сначала ответом была тишина. Затем раздалось приглушенное шушуканье.

— Вас вылечат, — повторила Анжелика, — иначе вы умрете. Укусы пчел смертельны. И раненый без лечения умрет.

— Что ты мелешь?! У него распорото брюхо и кишки вывалились, его не спасти.

— Это поправимо. Будьте благоразумны. Бросьте оружие. Я помогу вам.

Среди ночи ее чистый голос звучал успокаивающе и, казалось, шел с самого неба. Однако пираты сразу не уступили. Они решили ждать рассвета.

— Эй, женщина! — крикнул кто-то из них, когда посветлело. — Мы согласны.

За зарослями послышалось звяканье металла и показалась высокая фигура с охапкой оружия: тесаками, ножами, абордажными саблями, а сверху секирой и пистолетом.

Все это осталось на земле в нескольких шагах от палисадника.

Под защитой старого Шепли с тромболопом и Кантора мушкетом, Анжелика подошла к пирату. Он был почти слепым, с опухшим от укусов пчел лицом. Его шея, плечи и руки являли не менее печальное зрелище.

Шепли сдвинул назад остроконечную шляпу и стал крутиться вокруг него, зубоскаля и приговаривая с радостным видом:

— Похоже, тыква совсем созрела!

— Спасите меня! — стонал верзила.

Пляс с ножнами разной величины, в данный момент пустыми, ясно давал понять, что их владелец принадлежит к сообществу людей, которые охотятся в Карибском море, разделявают диких свиней и быков, снабжая проходящие корабли. Его товарищи, лежавшие

за деревьями, были в худшем состоянии. Молодой юнга, хилый и тщедушный, казалось, готов был испустить дух.

Анжелика подняла лохмотья, и возглас ужаса вырвался у окружающих. Анжелику едва не стошнило. Из зияющей раны выступало нечто вроде клубка змей, спазматически изменяющего свою форму, словно воплощенный наяву кошмар. Открытые внутренности в распоротом животе.

Все замерли.

Пиксарет с интересом склонился над ужасным объектом.

Анжелика интуитивно ощутила, что может спасти его. Несмотря на восковую бледность и заострившиеся черты, не обнаруживалось на противной физиономии пьяницы сигнала смерти.

Удар не повредил внутренностей, что могло вызвать смерть. Он заговорил первым, с трудом удерживая гримасу:

— Да, миледи! Удар, как для коровы, лучше не сделаешь а? Теперь меня надо заштопать.

Взгляд Анжелики остановился на чудовищной грыже, от которой поднимался гнилостный запах, привлечший больших черных мух.

— Хорошо, — сказала она, — надо попытаться...

Глава 4

«Я и не такое видела», — повторяла она в хижине, торопливо раскладывая на дощечке вынутые из сумки инструменты. Это было не совсем так... Конечно, зимой в Вапассу ей приходилось делать настоящие операции. Необычайная ловкость пальцев, твердая уверенность рук воительницы побуждали к экспериментам, достаточно смелым для той эпохи.

Как-то уже весной она вылечила индейского вождя, которому в схватке лось пропорол спину во всю длину, и она впервые в своей практике попробовала сблизить края раны несколькими стежками. Заживление произошло быстро. Ее имя получило широкую известность, и Хоуснок стал местом паломничества множества туземцев, приходивших полечиться у Белой Госпожи с Серебряного озера.

Она поздравила себя с тем, что спасла драгоценную сумку от всех недавних перипетий. Это чудесно. В ней хранилось множество вещей, необходимых повсюду.

В одном саке нашла горсть растертых стручков акации. Этот порошок со спасительным танином был заменителем пластыря, который, может быть, не даст разойтись по организму ядовитым выделениям, когда рана закроется. Но его было недостаточно.

Она показала порошок акации Пиксарету, который, пощупав и понюхав его, согласно улыбнулся и отправился в лес.

— Займись с одним из англичан баркасом, — приказала Анжелика Кантору. — Удостоверься, что он сможет отплыть с частью наших людей. Хорошо вооружитесь и останьтесь там на страже, хотя эти бедолаги сейчас не в состоянии причинить нам вреда.

Элизабет Пиджон застенчиво предложила свои услуги, получив от Анжелики задание смазать болеутоляющей мазью пораженные места у несчастных жертв пчелиной атаки. Хотя у нее хватило забот с преподобным Петриджем, старая дева охотно согласилась и, понимая новую ситуацию, выбрала саблю поострее из оружия пиратов. Лихо засунув ее за пояс, она поспешила к хижине, где старый Шепли выдал ей лекарства, сопровождая это обычным зубоскальством.

В тени деревьев, где лежал раненый, Анжелика протерла плоский валун и разложила на нем коробки с иглами и пинцетами, флакон очень крепкой водки, ножницы и корпию, сохранившуюся белой и чистой в пакете из провощенного полотна.

Переносить отсюда раненого было бесполезно. Рядом протекал ручей. Она раздула полузатухший костер и поставила на огонь котелок с водой, куда бросила порошок из стручков акации.

Вернулся Пиксарет с целым ворохом зеленых стручков. Анжелика взяла один, раскусила и сделала гримасу, выплюнув зеленый вяжущий сок. Это не был вкус танина, появляющийся при достижении спелости, тоже малоприятный, но отдающий чернилами и обладающий неоценимым свойством затягивать раны, устранять опасные нагноения и, наконец, благодаря своей тонизирующей и живительной силе, предохранять от воспалений, которые так долго препятствуют заживлению даже чистых ран. Эти зеленые стручки были менее эффективны — что ж, придется довольствоваться и этим. Она хотела положить их в котелок, но Пиксарет остановил ее.

— Пусть это делает Мантера, — он показал на старую индианку, служанку или компаньонку старого лекаря. Очевидно, она знала свойства растений.

Анжелика вернулась к своему пациенту, глаза которого, по-прежнему открытые, загорелись

одновременно надеждой и страхом. Видя, что она опустилась на колени у его изголовья с выражением сосредоточенности и решимости, он сразу обмяк, и в его взгляде прожженного пирата появилось что-то совсем человеческое.

— Тихонько, красавица, — прошептал он ослабевшим голосом. — Прежде чем начать, надо договориться. Если ты заштопаешь меня и я выкарабкаюсь из лап старухи Смерти, ты не будешь требовать наше оружие и старую лодку? Ведь это все, что эта подлюка Золотая Борода дал, чтобы сохранить нам жизнь в этом гиблом местечке. Так ты хочешь быть хуже его?

— Золотая Борода? — насторожившись, повторила Анжелика. — Значит, вы составляете часть его экипажа?

— Составляли, хочешь сказать. Этот сукин сын высадил нас здесь, а пороха дал с гулькин нос. Нечем защищаться от хищных зверей, дикарей и прочей швали на берегу. Известно, что все они бандиты.

— А теперь замолчите, — сохраняя спокойствие, сказала Анжелика. — Вы слишком болтливы для умирающего. Поговорим позже.

Он совсем изнемог, и вся его немощная плоть, казалось, сконцентрировалась в лице, превратившемся в маску смерти с красными кругами вокруг вытаращенных глаз. Но даже эти кровавистые круги говорили о его упорном сопротивлении.

«Он будет жить», — подумала она и крепко сжала зубы.

— Еще слишком рано ставить условия, мессир, — сказала она громко. — Мы сделаем, что захотим с вашим оружием и с баркасом. Если вы, к вашему счастью, останетесь живы.

— В любом случае... требуется время... чтобы залатать... лодочку, — выдохнул раненый.

— И чтобы вас залатать, потребуется время, деревянная вы голова, А теперь сохраняйте силы и спокойствие.

И она положила руку на его вялый, покрытый потом лоб, не решаясь дать ему выпить успокаивающее именно из-за белладонны, которую так не любил Шепли. Ничто не будет достаточно сильным, чтобы побороть боль при хирургическом вмешательстве.

— Дорогой грог, — простонал раненый, — добрый грог, горячий, с лимоном, хотя на прощанье выпить бы...

«Идет не так плохо, — отметила Анжелика. — Это поможет ему перенести шок. Он настолько пропитан ромом, что, может быть, именно это и спасет».

— Эй, парень! — окликнула она стоявшего неподалеку толстого буканьера, — у вас не найдется пинты рома?

Толстяк утвердительно закивал, насколько позволяли полученные волдыри. В сопровождении одного из англичан он спустился к их стоянке на берегу и вернулся с флягой из черного стекла с длинным горлышком.

— Ну вот, — сказала она. — Пей, сколько сможешь, пока не увидишь, что небо крутится, как волчок.

Услышав ее обращение на «ты», он понял, что ответственный момент наступил.

— Это плохо кончится, — прохрипел он. И с обезумевшим взглядом добавил: — А исповедник здесь есть, в этом гиблом месте?

— Я, — сказал Пиксарет, одним прыжком став на колени. — Я наставник в вере при Черном Платье, и вождь всех племен абенаков. Господь избрал меня, чтобы крестить и давать отпущения грехов провинившимся.

— Господи Иисусе! Дикарь! Этого еще не хватало! — воскликнул раненый и потерял сознание, то ли от испуга, то ли от упадка сил.

— Так даже лучше, — сказала Анжелика.

«Я промою рану, — подумала она, — теплой водой с добавлением экстракта белладонны».

Затем согнула кусочек коры наподобие лейки, что позволило лучше направлять струйку жидкости из тыквенной бутылки, которую держал Пиксарет. Она нагнулась к ране.

При первом прикосновении, хотя оно и было легчайшим, раненый вздрогнул и попытался подняться. Крепкие руки Стоугтона удержали его.

Анжелика заставила толстого буканьера лечь лицом на землю, а индеец-спутник Шепли удерживал щиколотки. Когда это было сделано, раненый попросил, чтобы ему приподняли голову и проглотил еще хорошую порцию рома, после чего в полубессознательном состоянии позволил привязать его запястья к вбитым в землю кольям.

Анжелика сделала из корпии тампон и оставила его между зубами, затем подложила под затылок лучок соломы, заботясь, чтобы дыхание через ноздри шло без помех.

С другой стороны опустился на колени старый английский лекарь. Он снял большую шляпу и ветер теребил завитки его седых волос. Это он исполнял свой долг и без слов понимая, какая помощь нужна, взял пинцеты из тростника и сделал первые захваты для сближения краев раны.

Полностью это сделать было почти невозможно, но резким и точным ударом Анжелика воткнула иглу в дряблое тело, и ее пальцы удержали его, пока она одним неуловимым движением кисти, требующим недюжинной силы и ловкости, прошила и протянула пропитанную жиром нить через другой край раны, а затем завязала узел. Работала быстро, ритмично, не колеблясь, оставаясь согнутой в полной

неподвижности, за исключением непрерывного движения проворных рук.

Старый Джон следил за ней, помогая зажимами или пальцами, когда зажимы соскальзывали с истерзанного тела.

Несчастный мученик оставался в состоянии прострации, только дрожь пробегала по его телу, и временами раздавался глухой хрип, казавшийся последним. Дурнопахнущий ком кишок, липкий и шевелящийся, непрерывно пытался вывалиться, и его приходилось загонять внутрь, как непокорное животное в хлев.

Белесые и фиолетовые завитки внутренностей, то и дело выходявшие в щели, образовывали многочисленные грыжи и заставляли бояться в любую минуту прободения, что, как знала Анжелика, могло привести к фатальному исходу. Но постепенно все стало на место, и последний шов был наложен.

Анжелика выпрямилась, с трудом разогнув спину. Операция длилась больше часа. Она пошла к ручью помыть руки. Затем вернулась и все уложила на место.

Из бухты доносились удары деревянного молотка. Баркас будет готов к отплытию раньше его жалкого капитана.

Анжелика приподняла веко у раненого, послушала его сердце. Он продолжал жить.

Тогда осмотрев его с ног, грязных, покрытых мозолями, до нечесанного колтуна на голове, внезапно ощутила прилив симпатии к этому печальному человеческому обломку, чье жалкое существование она спасла.

Глава 5

Все, в особенности больные и раненые, не могли разместиться на баркасе. Выбор тех, кто уедет или останется, стал предметом жарких споров, и Анжелике снова пришлось взять на себя руководство.

Было ясно, что Кантор, обученный искусству навигации, должен командовать, чтобы довести баркас до Голдсборо. Корвин и Слоугтон, выросшие на побережье, помогут ему в маневрах. Анжелика сразу поняла, что должна остаться на берегу.

Кантор раскричался. Он решительно отказывался оставить мать в такой сомнительной компании.

— Ты же должен понять, — убеждала она, — что нельзя взять ни одного больного. Они будут только мешать маневрам.

— Хорошо, пусть они остаются здесь, а старый Шепли ухаживает за ними.

— Шепли сказал, что скоро уходит в лес и не может отложить свое путешествие из-за луны.

В конце концов Кантор признал ее правоту. Чем скорее поднимут паруса, тем скорее все окажутся под защитой стен Голдсборо.

Их осталось только восемь на острове у мыса Макуа Бей.

Уже два дня прошло с тех пор, как баркас флибустьеров, надлежащим образом оснащенный и мастерски управляемый Кантором, выскользнул из бухточки и исчез за островами.

Итак, он увез семьи Корвина и Слоугтона, их слуг, малютку Роз-Анн и одного из флибустьеров, самого здорового, от которого они постараются избавиться при первом удобном случае.

Практически баркас не мог вместить больше ни одного человека, и понадобилась дикая наглость Вульверины, росوماхи, которая стремительно бросилась вслед за Кантором, чтобы и ей нашлось местечко на борту.

Анжелика чувствовала себя связанной со своим стонущим пациентом, который упорно старался выжить и которого звали Аристид Бомаршан.

— Плохой купец, готова поспорить, — пожимая плечами сказала Анжелика, — Деревянная Башка или Вспоротое Брюхо ему гораздо больше подходят.

В это утро преподобной Петридж открыл глаза и заявил, что нынче воскресенье, попросил Библию, чтобы подготовить проповедь.

Прошла уже неделя после нападения на маленькую английскую деревню, и Анжелика лелеяла надежду, что суда Жоффрея де Пейрака крейсируют еще у устья Кеннебека.

Может быть, Кантору повезет, и он встретит одно из них. Надежный, большой корабль, защищенный пушками, на котором можно будет отдохнуть в открытом море и спокойно вернуться к себе.

Какое бы это было счастье!

Но прошло уже два дня, а на горизонте ничего не появилось.

Дрожащим голосом Элизабет Пиджон читала Библию. С недоверчивым и вызывающим видом ее слушали двое больных флибустьеров. За этими требовался хороший уход, но видеть их выздоровевшими было совсем нежелательно. Третий, самый высокий и толстый, переходил от изголовья Вспоротого Живота к одному из двух лежавших в хижине и подолгу шушукался с ними на непонятном жаргоне.

Жалобный вид, какой был у него в первые дни, пропал. Он был огромный, неповоротливый и вызывал

беспокойство.

— Следи за ним, — сказала Анжелика Адемару, — иначе ему удастся стащить один из ножей и загнать кому-нибудь из нас в спину.

Он проявлял истинное участие к прооперированному.

— Это мой брат.

— Что-то вы не особенно похожи, — заметила Анжелика, переводя взгляд с его мощного тела на едва угадывающуюся под покрывалом тщедушную фигурку.

— Мы братья с побережья. Мы обменялись кровью и барышом лет 15 тому назад. — И с мерзкой улыбкой на деформированном от укусов пчел лице он добавил: — Может, и хорошо, что я не кокнул вас раньше, ведь вы спасли Аристида...

Ночью надо было дежурить около раненого. Анжелика натянула над ним полог, не столько защищающий от солнца, свет которого смягчали деревья, сколько от ночной росы, иногда внезапно выпадающего дождя и даже от летящей водяной пыли доносимой ветром во время прилива. Она дежурила возле него, внимательная, упорная, изумляясь при виде начавшегося исцеления этого обреченного тела. Вечером после операции он открыл глаза, потребовал табак и грог. И хотя подали не грог с лимоном, а рыбный бульон, он придал ему не меньше бодрости.

И вот пришло знаменитое воскресенье, когда уже и пастор Томас начал оживать.

— Я помогу вам сесть, — сказала Анжелика раненому.

— Мне сесть? Ты хочешь, чтобы я загнулся?

— Нет, надо заставить циркулировать вашу кровь, чтобы она не сгущалась. И я запрещаю вам «тыкать» мне теперь, когда вы вне опасности.

— Ха! Нет, что за баба!

— Идите помогите мне, мясник.

Вдвоем они взяли раненого под руки, приподняли и удержали в сидячем положении. Он побледнел и покрылся потом.

— Водки! Водки!..

— Адемар, принесите бутылку. Когда он выпил, ему стало лучше.

Она подложила под спину какое-то тряпье и долго смотрела на него.

— Ну вот, Деревянная Башка! Вам только пос... и пос... как всем людям, и вы спасенный человек.

— Вот это здорово, — сказал он. — Вы и впрямь за словом в карман не полезете.

Анжелика сбрила ему бороду, буквально кишевшую насекомыми, и он принял вид безобидного мещанина, которым помыкают жена и кредиторы.

— Я ничто рядом с Золотой Бородой, — простонал он. Она помогла ему снова лечь и немного позже, когда он отдохнул, продолжила разговор:

— Поговорим немного о Золотой Бороде и о тех, кто утверждает, что я вышла из бедра дьявола.

— О, я... я ничего не знаю, — запротестовал он.

— Но вы же знаете, кто я?

— Не совсем. Это Золотая Борода знает про вас все. Вы — француженка из Голдсборо, как говорят, колдунья, связанная с чародеем, который делает золото из ракушек.

— Почему бы не из рома?! — серьезно сказала Анжелика. — Вас бы это больше устраивало?

— Так, во всяком случае, болтали моряки, которых мы встретили во Французском заливе. Кстати, моряки не употребляют ваш жаргон.

— Ну, это вы можете сказать о нас двоих, если вам так хочется, — ответил Вспоротое Брюхо с достоинством и обидой, — но не о Золотой Бороде. Это, извините, настоящий барин. И к тому же лучшего моряка не найдешь на всем шарике. Можете верить

тому, что я говорю, вы же сами видели, как он с нами обошелся, этот сукин сын, высадив нас и бросив, как последних каторжников, без еды и оружия в этой дикой стране. Он сказал, что мы опозорили его корабль.

Португалец, уже не такой опухший, добавил:

— Я знал Золотую Бороду еще раньше, чем тебя, начальник, еще в Гоа. Я расплевался с ним из-за этой истории с Голдсборо, но всегда буду жалеть об этом случае.

Анжелика непрерывно проводила рукой по волосам. Ветер забрасывал их в глаза, и это выводило ее из себя. Она старалась собраться с мыслями, но ветер сбивал ее с толку и она теряла нить рассуждений.

— Вы хотите сказать, что знали, кто я, и что я уже была здесь, когда Золотая Борода оставил вас в бухте?

— Нет, то, что вы здесь, мы не знали, — сказал Бомаршан. — Это уже судьба! Судьба, которая иногда в момент вытаскивает таких храбрых парней, как мы. Это не первый раз судьба схватила нас за патлы, правда, Гиацинт?

— Но как вы узнали, что я нахожусь именно здесь?

— Черт возьми! Когда мы заметили, что кто-то болтается на скале, то подобралась, подслушали и поняли, что это были вы, графиня де Пейрак, тогда и поверили, что поймали удачу за хвост.

— Почему же вашу удачу?

— Проклятье! Золотая Борода болтал, что у него есть бумага на графа де Пейрака и графиню. Что его надо кокнуть, а ее арестовать...

Сердце Анжелики забилось сильнее. Этот пьяница, зная столько интересного, как сорока, выбалтывал все без разбора между глотками спиртного.

Глава 6

Однако на этот вопрос он ответил неопределенной гримасой.

— Это после того как он побывал в Париже перед последней кампанией на Карибах. Чтобы министр подписал ему грамоту на каперство. Он ездил с тобой, Лопец?

Португалец утвердительно кивнул.

— А кто «он»? Кого следует убивать? — настаивала Анжелика.

— Ладно, скажу. Мужчину, с которым вы спите... графа, что делает золото из ракушек.

— Убить его! И из-за этого вы пытались захватить меня?

— Проклятье! Поставьте себя на наше место, А теперь, раз вы меня распороли и заштопали, я точно знаю, что вы колдунья.

Он подмигнул ей, но она не поняла, был ли то знак соучастия или просто насмешка. На его губах промелькнула язвительная улыбка.

— Почему же тогда ваш капитан высадил вас?

— Он не соглашался на дележ добычи, но это не женского ума дело, — высокомерно ответил Аристид.

— Что же собирался делать Золотая Борода в Голдсборо? — продолжала допытываться Анжелика.

Он не мог долго оставаться гордым и молчаливым.

— Что?.. Не быть психом и наложить лапу на эти земли!

— ??

— Не открывай свои гляделки, как акула пасть, моя красавица. Я же сказал, что Золотая Борода — это корсар, у которого есть все, что надо, вроде грамот и патентов, подписанных министром и даже

губернатором Тортуги. — Но еще, — раненый наставительно вытянул указательный палец, — он получил концессию от короля Франции на всю землю, лежащую между Голубыми горами и заливом Голдсборо.

— Подумать только! — воскликнула Анжелика.

— Эта идея давно сидела у него в башке: заякориться вместе со своими компаньонами где-нибудь в углу земли, чтобы выращивать пшеницу. Вот почему я был не согласен с ним и Лопец тоже. Я предпочитаю буканьерить, пока акулы меня не слопают, и я был прав. Золотая Борода, хитрюга и подпевала короля, сам увидел, куда его завели планы колонизации.

По ним шарахнули раскаленными ядрами. Здорово не приветливы эти парни из Голдсборо. Бедная наша «Сердце Марии»...

— Что это?

— Имя нашего корабля.

— Ваш великий начальник действительно не знал, что этот берег уже имеет владельца и прочно обосновавшееся поселение?

— Нам сказали: там есть женщины! Белые женщины, не индианки. Но не тут-то было!.. Сначала дали перцу из пушек, а когда попробовали высадиться, эти бешеные расколошматили нас.

Корабль загорелся и отправился восвояси. А высокочтимый Золотая Борода оказался в дураках со своими великими идеями и планами вспашки земли и женщин. Вот так...

Его хриплый смех перешел в кашель.

— Не кашляйте, — строго заметила Анжелика, посмотрев, не разошлись ли швы.

Ужасный негодяй этот Аристид, но если говорит правду, полученные сведения представляют собой ценность. Она вздрогнула при мысли, что без

энергичной защиты в Голдсборо ее ларошельские друзья могли бы попасть в лапы этих отверженных.

— Кет, Золотая Борода не то, что вы думаете, — упрямо продолжал раненый ослабевшим голосом, словно прочитав ее мысли. — Грамоты, патенты, поддержка короля — все у него есть... Он со мной обошелся круто, но под его знаменем не жаловались. Настоящий барин, говорю вам, этот Золотая Борода... Мадам, а вы не могли бы дать мне кусочек сыра?

— Сыра? Вы с ума сошли! Спите! — сказала Анжелика и натянула покрывало ему до подбородка.

«Бедный Деревянная Башка! Бестолковая голова, ты не стоишь веревки, на которой тебя повесят».

— Лопец, — сказала она громко, — вы были с Золотой Бородой в Париже, когда он давал на подпись разные бумаги и, без сомнения, выискивал средства, чтобы оснастить и вооружить свой корабль. Какой сеньор покровительствует ему? Вы не можете назвать хоть одно имя?

Португалец покачал головой.

— Нет... Я был там только его слугой. Иногда другие слуги приносили послания. Был там один... — Он заколебался. — Я не знаю его имени. Но если когда-нибудь вы встретите высокого капитана с родимым пятном, — он коснулся своего виска, — берегитесь, ваши врага близко... Услуга за услугу. В конце концов, колдунья вы или нет, но вы спасли моего дружка...

Глава 7

И снова вечер опустился над заливом Каско, озаряя оранжевым светом пространство на западе, где берег, плавно понижающийся на юге, исчезал, чтобы возродиться бесчисленными островами.

С незапамятных времен эти воды, где встречались холодное и теплое океанские течения, были колыбелью для рыб и неисчерпаемым заповедником для рыбаков мира. И теперь, весной, вода покрывалась, словно гигантскими кувшинками, белыми парусами кораблей.

С наступлением ночи Анжелика все больше видела загоравшиеся огни, красноватые, мерцающие, как звезды.

— Не пьет он, — пробурчал Аристид рядом с ней. — Что вы скажете о моряке, который не пьет?

— О ком вы говорите, мой мальчик?

— Об этом дьявольском Золотой Бороде... Он, наверно, пьет, когда имеет дело с бабой. Но это не часто. Бабы... как будто он не особенно на их счет... и насчет питья. А все равно он страшная ракалия^[1]. При штурме Портобелло заставил монахов монастыря Сан-Антонио идти впереди своих вояк вместо щитов. Испанцы гарнизона стреляли в них и заливались слезами.

Анжелика вздрогнула.

— Этот человек — страшный безбожник!

— Нет! Не настолько, как вы думаете. У него на борту всегда творили молитвы.

Анжелике показалось, что она видит в темноте Золотую Бороду, кровожадного флибустьера. Мороз прошел по коже.

— Он вернется, вот увидите, — занял раненый. Снова дрожь охватила Анжелику, и шум ветра в ветвях

кедра показался ей таким же зловещим, как и внезапно вспыхнувшая на горизонте зарница.

— Спите, дружок.

Она поплотнее запахла плащ. Предстояло дежурить до середины ночи, после чего буканьер, назвавшийся братом раненого, сменит ее. Он находился здесь же, глыбой примостившись у огня, втянув голову в плечи, и она слышала, как он чешет косматую бороду, чтобы успокоить зуд от насекомых. Обратив лицо к звездам и думая о различных вещах, она не замечала, что он впился в нее горящими глазами. Он испытывал странное ощущение, глядя на эту женщину...

Она стояла, неподвижная, как статуя, в черном плаще, с золотистой прядью волос, которой играл ветерок и которую она отводила движением руки. И это единственное движение воскрешало в его памяти ее укрытую красоту, великолепие ее форм, так восхищавших его.

— Я не такой, как Золотая Борода, — тихо сказал он.
— Женщины... я люблю их.

Он поскреб шею.

— Вам не хотелось получить малость удовольствия со мной, мадам?

Она медленно повернула голову в его сторону.

— С человеком твоей породы? Нет, милейший!

— Какие же они, люди моей породы, что вам не нравятся?

— С лицом, как тыква, слишком безобразным, чтобы получить удовольствие, поцеловав его.

— Не обязательно целовать, если вам не нравится, — сказал он примирительно. — Можно сделать кое-что другое...

— Оставайся на месте, — сухо ответила она, увидев, что он собирается встать. — Других я и за меньшее продырявливала. А зашивать тебя не стану!..

— Фу, чего ты такая несговорчивая, — пробурчал он, снова начиная с ожесточением чесаться. — Я просто предлагаю вам воспользоваться случаем... Никого нет, самое время. Меня зовут Гиацинт Буланже. Вам что, и вправду неинтересно со мной?

— Нет. Не обижайся. Мной руководит осторожность, Гиацинт, — сказала она мягко, чтобы, не пробудить в нем враждебности, — люди, которых бросают на пустынных берегах, не всегда бывают первой свежести. Даже не осмотрев тебя, я готова поспорить, что ты проеден сифилисом до мозга костей.

— Это неправда, клянусь вам, — вскричал явно оскорбленный буканьер. — То, что у меня голова такая, так это только из-за ваших дьявольских ульев, которые на нас опрокинули.

Застонал Аристид.

— Хватит болтать у меня над головой, словно я уже труп.

Наступило молчание. Анжелика старалась убедить себя, что тревожиться не из-за чего. Она и не в таких переплетах бывала. Но нервы были натянуты до предела, и она ощутила желание бежать со всех ног.

Однако заставила себя остаться на месте и сохранить безразличный вид, чтобы он не посчитал, будто она испугалась. Затем выбрала подходящий момент и, поручив буканьеру следить за костром и братом, возвратилась в хижину.

Склонившаяся над тлеющими углями мисс Пиджон напоминала колдунью, составляющую приворотное зелье. Анжелика нагнулась к Сэмми, коснулась его влажного лба, потрогала повязку, затем, улыбнувшись старой деве, снова вышла и уселась за хижиной рядом с индианкой Мантерой.

Луна поднялась из-за туч. В такую ночь не хотелось спать. Оглушительное завораживающее стрекотание цикад смягчалось пением ветра и моря.

Появился старый англичанин в просторном плаще, закутанный так, что между воротником и полями шляпы видны были только очки. За ним следовал, как тень, закутанный в красное покрывало индеец, державший в руках поклажу.

— На этот раз, — сказал Шепли, — я иду собирать вербену, священную траву колдунов. Ее надо собирать в тот момент, когда взойдет солнце. Оставляю вам два заряда пороха к мушкету и чем напичкать ваших больных, чтобы они были менее опасными... Будьте осторожны с этими ракалиями.

— Благодарю вас, мистер Шепли, — прошептала Анжелика по-английски.

Старая индианка, толстая и неповоротливая, проводила Шепли до самой опушки леса, затем вернулась своей торжественной походкой.

Анжелика спрашивала себя, какое же место занимает Мантера рядом с этим старым сумасшедшим англичанином. Индианки редко становятся служанками. Была ли она его женой? Возможно, этим объясняется остракизм, которому соотечественники подвергали ученого, ибо для них связь с краснокожей была смертельным грехом.

В свое время Анжелика узнает историю этой странной пары, которая жила в самом отдаленном и диком месте залива Макуа, историю юной индианки, последней оставшейся в живых из уничтоженного племени, сорок лет назад проданной в рабство на площади в Бостоне.

Ее купил молодой англичанин, прибывший совсем недавно с дипломом аптекаря в кармане. Ухватившись за связывающую ее веревку, он пустился в путь и потащил ее за собой.

Именно тогда, глядя на ее хрупкость и черные бездонные глаза, он ощутил безумную страсть, которая часто искушает детей Шекспира. Вместо того чтобы

вернуться домой, он напрямик направился в лес...
Таким образом они проникли в проклятое королевство
отверженных.

Глава 8

По обнаженным отливом сверкающим коричневым камням легким шагом приближался человек. Когда он подошел ближе, Анжелика узнала Жанна Ле Куеннека, бретонца из Вапассу, оруженосца ее мужа.

Вне себя от радости она подбежала к нему и сжала в дружеском объятии.

— Жан, дорогой Жан! Какое счастье видеть вас! Граф... где он?

— Я один. — Но, увидев разочарование на лице Анжелики, продолжал: — Когда мессир граф узнал о вашем отъезде в английскую деревню, то поручил мне присоединиться к вам. Вот уже восемь дней я иду по вашему следу.

Он вытащил из кармана блузы какую-то бумагу.

— Я должен вручить вам это по поручению графа.

Она с жадностью схватила послание, ошарашенная тем, что что-то от него у нее в руках. В послании было несколько строк:

«Если это послание попадет к вам в Брунсуик-Фоле, возвращайтесь с Жаном в факторию Питера Боггена. Если вы уже возвращаетесь в Хоуснок, терпеливо ожидайте меня там. Прошу вас, постарайтесь не проявлять излишнего безрассудства!»

Тон письма и читаемая между строк затаенная враждебность привели Анжелику в замешательство. Жан, догадываясь по ее лицу, что письмо хозяина недостаточно любезно, простодушной деликатностью попытался смягчить неприятное впечатление.

— Мессир граф очень беспокоился о вас из-за СЛУХОВ о вспыхнувшей войне...

Ее поразила фраза Жана: «Когда мессир граф узнал о вашем отъезде в английскую деревню...»

Разве не он послал ее туда? Она попыталась вспомнить обстоятельства отъезда.

— Мессир граф был прав, — продолжал Жан. — На запад от Кеннебека я натолкнулся на невероятную сумятицу. словно разворошили муравейник, столько кишело под деревьями краснокожих с томагавками и факелами в руках. А в той деревне ничего... кроме пепла, почерневших бревен, трупов и кружащих ворон... К счастью, я встретил нескольких дикарей. Они объяснили, что вы отправились с Пиксаретом к югу, а не к северу, как остальные пленные. После этого я боялся, что меня схватят, как англичанина, из-за рыжих волос. Пришлось пробираться тайком.

Только теперь она разглядела его истощенное заросшее лицо.

— Но ты, должно быть, совсем без сил, мой бедный друг! В пути вряд ли смог нормально питаться. Пойдем, тебя накормят.

Вечерело. Анжелика чувствовала, что к ней вернулись прежние страхи. Однообразный припев моря напоминал о прошлом одиночестве, об изнуряющей борьбе женщины, одинокой и не находящей выхода среди расставленных алчными мужчинами ловушек... Вскоре удалось побороть эту слабость. Счастье последних месяцев вернуло ей самообладание. У нее появилась уверенность в себе, уверенность в любви, рядом с которой могла укрыться, отдохнуть.

Еще немного терпения и это испытание закончится. Все войдет в нормальное русло. Она выискивала возможность поговорить с Жаном, на открытом лице которого отражалось удивление при виде, в какой компании висельников она очутилась.

Случайно или это было так подстроено, но за весь вечер она не смогла остаться наедине с ним. Им завладели другие.

— Ешь, сынок, — радушно предлагал Гиацинт, протягивая миску супа и пытаясь придать своей мрачной роже приветливость.

Жан учтиво поблагодарил, но оставался в напряжении и пытался перехватить взгляд Анжелики, чтобы получить хоть некое объяснение.

На ужин был черепаховый суп, который Гиацинт сварил сам.

— Я чувствую себя воскресшим, — щелкая языком, сказал Аристид.

— Вы, мой друг, скоро побежите, как тот заяц, — заметила Анжелика, подталкивая его.

Вскоре ей удалось отойти в сторону с Жаном и ввести его в курс дела.

— Капитан высадил их, безусловно, за склоку. Больные, беспомощные, они пока не опасны. Хотя бы граф поспешил к нам. Кантор должен быть уже в Голдсборо. Есть у тебя порох и пули?

Он растратил их, добывая пропитание. Осталось только немного пороха. Анжелика зарядила мушкет и положила рядом.

Жара угнетала, ночной бриз не приносил облегчения. Анжелика, как обычно, расположилась под деревом, недалеко от раненого. Странная усталость навалилась на нее, смыкая глаза. Последнее, что она увидела, была выплывающая из облаков луна и пробежавшая по глади залива золотая дорожка. Ей привиделся мучительный кошмар: вокруг нее толпа, и она не может различить лиц...

Внезапно она вздрогнула. Это не сон! Глаза ее открыты. Ее окружало множество людей. Она видела их темные грузные фигуры, прохаживавшиеся вокруг, и небо было багровым, ибо это был цвет утренней зари, встающей над заливом. Анжелика приподнялась на локте. Все тело показалось налитым свинцом. В

нескольких шагах заметила Жана. Он стоял, привязанный к дереву, с яростно сжатыми губами.

Затем увидела сидящего Аристида. Двое матросов поддерживали его, а он жадно поглощал содержимое бутылки рома.

— Ну вот, красотка, — с ехидцей сказал он, — теперь наша очередь быть сверху.

Раздался чей-то голос:

— Замолчи, старый хрыч! Не к лицу джентльмену удачи оскорблять побежденного. Особенно, когда речь идет о прекрасной даме.

Анжелика подняла глаза к говорившему.

— Кто вы?

Он снял шляпу и галантно поклонился.

— Франсуа де Барсемпюи к вашим услугам. — И со вторым глубоким поклоном, прижав руку к сердцу, добавил: — Я лейтенант капитана Золотой Бороды.

Глава 9

Анжелика обнаружила, что в заливе на якоре стоит корабль. И прежде всего ее поразило то, что выглядел он очень красиво. Скорее люлька, чем корабль... которая мягко покачивалась, в то время, как небольшая лодка спускалась с ее борта, чтобы стать на спокойной воде.

Внезапно Анжелику осенило. Она все поняла. Одно движение гибких бедер — и она с молниеносной быстротой бросилась на Бомаршана, схватила его за плечи и отчаянно затрясла.

— Подонок! Я заштопала вам брюхо, а вы предали меня Золотой Бороде!

Только вчетвером удалось утихомирить ее. Изрядно помятый Аристид стал белым как воск, и с него градом катился пот.

— Все разрывается! — застонал он, прижимая руку животу.

— Так вам и надо, — злобно сказала Анжелика.

— Держите ее! Вы видели, что она сделала со мной? Бабу, которая сделала такое с раненым, надо сразу кокнуть!

— Кретин! — откликнулась Анжелика, Резким движением она освободилась от удерживающих ее рук. — Прочь лапы!

Учащенно дыша, посмотрела на Аристида таким уничижающим взглядом, что тому стало плохо.

— Вы отвратительный маленький урод! — с презрением бросила она, — самое мерзкое существо из всех, кого я когда-либо встречала...

— Заберите у нее нож, — простонал он.

— Пусть только кто-нибудь посмеет подойти ко мне, — угрожающе сказала Анжелика, держась за рукоятку

ножа.

— Сударыня, — очень учтиво сказал Барсемпюи, — вам необходимо отдать мне это оружие.

— Подойдите и возьмите.

— Осторожнее, лейтенант! — закричал Аристид. — Она умеет с ним обращаться. Им она распанахала меня.

— И она бросила на нас улы с пчелами, — добавил Гиацинт, предусмотрительно державшийся в стороне, — отчего у нас до сих пор головы как тыквы.

Взглянув на него, все покатились со смеху. Анжелика догадалась, что большинство из них с презрением относится к этим бандитам и отступникам, которые вероломно предали ее. Она сделала вид, что это жалкое отребье ее больше не интересует, и обратилась к лейтенанту Барсемпюи, французу и, очевидно, дворянину.

— Как им удалось так провести меня? — непринужденно спросила она, подходя к нему. — Ведь у этого негодяя ужасная рана, да и состояние остальных немногим лучше. Мы наблюдали за ними. Каким образом они уведомили вас, что я нахожусь здесь?

— Это Мартинец...

Мартинец? Пятый бандит, который отправился с Кантором и англичанами, ненужный пассажир, от которого они намеревались избавиться до того, как покинут залив Каско? Хитрому пройдохе не составило труда уговорить их высадить его на определенном острове. Принеся Золотой Бороде известие о том, что графиня де Пейрак может быть без труда взята в плен всего в нескольких милях отсюда, провинившийся пират был уверен, что его хорошо примут. Без сомнения, предупрежденные накануне сигналами издалека, эти подонки подмешали в еду снотворное.

Она огляделась вокруг. Где были Адемар, старая индианка, четверо англичан? Какая-то возня на берегу

позволила предположить, что их, возможно, уже отправили пленниками на борт.

А Пиксарет? Она поискала его глазами в направлении леса. Но лес стоял без признаков жизни. А перед ней распростерлось море с затянутым легкой дымкой тумана горизонтом.

Анжелика вновь обрела хладнокровие, и ее мозг лихорадочно работал.

Золотая Борода! Хорошо! Он хотел войны. Он захватил ее для того, чтобы использовать как заложницу против Жоффрея де Пейрака! Пусть будет так! Скоро он о нем услышит. Он пожалеет о своем набеге.

Золотая Борода! Имя, которое должно вызывать страх...

Анжелика заметила в окружающих ее членах экипажа подтянутость, непривычную опрятность.

Конечно, их одежда грешила пестротой, как у большинства подобных моряков, которые, живя на широкую ногу, не могли удержаться от искушения уподобиться вороне в павлиньих перьях.

Все это Анжелика отметила за несколько секунд, понабавшихся для того, чтобы сердце обрело нормальный ритм, а планы — стройность.

— Где же ваш капитан Золотая Борода?

— Вон там, он направляется к вам, сударыня...

Глава 10

Франсуа де Барсемпюи указывал рукой на шлюпку, отчалившую от корабля и приближающуюся с каждым ударом весел.

На носу ее стоял человек гигантского роста. Солнце было ему в спину, и черты лица оставались неразличимыми, но угадывалось, что он волосат и бородат, потому что вокруг всей головы трепетал пылающий ореол. Он носил редингот с широкими обшлагами на рукавах, покрытыми золотой вышивкой, был обут в кавалерийские сапоги выше колен, впечатляющим образом подчеркивающие мощь двух колонн. В нескольких туазах от берега он резким движением одел большую шляпу с желтыми и зелеными перьями попугая, которую до сих пор держал в руке.

Воспользовавшись тем, что все взгляды были обращены к прибывшему, она незаметно приблизилась к Жану.

— Будь готов, — прошептала она — я перережу веревки. Когда Золотая Борода высадится, все устремятся к нему. Тогда скройся в лесу и беги! Передай мессиру де Пейраку, чтобы особенно не беспокоился обо мне. Я постараюсь задержать этого пирата на месте, пока придет помощь. — Она говорила по-индейски, почти не шевеля губами и не спуская глаз со шлюпки.

Очевидно, Золотая Борода был грозным начальником, пользующимся большим авторитетом у своих людей, ибо все подтянулись и с напряженным вниманием следили за его приближением. В момент, когда он спрыгнул в воду и зашагал к берегу, кинжал Анжелики скользнул за деревом между запястьями Жана. Одним ударом узы были перерезаны. В полной

тишине пират шел к мысу. Чтобы отвлечь внимание от Жана, Анжелика быстро выступила вперед.

Жан мчался, как испуганный заяц. Он прыгал через кусты, скакал через ямы и расщелины, скользил между стволами сосняка, взбирался на скалы и в конце концов оказался с другой стороны фиорда.

Тогда остановился, уверовав, что погони нет. С трудом отдышавшись, он подошел к краю скалы, чтобы осмотреть окрестности.

С того места, где он находился, хорошо просматривался залив, корабль на якоре, почерневший от людей пляж. Поискал глазами госпожу де Пейрак. Не находя ее, высунулся подальше, ухватившись за самый край скалы.

И тогда он увидел... Он увидел...

Рот у него раскрылся, глаза вышли из орбит, и Жану-моряку, всего насмотревшемуся за свою жизнь странника, показалось, что мир рушится.

Золотая Борода стоял на пляже и держал в объятиях женщину. Женщину, которая подняла к нему преображенное лицо.

И это была она, супруга графа де Пейрака!

И в кругу замерших людей, почти таких же ошеломленных, как, Жан, Золотая Борода и Анжелика вглядывались друг в друга, обнимались и страстно целовались на глазах у всех, как встретившиеся после разлуки любовники...

Глава 11

— Колен! — воскликнула Анжелика.

В полутьме каюты, куда он привел ее, царила прохлада, и через открытые окна кормовой надстройки виднелся сверкающий залив и дрожащее отражение островов в нем. Корабль по-прежнему стоял на якоре. Казалось, что «Сердце Марии» внезапно покинули его обитатели, оставив в его лоне только этих двоих, которых судьба нежданно-негаданно свела лицом к лицу.

— Колен... Колен! — снова повторила она мечтательным голосом.

Анжелика разглядывала его, полуоткрыв губы. Еще не придя в себя от неистового потрясения, от возбуждения, вызванного изумлением и огромным счастьем, которое она испытывала, когда внезапно показалось, что человека, поднимающегося на песчаный берег, она узнает... Конечно, это его широкие плечи, голубые глаза... и когда он увидел ее, неопишное выражение застыло в них. Она подбежала к нему.

— Колен! О мой бесценный друг по пустыне!

В тесном пространстве каюты высокая фигура того, кого теперь называли Золотой Бородой, заполняла все.

Безмолвный, он стоял перед ней. Жара становилась невыносимой. Он снял перевязь и положил на стол, за ней последовал редингот. Перевязь удерживала три пистолета и тесак. Она вспомнила о причиненной боли, когда он прижал ее до хруста костей ко всему этому арсеналу.

он наклонился и припал губами к ее губам, и это было самопроизвольно, неудержимо и восхитительно.

Теперь, когда утихло ошеломляющее возбуждение первого момента, она видела перед собой пирата, в которого он превратился, и сожалела об импульсивном порыве, бросившем ее в объятия.

Последний раз, когда она его видела, это было в Сеуте, испанском городе на земле сарацинов. Четыре... нет, пять лет пролетело с тех пор. И теперь они в Америке.

Анжелика снова овладела собой, поразмыслив над фактами. Этим утром она ждала Золотую Бороду, грозного пирата и врага... Вместо него она увидела Колена, товарища, друга, некогда любовника.

Сюрприз невероятный!

Тем не менее это реальность. Немного фантастическая, но правдоподобная. Разве не созданы все авантюристы, все моряки мира для того, чтобы встречаться друг с другом в любой точке земного шара, куда море приносит их корабли? Случай, о котором не могла и мечтать, свел ее с тем, с кем она убежала из Микенеза, с кем скрылась от берберийцев... Но это происходило на другой стороне земли, уже после того, как каждый прожил свою, не известную другому жизнь.

Анжелика уперлась подбородком в кулак и постаралась улыбнуться, чтобы рассеять беспокойство, расцветившее ее щеки розами и заставившее слишком уж блестеть глаза.

— Итак, это ты, — сказала она, но тут же исправилась. — Итак, это вы, мой дорогой друг Колен, и я сегодня снова нашла вас в лице знаменитого корсара Золотой Бороды, о котором слышала столько рассказов и каких! Сказать, что я ожидала этого, будет... неправдой. Я не сомневаюсь, что...

Она остановилась, потому что он пошевелился. Придвинул табурет и уселся рядом с ней, скрестив руки и втянув голову в плечи, стал смотреть на нее, почти не моргая, своими голубыми глазами, И под этим

испытующим взглядом она не знала, что говорить, сознавая, что он отыскивает и вновь узнает каждую ее черточку, так же, как и она сама в этом утопавшем в золотисто-рыжей бороде загорелом лице с широким лбом, прорезанным тремя глубокими морщинами, под гривой спутанных волос узнала чуть постаревшие, дружески близкие и любимые черты.

Но это был только мираж!

Она не могла помешать себе видеть его таким, каким он склонялся над ней, когда страх заставлял ее трепетать. И под его пронзительным взглядом она знала, что являет ему свое нынешнее лицо и что падавший через открытые окна свет не скрывает перламутровый оттенок ее волос. Черты лица женщины, не пытавшейся их приукрасить, полные гордости и независимости, с той печатью женственности, которую ставит на них зрелость.

С большей чистотой в линиях фигуры, изгибе бровей и рта, с загадочными тенями в глазах цвета морской воды и тем совершенством в полной законченности которое словно излучалось из нее и которое довело Мон-Бриана до безумия.

Глава 12

Наконец он нарушил молчание.

— Это невероятно! Вы еще прекраснее, чем та, память о которой я сохранил. И один Бог знает, как неотступно она преследовала меня!

Анжелика покачала головой, отвергая признание.

— Не такое уж большое чудо — быть сегодня привлекательней той жалкой развалины, какой я была тогда... А мои волосы поседели, посмотрите.

Он покачал головой.

— Я вспоминаю... Она начала сидеть на дорогах пустыни. Слишком много горя. Слишком много страданий... Бедная крошка!

Анжелика сразу узнала голос с легким крестьянским акцентом, тем оттенком отцовской нежности, который в свое время так волновал ее. Она изо всех сил старалась прогнать волнение и не мучиться в поисках нужных слов.

Хотелось бы придать встрече больше легкости, поболтать, пошутить. Ей чудилось, что взгляд Колена Патюреля проникал внутрь ее, заполняя и парализуя все. Он всегда был серьезным и смеялся неохотно. Сегодня он выглядел еще мрачнее, в какой-то гнетущей безучастности, которая, возможно, скрывала грусть или коварство.

— Итак, вы знаете, что я жена графа де Пейрака? — спросила она, чтобы прервать молчание.

— Знаю... Для этого я и здесь... чтобы взять вас в плен, ибо мне надо свести кое-какие счета с хозяином Голдсборо.

Улыбка осветила его лицо, придав суровой физиономии неожиданную мягкость.

— Но сказать, что под этим именем я ожидал увидеть вас — будет ложью. Но вот вы здесь, мечта моих дней и ночей.

Анжелика теряла почву под ногами. Она уже заметила, что эти последние дни истощили сопротивляемость, и она оказалась беззащитной перед новыми испытаниями.

— Но вы же Золотая Борода! — воскликнула она, словно защищаясь от себя самой. — Вы больше не Колен Патюрель... Вы стали преступником!

— Нет, я корсар именем короля и имею законный патент с подписями и печатями.

— А правда, что вы погнали монахов под пули при взятии Портобелло?

— Ах, так это совсем другое дело. Они были посланы нам навстречу губернатором. Нет, я не чувствую угрызений совести из-за того, что заставил монахов быть нашим живым щитом. Но я уже не добрый прежний христианин... Когда покинул Сеуту на «Бонавентуре», то сначала попал в Ост-Индию. Мне удалось спасти дочь Великого Могола, похищенную пиратами, и признательность, которую засвидетельствовал мне могущественный князь Азии, сделала меня богатым. Затем побывал в Перу, Новой Гренаде, на Антильских островах, а после того как повоевал с английским капитаном Морганом против испанцев, я последовал за ним на Ямайку, где он стал губернатором. А я снарядил корабль для занятия каперством. Это было в прошлом году...

Он не спеша снял кожаные перчатки и протянул к ней через стол руки ладонями вверх.

— Посмотрите, вы узнаете, эти следы гвоздей? Они всегда здесь...

Переведя взгляд с его лица вниз, она увидела знакомые фиолетовые знаки распятия. Однажды в Микенезе султан Мулей Измаил велел прибить его

гвоздями к дереву у Золотых ворот, у входа в город. Если он и после этого не умер, то только потому, что ничто не могло сразить Колена Патюреля, короля рабов.

— Было время, когда среди морской братии меня стали называть Распятый. Я сказал, что убью всякого, кто назовет меня так, и заказал перчатки. Ибо знал, что недостоин такого святого имени. Но я вовсе не преступник. Просто моряк, который битвами и грабежом может быть хозяином самому себе... Добыть свободу! Вот! Мы одни можем понять, что это больше чем жизнь...

Он долго говорил.

И душа Анжелики начала успокаиваться. Она была признательна ему на предоставленную возможность взять себя в руки.

— Сам себе хозяин, — повторил он. — После двадцати лет рабства, а затем не намного лучшей кабалы под началом капитанов, не стоивших веревки, чтобы их повесить, — вот что может утешить сердце человека.

Его руки приблизились к рукам Анжелики, накрыли их, но не сжали.

— Ты вспоминаешь о Микенезе?

Освободив руки, она, как бы защищаясь, подняла их и покачала головой.

— Нет, больше не вспоминаю. И не хочу вспоминать. Теперь все изменилось. Мы находимся на другой земле, Колен, и я — жена графа де Пейрака.

— Да-да, я знаю, — сказал он с той же неопределенной улыбкой, — вы уже говорили об этом.

Но она ясно видела, что для него это утверждение ровно ничего не значит, что в его глазах она навсегда останется одинокой и преследуемой рабыней, которую он нес на спине в пустыне, и любимой женщиной, которой овладел прямо на каменистой почве Рифа,

открыв в ней источник самых удивительных наслаждений любви...

Она вспомнила, что носила под сердцем ребенка Колена, и что-то острое пронзило ее, словно та боль, которую она перенесла, когда тот несозревший плод был вырван из нее. Веки опустились, а голова непроизвольно откинулась назад: она снова увидела бешеный бег кареты, увозившей ее, пленницу короля, по дорогам Франции, затем тот несчастный случай... страшный удар, дикая боль, струившаяся по ногам кровь...

Тогда она лишилась всего, охваченная внезапным порывом воспоминаний. Растерянная, она спрашивала себя, как смогла избавиться от безжалостных: клещей преследования короля Франции и начать свое новое существование. Сейчас это казалось немыслимым.

Смотревший на нее мужчина видел на взволнованном лице отражение боли и тоски, в которых никогда не признаются. В солнечном свете золотистые волосы, неземной красоты лицо с удлинненными тенями и ресниц на щеках вернули ему восхитительное воспоминание, часто преследовавшее его днями и ночами, воспоминание о женщине, спокойно спавшей рядом с ним или задыхающейся от сладострастия в его объятиях.

Полуприподнявшись, он потянулся к ней.

— Что с тобой, ангелок? Ты больна?

— Нет, пустяки.

Глухой, изменившийся голос Колена, так похожий на прежний, снова пронизывал ее насквозь, однако теперь это было волнение более сильное, чем вызванное воспоминанием о ребенке, и ее вновь залила волна чувственного желания, вызванная присутствием этого человека.

— Я так устала, — прошептала она. — Мучительные дни ожидания на берегу, возня с этим сбродом... как же

тут не раскиснуть? — Она нервно провела ладонями по лбу и векам, избегая смотреть на него.

Он встал, обогнул стол и остановился перед ней. Под низким потолком его фигура выглядела громадной. Самый сильный из рабов Мулей Исмаила за эти годы плавания сильно пополнился, что придавало этому гиганту, которого никто не мог свалить или согнуть, впечатляющий вид.

— Отдохни, — сказал тихо, — я прикажу принести тебе чем освежиться. Все уладится. Мы еще поболтаем.

Говорил тем же спокойным, уверенным тоном, который умирал тревогу, прогонял страх. Но она чувствовала, что он принял в отношении ее непреклонное решение, и бросила на него почти умоляющий взгляд.

Он содрогнулся, и челюсти сжались. Он опустился на колени.

На ее лодыжке сомкнулся капкан его руки, от которого никакая сила не могла бы освободить. Другой рукой поднял подол ее платы! до колена. Обнажилась нога нежной перламутровой белизны с извивающейся синеватой бороздкой старого шрама.

— Он здесь! — восторженно воскликнул он. — Он все еще здесь, знак змеи.

Внезапно жадно припал губами к истерзанной плоти. И тут же отпустил и, бросив на нее пожирающий взгляд, удалился.

Она осталась одна, но ожог от поцелуя на месте старой раны, сделанной ножом Колена чтобы спасти ее от укуса змеи, остался.

Он всегда был таким, этот человек: нежным, спокойным, великодушным, не знающим своей силы! Часто причинял ей боль, не желая этого, под влиянием возбуждения, и в любви иногда пугал ее и заставлял стонать, настолько она чувствовала себя в его объятиях вещью слабой и хрупкой, которую он мог нечаянно

сломать. Неудержимая дрожь сотрясла Анжелику, и она стала ходить взад-вперед по тесной каюте, тщетно пытаясь подавить дурноту. Жара не спадала, а вечерний свет становился ядовито-оранжевым.

Когда ее утром захватили врасплох пираты, она не успела обуться. Босиком спустилась к берегу, где ее ждал Золотая Борода. И сейчас босиком меряла пол каюты.

Ей снова явились, обрушившись водопадом, стремление и пыл гиганта-нормандца, она всем телом почувствовала забытые ощущения от неистового наслаждения его объятиями в пустыне.

Да, Колен не просто спас ей жизнь: он вернул счастье жить, а не только выжить. По сути дела, именно благодаря ему у нее хватило мужества к сил найти мужа и детей. Ах, почему сегодня так получилось, что движение моря и шум течений воскресили в ней с такой силой видения прошлого?

В лесах Вапассу она совершенно забыла Колена.

«Мне необходимо отсюда выбраться, — сказала себе, чувствуя, что ее охватывает паника. Она подбежала к двери и попыталась открыть ее, но дверь оказалась запертой. Тогда заметила на полу свою сумку, а на столе блюда с жареной лососиной и отварной кукурузой, салат, цукаты из лимонов и ананасов. Вино в графине выглядело хорошим, а вода в кувшине была свежей.

Пока предавалась мечтаниям, кто-то входил и оставил все это. Ее мысли были настолько далеки, что она ничего не заметила.

Она не прикоснулась к кушаньям, а только выпила немного воды. Открыв сумку, обнаружила, что половины ее вещей не хватает, и обозлилась. Сейчас прикажет Колену послать кого-нибудь из его лоботрясов за остальным ее имуществом! Он послушается ее — он ее раб! Но как спастись от него? И

от себя самой? Она собиралась поднять шум, чтобы привлечь чье-нибудь внимание, но передумала. Нет, она не хочет видеть Колена. Одна мысль о его взгляде вызывала волнение, и она чувствовала себя совершенно беспомощной. Ах, если бы Жоффрей скорее приехал к ней! Хотя бы Жан не задержался а пути!

Она выглянула наружу. Вечерело. Покачивание корабля заметно усилилось. Анжелика сбросила одежду, затем облилась холодной водой, после чего почувствовала себя немного лучше. Надела рубашку из тонкого батиста. В маленькой каюте было совсем мрачно, но она продолжала терпеливо ходить взад-вперед.

Короткая рубашка приятно ощущалась на разгоряченном теле, а обнаженных ног касалось легкое дуновение ветерка, еще не сильного, но уже погнавшего небольшие волны. «Подходит буря... Вот почему корабль остается на якоре. Колен предчувствует грозу».

Она подняла с койки индейское покрывало, легла и закуталась в него. Ей захотелось спать. Одолевали всевозможные мысли. Почему Золотая Борода хотел захватить ее? Что это за право собственности, которое он имел на Голдсборо? Почему Жоффрей послал ее в английскую деревню? Ах, слишком поздно! Слишком поздно думать об этом!

Раздались глухие раскаты грома, пробудившие эхо в прибрежных скалах. Но следующее громоуханье было уже значительно дальше: гроза пройдет стороной...

Покачивание корабля убаюкивало, погружало в сладостное оцепенение. Колен... когда-то... в пустыне... Он целовал ее только потом, когда утолял свое желание! Он ласкал ее только потом... Поцелуи были нежными, осторожными, потому что его губы, потрескавшиеся от ветра пустыни и солнечных ожогов, часто кровоточили... Дрожь прошла по всему ее телу, и

она напряглась при воспоминании о сухих, израненных губах Колена, прижавшихся к ее губам, о губах Колена, блуждающих по ее телу...

Резко перевернулась на другой бок. Затем, усталая и истерзанная, погрузилась в глубокий сон.

Глава 13

— Нет, Колен, не надо, прошу тебя, только не это... Руки Золотой Бороды неотвратимо подбирались к ее телу, и она, прижатая к его крепкой обнаженной груди, ощутила пальцы, скользнувшие между ее грудей, схватившие край тонкой батистовой рубашки. Ткань разошлась от одного движения, словно туман от ветра. Рука Колена на ее спине, на бедрах... проникающая между ног в том потаенном месте, где кожа атласной нежности, возбуждающая волнение, которое уже нельзя унять...

— Нет, Колен, только не это, прошу тебя... Умоляю, не надо!

Вокруг нее была глубокая ночь, чуть озаряемая красноватым светом — он поставил на стол позади себя свечу. Но обнаженной Анжелике все казалось непроглядной ночью.

— Ласточка моя, ласточка! — шептал он, пытаясь ее успокоить.

Так он звал ее когда-то.

Наконец ему удалось захватить ее врасплох, и она ощутила, как его нежные губы в щекочущей мягкости бороды завладели ее ртом. После этого он замер, зажав ее затылок в железном капкане руки, но не старался преодолеть ее сопротивление — плотно сжатые губы. И мало-помалу она начала пробуждаться, пытаясь понять секрет этого мужского рта. Она уступила, охваченная внезапным страстным желанием, отдаваясь интимной и загадочной прелести поцелуя.

Колен с силой опрокинул ее, и она беспомощно распростерлась, пригвожденная к койке.

— Нет, Колен! О, прошу тебя, любовь моя, только не это... Будь милосердным, я не могу больше противиться

тебе.

Его колени вонзились между сжатыми ногами Анжелики, намереваясь рассоединить их одним точным движением...

Раздался отчаянный крик:

— О, я возненавижу тебя!

И он замер, словно пораженный молнией, вслушиваясь в эхо этого крика, пронзившего его, как клинком шпаги.

Наступило долгое молчание. Анжелика движением бедер освободилась от державших ее в плену мощных рук и так резко соскочила с койки, что едва не перевернула стол. Свечка упала и погасла. Анжелика лихорадочно набросила покрывало и, несколько раз сильно ударившись, пробралась за стол, чтобы он отделял ее от Колена. Она больше не видела его в кромешной тьме, но догадывалась, что Колен затаился, как хищник перед прыжком.

— Анжелика! Анжелика! — закричал Колен из тьмы, и в этом крике слышалась не столько горечь неудовлетворенного желания, сколько мучительное отчаяние.

— Анжелика!..

Пошатываясь, он двинулся вперед с вытянутыми руками и ударился о стол.

— Замолчи! — тихо сказала Анжелика. — И оставь меня. Я не могу отдаться тебе, ведь я супруга графа де Пейрака.

— Пейрак! — раздался его хриплый голос, и ей показалось, что это голос умирающего. — Пейрак — человек вне закона, этот пират, возомнивший себя князем, королем берегов Америки.

— Я его жена!

— Ты вышла за него замуж, как выходят замуж все шлюхи, приезжающие на Антилы... Из-за его золота, кораблей, драгоценностей... На какой скале ты его

подцепила? Ты шастала тут в поисках богатого корсара? А? И он предложил тебе изумруды и жемчуг... а? Отвечай же!

— Я не собираюсь давать тебе объяснения. Я его жена перед Богом.

— Брехня! Кто тебе поверит?..

— Не богохульствуй, Колен!

— Я тоже могу подарить тебе изумруды и жемчуг... Могу стать таким же богатым, как он... А ты хоть любишь ли его?

— Тебя это не касается! — закричала она в отчаянии. — Я его жена и не смогу жить, изменив святой клятве.

Он шевельнулся. Она быстро добавила:

— Мы не имеем права сделать это, Колен! Это невозможно! Ты ломаешь мне жизнь!

Он спросил глухим голосом:

— Правда, что ты возненавидишь меня?

— Да, я возненавижу тебя. Возненавижу даже память о тебе, все прошлое. Ты станешь причиной моего несчастья, моим злейшим врагом... причиной моего худшего поступка... Я возненавижу самое себя. Лучше убей меня!

Дыхание Колена напоминало шум кузнечных мехов, словно он испытывал адские муки.

— Оставь меня, Колен!

Она говорила тихим голосом, но неистовая напряженность речи придавала каждому слову силу кинжального удара.

— Я не могу оставить тебя, — выдохнул он, — ты принадлежишь мне. Ты принадлежишь мне во всех моих сновидениях... И теперь, когда ты передо мной, я не отступлюсь. Слишком мне не хватало тебя ночью и днем... Я слишком страдал от воспоминаний о тебе, чтобы отступить. Я должен взять тебя!

— Тогда лучше убей меня сейчас же!

Густая темнота была заполнена прерывистым дыханием. Анжелика изнемогала, цепляясь за стол под вызывающее головокружение, неровное покачивание корабля, и к страху за свою слабость прибавился страх перед тем, что произойдет то, чего она так боялась.

И это были не громкие слова, что в такой ситуации она предпочитала смерть. Когда она услышала, что Колен пошевелился и почувствовала его приближение, из самых глубин ее естества вырвался тихий стон...

Но вскоре мало-помалу она ощутила неподвижность окружающего воздуха, спокойствие и пустоту. Она поняла, что осталась одна. Колен услышал ее мольбу. Он ушел...

Глава 14

Это был очень трудный для нее момент, момент замешательства, отчаяния. Казалось, что всю ее пронизывает невыносимая боль. Расходившиеся нервы стали наконец успокаиваться, и она наощупь тщетно пыталась найти свечку. Очевидно, она закатилась куда-нибудь в угол.

Но вот снаружи посветлело, ночное светило пыталось пробиться через тучи. Анжелика, шатаясь, словно пьяная, вышла на маленький балкончик перед застекленной дверью. Облокотилась на позолоченные перила и несколько раз глубоко вздохнула.

Появилась луна, щедро заливая все серебряным светом. Взгляд Анжелики блуждал вокруг нее, ни на чем не останавливаясь, но ощущение ужасной опасности, от которой избавилась каким-то чудом, не оставляло ее, вызывая противную дрожь в ногах.

«Я едва не сделала ЭТО!» — сказала себе и облилась холодным потом.

Минуты уплывали, и растущий страх сокрушал, превращал в ничто ослепительный и заманчивый мираж искушения.

«Если бы я сделала ЭТО!»

Откуда у нее взялись силы удержаться? Ошеломленная, она кусала губы и пальцы, видя разверзшуюся перед ней пропасть.

«Как я смогла?»

Она потрогала губы.

«А тот поцелуй... Я не должна была... Не должна была обмениваться подобным поцелуем с Коленом».

Она спрятала лицо в руках.

«Непростительно! Жоффрей!»

Вызвав в памяти его образ, она ощутила суеверный страх. Казалось, что он устремил на нее пылающий взгляд.

«Это Жоффрей подарил мне вкус поцелуев, он же и вернул мне его. Это он научил меня так целовать. И я люблю... я так люблю эти поцелуи с ним, "бесконечные поцелуи... Я проведу мою жизнь у него на груди, обняв его за шею, прижавшись ртом к его губам. Как я смогла очутиться так близко к измене ему! Это разлука с ним виновата в моей слабости...»

Женщина бывает особенно уязвимой, когда нуждается в утешении из-за разлуки. Мужчинам, мужьям следует не забывать этого.

Открыв источник своего смятения, Анжелика начала мало-помалу оправдывать себя.

«Он и должен был оставлять меня одну... И затем, разве это так важно? Даже если мы поцеловались? Всего одно объятие! Разве это может разлучить меня с ним? Такой пустяк... Это словно утолить жажду. Ведь не грех же напиться... Если так же обманывают нас, не из-за чего делать большую драму. Порыв желания, ненасытная потребность. В самом деле, пустяк. Отныне я буду более снисходительной к мужским шалостям...

Если однажды Жоффрей... с другой женщиной? О нет, я не смогу это вынести никогда. Это убьет меня. Ах, теперь я знаю, что это очень важно! Прости меня... Почему же такой естественный акт вызывает с самого сотворения мира столько трагедий? Дух силен, но плоть слаба... Как это верно сказано!»

Но почему с Коленом, почти чужим, почему к нему такое непреодолимое влечение?

«Любовь — всего лишь свойство кожи». Жоффрей со свойственным ему цинизмом говорил мне так, когда хотел подразнить меня.

«Любовь — свойство кожи испускать взаимопритягивающие флюиды». Нет, только не это! Но

одно из основных условий, может быть? С некоторыми мужчинами когда-то, конечно, не было противно, но я чувствовала, что чего-то не хватает... Это «что-то» я сразу ощутила с Жоффреем, даже когда он внушал мне страх.

А с Коленом? С ним наоборот, что-то казалось даже чересчур, но что, я не могла себе объяснить. С Дегрэ тоже, мне кажется.

И когда вспоминаю теперь, делается смешно: тот толстяк, капитан из Шатле, разве я смогла бы «заплатить», чтобы спасти Кантора, если бы у него...

Нет, он не оставил неприятных впечатлений.

Но с королем? Вот это то, что я теперь понимаю. Отсутствие «этого». Очевидно, такое происходит между Коленом и мной... Вот где опасность. Я никогда не должна оставаться наедине с ним».

Под убаюкивающее покачивание корабля перед ее мысленным взором в лунном свете проходили образы мужчин, которых она познала в прошлом, таких разных, а среди них, неизвестно почему, честное лицо графа де Ломени-Шамбор и такая же далекая строгая, но благородная фигура аббата из Ньяля.

Глава 15

Кто-то прятался под балконом. Привлеченная легким шумом, она прервала свои рассуждения о нелогичности любви, нагнулась через перила и различила в тени человека с всклокоченными волосами, одетого в лохмотья.

— Эй, приятель, — шепнула она, — что вы тут делаете?

Увидев себя обнаруженным, он скользнул в сторону и схватился за орнамент большого панно с аллегорическим изображением Девы Марии, окруженной ангелами.

Таинственный акробат бросил на нее угрожающий взгляд, в котором читалась и мольба. Его запястья были в синяках.

Анжелика поняла. На корабле Золотой Бороды находились пленники, и это, очевидно, был беглец. Она сделала ему ободряющий жест и подалась назад.

Сообразив, что она не поднимет тревогу, тот воспрянул духом. До нее донесся шум, затем плеск воды.

Когда она снова выглянула, все было спокойно. Она поискала его у борта, но он вынырнул уже далеко и быстро поплыл к берегу.

Ужасная тоска охватила Анжелику. Она тоже хотела бы бежать, покинуть этот корабль, где чувствовала себя пленницей собственной слабости. Завтра Колен снова появится перед ней.

«Мне надо любой ценой покинуть этот корабль, — сказала она себе. — Любой ценой!»

Глава 16

У подножья Мон-Дезера в тени деревьев бьет родник с прохладной водой. Этой весной зеленая трава и нежные побеги привлекли сюда стада бизонов.

Их темные туши, видневшиеся повсюду среди золотистой листвы, внушали боязнь, хотя в действительности это были мирные животные.

Живущие в лесах индейцы редко охотятся на них, предпочитая лань, оленя, косулю.

Пасшееся этим утром в высокой траве стадо не встревожилось, когда группа людей прошла с подветренной стороны обладавших тонким обонянием животных.

Жоффрей де Пейрак, сопровождаемый Роланом д'Юрвилем, флибустьером Жилем ван Рейком и отцом Эразмом, после того как оставил свою шебеку в укромном заливе на восточном берегу острова, предпринял восхождение на гору.

Она находилась примерно в одном лье от моря и поднималась на полторы тысячи футов, словно купола собора, двумя сросшимися глыбами розоватого гранита.

Трое мужчин, следовавших за Пейраком, равно как и эскорт из вооруженных мушкетами матросов, шли уверенными быстрыми шагами, не теряя времени на поиски дороги или тропинки.

Большие плиты розового или лилового гранита указывали им дорогу и увлекали к вершине по отлогому склону, напоминающему ступени древней разбитой лестницы.

Равнодушный к красотам дикой природы, опустив голову, граф де Пейрак шел быстро, озабоченный тем, как бы взобраться на вершину до того, как переменчивый туман скроет горизонт. Осмотреть

обширную панораму, открывающуюся сверху, оглядеть все острова, проникнуть взором в каждую извилину заливов, бухт и мыса — такова была его цель, когда он предпринял это восхождение.

Время подгоняло. Одни события сменяли другие. Десять дней назад, оставив в Пентагоете на Пенобскоте своего юного союзника барона де Сен-Гастина, граф де Пейрак отправился на восток в направлении Голдсборо.

В пути он задержался, свернув на еще труднопроходимую дорогу, ведущую к двум небольшим рудникам, где добывали серебро и сильванит — золотосодержащий минерал.

Он остановился проверить сделанную работу, подбодрить зимовавших там рудокопов. Немного дальше его поджидал капеллан Сен-Гастина, отец Бор с письменным сообщением от барона.

Так он узнал о кровавых событиях на западе. Абенаки выкопали топор войны и опустошали английские поселения, направляясь к востоку.

Вскоре Пейрак прибыл в Голдсборо. Там он узнал, что Анжелика не приехала в Голдсборо, вопреки утверждению неизвестного матроса, что она села в заливе Сабадаго на «Ларошельца», а его сын Кантор, после того как привел баркас с беженцами, тут же отправился назад на «Ларошельце» с его капитаном Легалем, чтобы забрать ее из залива Каско, где она осталась, как говорят, с больными и ранеными.

Сразу успокоенный относительно судьбы жены и раздосадованный этими задержками в действиях одних и других, какой-то непостижимой чехардой, Жоффрей де Пейрак хотел было броситься следом за сыном, но затем, ввиду царивших в его приморских владениях волнений, решил вооружиться терпением.

Встреча с тем получившим жемчужины матросом с корабля под оранжевым флагом не переставала его беспокоить. Кто были солгавшие ему люди? Может

быть, они неправильно поняли сообщение, полученное в тумане с борта на борт? Надо подождать возвращения Анжелики и Легаля, чтобы разобраться в этой путанице. Главное заключалось в том, что Анжелика жива и здорова. Тем не менее он только тогда окончательно успокоится, когда сможет сжать ее в объятиях.

Позади него обменивались новостями, борясь с порывами ветра, его товарищи. Д'Юрвиль расспрашивал ван Рейка о причинах, побудивших его искать удачи в заливе Массачусетс и Французском заливе.

Фламандец не скрывал своих побуждений.

— Я слишком слабый соперник громадным испанским галионам по шестисот тонн водоизмещением, вооруженным до зубов, сопровождаемым целой сворой охраны, которых теперь встречаешь в Карибском море. Зато я смогу вести торговлю с мессиром де Пейраком: сахар, патока, ром, хлопок взамен сушеной трески, мачтового леса... И может быть, мы сможем объединить наши силы, чтобы напасть на кого-нибудь из его врагов.

— Посмотрим, — ответил де Пейрак. — Вы спокойно располагайтесь в наших владениях, отремонтируйте корабль. Мне уже приходило в голову, что вы действительно сможете оказать мне помощь в борьбе с Золотой Бородой. Это пират, о котором вы должны были слышать на Ямайке.

Теперь они достигли вершины.

Ветер, словно бритвой очистивший все с вершины горы, набросился на них с такой неистовой силой, что они едва удерживались на ногах. Ван Рейк, промерзший до костей, не выдержал первым и укрылся с подветренной стороны в глубокой расщелине. Д'Юрвиль скоро присоединился к нему, схватившись обеими руками за шляпу. Отец Эразм Бор, с развевающейся по ветру бородой, успел прочесть «Отче

наш» и молитву, затем решил, что выполнил свой долг, так же, как и матросы ван Рейка.

Один Энрико Энци, эскортировавший Пейрака, держался, желтый, как айва, закутанный в шарфы и тюрбан.

— Иди, — сказал ему граф, — укройся.

Он остался один на вершине Мон-Дезера, сопротивляясь напору беснующегося ветра, и не мог оторвать глаз от раскинувшейся перед ним картины. Нерукотворная кисть самой природы создавала очарование диковинного зрелища.

Повсюду море, острова, увенчанные эбеновым ковром сосен и зеленым золотом берез. Внизу совершенно розовое дно залива служило основанием красноватых утесов, обнажая выходы железной руды и древнего песчаника, иногда почти лилового. В речных моренах находили тысячелетние останки мамонтов с бивнями в виде охотничьих рогов. Округленные мощным стругом ледника гранитные утесы, а в другом месте остроконечные пики скал над изломами обвалов. отражали свои раны в темной глубине водоемов.

Жоффрей де Пейрак нагнулся и разглядел на глади укрытого островом овального бассейна свою шебеку, казавшуюся отсюда крошечной, стройной, остроносой.

Кричащие птицы кругами поднимались к вершине. Они возвещали о приближении одного из господ и повелителей этих мест.

Жоффрей де Пейрак сложил подзорную трубу и присоединился к своим компаньонам, которые, спрятав носы в воротники, терпеливо ждали. Он сел рядом с ними, укутался в просторный плащ. Ветер яростно трепал разноцветные перья на их шляпах. Безмолвная атака тумана внезапно настигла их, окутав дымчатой волной и полностью поглотив.

Под мощным дыханием тумана ветер уступил, прошептав что-то, и наступила тишина. Люди оказались

отрезанными в ослепительном пространстве. Словно плыли в облаке над исчезнувшим миром.

— Итак, господин д'Юрвиль, похоже, что вы собираетесь подать в отставку с поста губернатора Голдсборо?

Тот покраснел, побледнел и растерянно взглянул на графа, пораженный его способностью читать чужие мысли. Однако в данном случае никакого волшебства не было. Просто на днях Пейраку пришлось увидеть, как тот был готов рвать на себе волосы перед трудностями его правления.

— Монсеньор, — воскликнул он, — не думайте, что я хочу отказаться служить вам. Я всегда буду к вашим услугам и буду помогать, в меру своих возможностей, нападать на ваших врагов, с оружием защищать ваши владения, командовать вашими матросами, солдатами, но здесь я становлюсь совершенно беспомощным, когда в игру одновременно вступают святые, демоны и Священное писание. Ваши гугеноты трудолюбивые, храбрые, умелые, предприимчивые, и торговцы отменные, но и зануды первостатейные. Они, безусловно, сделают из Голдсборо очень пристойный город, но мы завязнем в разглагольствовании, ибо невозможно понять, какие законы должны тут править. Как бы с ними не обошлись в Ла-Рошели, эти люди как будто страдают, не чувствуя себя больше подданными короля Франции, но стоит появиться французу с образком Девы Марии на шее, как их охватывает ужас и они отказывают ему даже в глотке пресной воды.

Мы не так уж плохо ладили друг с другом этой зимой, мы много беседовали у огня, когда бушевали бури. Я — плохой верующий — да простит меня Господь! — и не рискнул докучать им своими молитвами. А когда пришлось, мы хорошо сражались вместе против этого пирата Золотой Бороды. И именно потому, что я знаю их теперь слишком хорошо, я не

считаю себя таким сильным дипломатом, чтобы поддерживать равновесие между верующими разных национальностей и пиратами.

Жоффрей де Пейрак промолчал. Он думал о своем друге, преследуемом гугеноте с характером типичного датчанина, сложившемся в Средиземном море — капитане Язоне, который стал бы незаменимым на посту, от которого отказывался д'Юрвиль.

Но Язон мертв, так же, как и замечательный ученый, арабский доктор Абдель Мехрат, который мог бы помогать ему в делах.

Веселый, проницательный д'Юрвиль был лишен таких качеств, как нерадивость и малодушие, хотя жизнь в условиях полной свободы проявила в нем склонность к беззаботности. Младший сын в семье, не получивший никакого образования, за исключением умения владеть шпагой и седлать коня, едва умеющий читать и писать, он хорошо знал о своих недостатках. Дуэль со смертельным исходом привела его в Америку, чтобы спасти свою голову от действия введенного кардиналом Ришелье закона. Никакая другая необходимость не могла бы привлечь его сюда, потому что он не представлял себе жизнь без трактиров и игорных домов Парижа.

К счастью для него, он увидел свет на полуострове Котенен, этом роге французской улитки, которая вытаращила свой глаз, чтобы подглядывать за Англией.

Выросший в старом замке у мыса Аг, д'Юрвиль любил и ценил море, его кормилицу. В настоящее время он мог бы творить чудеса, сохранив власть над маленьким фортом Голдсборо, который с каждым сезоном увеличивался, но Жоффрей де Пейрак понимал также необходимость снять с его плеч труд, превышающий возможности.

— А вы, господин ван Рейк, если оставите ваши испанские авантюры, может быть, прельститесь на

почетное звание вице-короля наших широт?

— Может быть! Однако лишь тогда, когда заполучу Деревянную Ногу! Лучше уж это, чем торговать на моей «Черепaxe» репой и кокосовыми орехами. Но шутки в сторону, мои сундуки еще недостаточно заполнены. Надо быть богатым, чтобы внушить уважение народу, состоящему наполовину из авантюристов, наполовину из гугенотов. Я и так уже шокировал последних появлением Инесс... моей Инесс. Вы ее видели?

— Я видел Инесс.

— Не правда ли, она очаровательна?

— Согласен.

— Вы понимаете, что я еще не в состоянии отказаться от этого прелестного создания... Возьмем, к примеру, Моргана, самого великого пирата и грабителя нашего времени. Теперь он, губернатор Ямайки, уверяю вас, не шутит с законами и порядком. Даже князя снимают перед ним шляпы... Чувствую, я той же породы. Я менее глуп, чем выгляжу, поверьте мне!

— Именно из-за этого я и сделал вам предложение...

— Вы удостоили меня большой чести, граф... Позже! Видите ли, я еще не перебесился, как старый холостяк, каковым являюсь...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. БАРК ДЖЕКА МЕРВИНА

Глава 1

Тремя днями позже.

Севернее залива Каско.

Лодка в море, как и многие другие. Но море так обширно и так богато островами, что лодка кажется одинокой. Она проскальзывает между ними, как преследуемая дичь, плывет и вот уже, огибая мыс, прячется в тени громадных скал и снова появляется на солнце...

На берегах островов видны люди, размахивающие руками и на бегу издающие призывы. В бухтах и заливах прячутся лодки и суда. Некоторые лавируют и занимаются рыбной ловлей с одной стороны скал, в то время как лодка проходит с другой стороны.

Все это время одна в лабиринте из трехсот шестидесяти пяти островов в заливе Каско от мыса Макуа лодка пробиралась вдоль побережья и спускалась к югу.

Анжелика провела остаток ночи, перебирая тысячу способов избавления от Колена.

Утром он вошел в ее каюту. Она мало спала, была усталой и разбитой, но полна решимости добиться от него свободы. Он опередил ее.

— Идите, сударыня, — предложил холодно.

Спокойный, далекий, он произнес это не допускающим возражения тоном, и она последовала за ним на палубу.

Часть команды, занятая утренней уборкой, таращила глаза на загадочную пассажирку Золотой Бороды. Внизу, у носа корабля, Анжелика увидела покачивающийся барк.

Это был английский барк, одна из тех больших лодок, которые плавали вблизи берега из залива в

залив. Хозяин, крепкий детина мрачного вида, должно быть, был задержан французскими флибустьерами со «Святой Марии», и никто не мог знать, что он думает о добыче, которой заполняют его барк.

Нагнувшись, Анжелика разглядела многочисленных пассажиров, среди которых узнала бульдожью физиономию преподобного Петриджа, преданное лицо маленькой мисс Пиджон, юного Сэмми Слоугтона и Адемара, чьи жалобы и стоны разносились в чистом воздухе.

— Ах! Попасть в руки пиратов! Господи, все беды валятся на мою голову!

На месте снятого деревянного трапа висела веревочная лестница.

— Ну, вот, — сказал Колен приглушенным голосом, обращаясь к ней, — нам лучше сейчас расстаться, не правда ли, лапушка? Владелец этого фрегата сказал, что направляется в Пенобскот. При попутном ветре напрямик ты сможешь там быть дня через четыре.

Несмотря на все усилия и добрые намерения, он не мог ей не говорить «ты», и она поняла, что всякий раз, едва он ощутит ее вблизи, все будет так, как тогда в пустыне, когда он, единственный в мире, мог любоваться ею и заключать в объятия...

Она подняла на него глаза, пытаясь взглядом передать свои чувства — дружбу и признательность.

Охваченная радостью, подумала, что, возможно, через четыре дня будет с Жоффреем, кошмар кончится, она сможет легко дышать, как-то упорядочить собственные мысли.

Рядом с супругом, успокоенная его любимым, нежным голосом, попытается разобраться во всем.

Выражение боли исказило черты Колена перед ее ослепительной улыбкой.

— Ах, ты любишь его, я вижу, — пробормотал он.

Но она почти не слышала его, знала, что не должна церемониться. Бежать как можно скорее. Немедленно использовать эту возможность, пока он не передумал.

Уже полностью узнавая его в этом прямодушном и благородном поступке — позволить ей уехать — она ощущала бесконечное сожаление, что поразила его сердце.

Взяла свой мешок, поданный матросом, и бесцеремонно бросила вниз на чьи-то плечи. В последний момент она хотела спросить о Вспоротом Брюхе, своем пациенте, но удержалась.

Не хотелось терять ни секунды. Она отказалась от помощи человека, который хотел поддержать ее на веревочной лестнице, весело бросив:

— Эй, проваливай, дружище! Я достаточно набила руку на Средиземном море!

Рука Колена опустилась ей на плечо. Он был бессилен, видя, как она уходит. Однако у нее появилось предчувствие, что он думал не только о своей страсти к ней, но и о чем-то срочном, более важном. Раз два попытался заговорить.

— Будь осторожна, — прошептал он наконец. — Будь осторожна, моя лапушка! Тебе желают зла! Столько зла!..

Затем отпустил ее. Она проворно спустилась как раз в тот момент, когда нетерпеливый хозяин, ничуть не обеспокоенный тем, что Анжелика может упасть в воду, багром оттолкнул свой барк от корабля.

Тем не менее она сердечно приветствовала его по-английски, на что он ответил взглядом не более вежливым, чем у замороженной рыбы.

Довольная Анжелика устроилась рядом с Адемаром и Сэмми. Хозяин несколькими взмахами весел отошел от корабля корсаров, чтобы поймать ветер.

Так началось плавание барка англичанина Джека Мервина. На борту судна было еще три пассажира,

которые охотно приняли Анжелику: разносчик из колонии в Коннектикуте, помогавший ему негритенок и медведь.

Именно его Анжелика заметила первым, непреодолимо увлеченная силой пронизательного и любопытного взгляда, который ощутила, не понимая, откуда он исходит.

Оказалось, это медведь. Она обнаружила его лежащим под фальшпалубой, служившей ему берлогой. Прижав остроконечную морду к лапам, он смотрел на нее маленькими блестящими глазками. И разносчик тут же представил:

— Мистер Уилби! Поверьте, миледи, я не мог бы найти лучшего друга, чем это животное.

Самого его звали Эли Кемптон. Менее чем через час Анжелика знала о нем все.

Родившись в Массачусетсе, он в восемь лет покинул небольшую колонию Ньютон с родителями и сотней других жителей и под руководством их пастора Томаса Кувера они пересекли лес и достигли реки с серыми спокойными водами — Коннектикута.

На ее берегах основали Матфорд, там, где уже была маленькая голландская меховая фактория. Теперь это красивый, набожный, веселый город, занятый морской торговлей. Их земельный участок оказался неплодородным.

В двадцать лет Эли отправился в странствования с большой, туго набитой товарами заплечной сумкой, сопровождаемый медведем по кличке мистер Уилби.

— Я вырастил его, и мы никогда не расстаемся.

Он рассказал, что медведь сопровождал его во всех путешествиях, что иногда создавало некоторые сложности, но чаще развлекало клиентов, заставляя их охотнее раскошеливаться.

— Уилби... — задумчиво сказал преподобный Петридж. — Но я знал пастора с таким именем.

— Вполне возможно, — согласился Эли.

— Мой друг несколько походил на того почтенного церковника, который в детстве внушал мне страх, но и забавлял тоже, поэтому я решил дать медведю его имя.

— Вот вам характерный образец непочтительности, — сурово сказал возмущенный Томас Петридж. Затем угрожающе добавил: — Это может принести вам неприятные последствия.

— Коннектикут не Массачусетс, не гневайтесь, преподобный. Люди там добродушные и любят посмеяться.

— Сборище рыбаков, — проворчал пастор, — пьяниц от рождения.

— Но у нас есть своя конституция, и по воскресеньям мы не путешествуем, чтобы убогатить Господа.

Довольный собой, Эли Кемптон стал вынимать из карманов табак, кружева, часы, обрезки тканей...

У него было все, чтобы заинтересовать самые отдаленные колонии. Знал лучше кого-либо, что можно найти в том или другом месте, что может заставить блеснуть глаза девушки и вызвать гримасу другой, постарше, что приведет в восхищение малыша...

Он сообщил, что направляется на остров Барлет, чтобы достать шерстяную ткань, крашеную индиго или кошенилью.

— Но этот остров должен находиться по соседству с Голдсборо, — заметила Анжелика, пообещав себе обязательно отправиться туда за покупками.

Эли Кемптон знал Голдсборо по слухам, но никогда туда не заходил в связи с отсутствием его основной клиентуры — женщин-колонисток.

— Но теперь там появились женщины, и я буду первой вашей клиенткой.

Обрадованный разносчик упал перед ней на колени, но с единственной целью — тотчас снять мерку с ее

ноги, ибо был и сапожником.

— Я сошью вам замечательную обувь из мягкой кожи... Молчаливый, презрительно не замечавший своих пассажиров, хозяин барка все внимание уделял маневрам.

Тот же любезный разносчик сообщил новым спутникам, что хозяин откликается на имя Джек Мервин.

Он встретил его в Нью-Йорке. Это был человек крутого нрава, но превосходный штурман и лоцман.

И это подтверждалось тем, как Джек проводил барк через грозные бурлящие течения и опасные рифы с небрежной ловкостью мастера, казавшейся даже опытному глазу чудом.

Если погода продержится хорошей, путешествие с ним обещает быть быстрым. Однако через несколько часов Анжелика забеспокоилась, видя, что барк упорно направляется к югу.

Она спросила об этом у Мервина, но тот сделал вид, что не понимает ее несовершенно английского.

Взяв слово, преподобный Петридж строго заметил, что надо отвечать, когда спрашивают.

Не повернув головы, тот процедил сквозь зубы, что это самая короткая дорога.

Задетый неуважением, проявленным английским моряком к его сану, преподобный Петридж стал с подозрением разглядывать его и бурчать себе под нос, что это наверняка виргинец.

Он продолжал говорить, обращаясь к мисс Пиджон. Не понимавший и половины его слов, Адемар снова застонал.

— Если этот парень бандит, а это сразу видно, он бросит нас на каком-нибудь необитаемом острове.

— Здесь нет необитаемых островов, мой бедный Адемар, — успокоила его Анжелика.

На протяжении дня Мервин подходил то к одному, то к другому островку, заставляя надеяться, что будет остановка.

Он внимательно осматривал берега, и Анжелика пришла к выводу, что он ищет своих среди беженцев.

Уже это доказывало, что он не виргинец. Иногда окликал идущий мимо корабль, справляясь о приближении индейцев к берегу моря.

Глава 2

Возле одного острова он спустил парус, и барк, мягко покачиваясь на мелкой зыби, стал приближаться к берегу.

Небольшой остров напоминал корону из изумрудов под лучами заходящего солнца. Несмотря на шум ветра и прибоя, с острова долетала небесная музыка тысячеголосого птичьего хора.

— Это остров Макуорта, — вполголоса сказал пастор. — Рай индейцев. Будьте осторожны, — добавил он, оборачиваясь к хозяину барка. — Вполне возможно, что остров наводнен индейцами. Они приходят сюда с материка. В прошлом году проклятый француз из Пентагоета барон де Сен-Гастин вместе с дикарями захватил его.

Они объединились со спустившимися с Себаго тарратинами и перерезали всех сыновей старого Макуорта. С тех пор остров безлюден...

Едва он произнес эти слова, как барк, обогнув косу, оказался в бухте, где прибрежный песок укрывали стоявшие одна к другой пустые пироги. В тот же момент небо потемнело, словно затянутое тучами, и на землю буквально упала тьма внезапно взлетевших с острова тысяч птиц, кружившихся и кричащих на разные гол-оса.

Онемев от ужаса в этих колеблющихся сумерках, пассажиры увидели, как среди стволов деревьев красными призраками появилась масса отвратительно размалеванных индейцев.

В невольном порыве пассажиры бросились друг к другу. Барк оставался на месте, раскачиваемый все сильнее волнами, незаметно приближаясь к берегу.

Растерявшаяся Анжелика бросила затравленный взгляд на Джека Мервина. Тот с таким видом, словно только проснулся, схватился за руль и с испугавшей его беспечностью быстротой поднял большой парус и вырвал барк из опасной близости к берегу. Сделав это, собиравшись плыть дальше, но, покружив немного, вернулся к острову, держась вне предела досягаемости стрелы, маневрируя так близко, что можно было разглядеть даже снаряжение индейцев, застывших между сосен, на ветвях и на скалах острова.

Гигантский водоворот птиц шумел над их головами, а Джек Мервин продолжал разглядывать индейцев, проходя вдоль берега.

Вызов, любопытство, провокация?

Слишком пронизательным нужно было быть, чтобы прочесть ответ на его лице.

Наконец с тем же равнодушным видом он сделал знак юнге поднять фок и взял курс на юго-восток, окончательно удаляясь от острова Макуорта, легендарного рая индейцев.

Светлело. Только небольшая стая чаек провожала их. Анжелика дрожала почти так же, как и англичане. Иллюзия или наваждение, она не знала, но могла поспорить, что в этих внезапно окутавших их сумерках ей почудилось среди деревьев насмешливое лицо самого Пиксарета.

— Вам не хватает благоразумия, Джек, — едко заметил разносчик. — За три недели, что я путешествую с вами, я совсем извелся. Всякий раз, когда вы задевали скалу или решали отплыть в разгаре грозы, я считал, что пришел мой последний час.

И мистер Уилби, бедное животное! Он похудел от страха, разве не видите? Шкура у него стала дряблой и свисает по бокам. Он не двигается, даже танцевать разучился.

— Тем лучше, если не двигается, — пробурчал Мервин. — Что нам делать с танцующим медведем?

И он с презрением плюнул в воду. Анжелика не могла удержаться от смеха. Это была реакция после испуга. И, надо признать, настроение на этой ореховой скорлупе было достаточно пестрым.

— А когда вы выкаблучивались перед сбором красных змей, Джек, — продолжал монолог разносчик, — вы наверняка не подумали, что из-за косы могла появиться флотилия пирог и отрезать вам выход?

Хозяин барка обратил внимание на его слова не больше, чем на укусы комара.

Заинтересовавшись, Анжелика лучше пригляделась к нему. Из-под застиранного шерстяного колпака свисали длинные, очень черные волосы. На вид лет сорок. Может быть, чуть больше или меньше. Темные глаза под тяжелыми веками, прикрывавшими их блеск и придававшими ему какой-то отсутствующий вид.

Он непрерывно жевал табак, сплевывая его в море со своеобразной изящной небрежностью.

Анжелика подумала, что Мервин не производит неприятного впечатления. Колен явно допустил промах, воспользовавшись его услугами. Но у него, без сомнения, не было выбора.

Колен... Золотая Борода!

У нее защемило сердце, и она ощутила легкий стыд. Первый день плавания так щедр на всевозможные впечатления, что образ Колена стушевался в ее памяти. В самой глубине души она испытывала облегчение, что все так закончилось.

Колеи... Глубина его синего взгляда, опьяненного ее присутствием, сила примитивных объятий. Что-то в нем было такое, что принадлежало ей одной. Тайник в сердце или душе? Почему нельзя любить по велению сердца, тела? Почему достоинство и сила любви должны зависеть от требований случайного выбора?

Почему так осуждалось естественное желание разрядки? Что ей стоило уступить и подарить Колену несколько восхитительных мгновений, и... Жоффрей никогда не узнал бы об этом...

Она почувствовала, что краснеет от этих мыслей, и ей стало стыдно, что смогла дойти до них. Нетерпеливо встряхнув головой, она высунулась за борт навстречу свежему ветру.

Надо забыть любой ценой!

Вдали расплывался остров Макуорта, еще более похожий на корону из драгоценных камней в мягко-зеленых сумерках.

— Там! Я вижу остров Белая Шляпа! — закричал маленький Сэмми.

Белая шляпа оказался огромным гранитным куполом, венчавшим островок Кашинг, который защищал вход в гавань Партленда.

— Не приставайте! — закричали беженцы, увидев приближающийся барк, — У нас нечего есть. Нас слишком много. Скорее даже мидий всем не хватит, а других припасов совсем мало!

Мервин лавировал на некотором расстоянии. Сэмми сложил руки рупором.

— На Макуорте полно индейцев! — крикнул он звонким голосом, который перекрыл шум прибоя и щебет птиц. — Смотрите, чтобы они не пришли вас убить...

— Откуда ты, малыш?

— Из Брунсуик-Фоля.

— А что там произошло?

— Всех убили, — прокричал малыш голосом, напоминавшим звуки флейты.

Прилив был высокий. Барк мог легко войти подальше в бухту, но Мервин, видя негостеприимство новых обитателей острова, не проявлял желания высадиться.

Он довольствовался тем, что с любопытством внимательно осмотрел все вокруг. Высокая женщина в подоткнутой юбке, искавшая в расщелинах скал лангустов, окликнула его:

— Вы с побережья?

— Нет, я иду из Нью-Йорка.

— И куда направляетесь?

— В Голдсборо.

— Я знаю, где это, — сказал кто-то. — На Французском заливе. Французы и их дикари снимут с вас скальпы.

Джек Мервин снова взялся за руль и стал маневрировать, чтобы выйти из бухты. На одном из мысов он увидел женщину, державшую за руку девочку с небольшим свертком.

— Заберите ее, — закричала женщина. — У нее больше нет семьи, но я знаю ее дядю... Возьмите ее.

Получив толчок в спину, ошеломленная девочка прыгнула в барк, в тот же момент отнесенный волной в сторону.

— Черт возьми! — выходя из себя, закричал Мервин. — Вы что, считаете меня сборщиком сирот? У меня есть чем заниматься!

— Говорите, как язычник, — возмутилась женщина на скале, — у вас девонширский акцент. Но отвезите это дитя в спокойное место, иначе вас постигнет беда, куда бы вы ни забрались, обещаю вам!

— О дьявол! — снова возмутился он. — Если ты с ними, отчего они не завоюют мир?

— Эта женщина права, ваши слова... — начал преподобный Томас.

Но внезапная волна, окатившая их с ног до головы, прервала диспут. Мервин приказал гонге вычерпывать воду.

Море разгулялось, и барк начало сильно качать. Надо было всерьез заняться управлением, и уже не

было речи о возвращении к острову Белой шляпы, чтобы оставить там сироту.

К счастью, Мервин как будто хорошо знал эти места.

Миновав восточную сторону острова Лонг, Джек Мервин направил барк к усыпанному камнями песчаному берегу. Местность казалась менее заселенной.

Спрыгнув в воду, он закрепил барк в углублении между скалами, затем вышел на берег, оставив дам самих выбирать, что они и сделали, не побоявшись замочить ноги и юбки.

После долгих часов неподвижности так приятно пошлепать по прохладной воде и потоптаться по песку.

Девочка с острова Кашинг рассказывала о своих несчастьях мисс Пиджон. Звали ее Эстер Холби.

Слушая юную Эстер, Анжелика испытывала невольное уважение к бедному ребенку. Она рассказывала, что индейцы сняли скальпы с ее отца, матери и братьев, а старшую сестру увели с собой.

Медведь Уилби выбрался на берег из убежища и стал принюхиваться к доносящимся из леса запахам.

Анжелика обнаружила, что это животное огромное, медлительное и спокойное. Медведь сразу же принялся рыться в корнях.

Вернулся Мервин с охапкой сухих веток и разжег костер. Он наполнил чугунный котелок водой, бросил в него кусок солонины и подвесил над огнем вариться.

Из леса появились дети английских беженцев и стали собирать среди скал ракушки. Ночь опускалась за темными деревьями, небо с морем были насыщены ярким оранжевым светом, мало-помалу темневшим, пока не стал алым.

Дети прыгали со скалы на скалу. Довольные собранной добычей, они пришли с корзинками на берег. Вскоре вокруг костра чужаков собралась большая компания.

Заметив среди присутствующих настоящего атлета с узловатыми руками, Кемптон предложил ему померяться силой с медведем. Бой должен быть честным.

Мужчина мог использовать кулаки, мистер Уилби обязывался не применять когти. С искусством подлинного комедианта медведь несколько раз притворялся, что шатается под ударами, затем, когда мужчина начал верить в победу, он, как горошину, заставил его откатиться на несколько шагов...

После смеха и рукоплесканий пастор заставил всех помолиться, и они расстались.

Анжелике не спалось. Ночь была холодной, и ей никак не удавалось согреться, даже сидя у самого огня. Остальные закутались кто во что горазд, а разносчик и Уилби почивали в объятиях друг друга.

Анжелика позавидовала коротышке, который нашел в меху своего приятеля теплую постель.

Она приняла решение: отныне, где бы ни была, она никогда не ляжет спать, не положив под руку плащ, пистолеты, ботинки, и ее первым побуждением будет схватиться за эти предметы жизненной необходимости.

Из-за отсутствия достаточной и быстрой реакции она оказалась ночью с полуобнаженными руками, в корсаже из тонкого ратина, и холод пронизывал ее до костей, хотя воздух был сухой.

Она поднялась и стала ходить вдоль берега. В кристально прозрачном воздухе уснувший остров дышал певучими вздохами, в которых смешивалось все; ветер, бормотание людей, лай тюленей, шум волн...

Удаляясь от берега, где морской фонарь Мервина служил ориентиром, Анжелика направилась к другому свету, смутно видневшемуся среди деревьев. Ей сказали, что на этом острове можно услышать, когда дует ветер, приятную мелодию или топот идущих в строю солдат.

Не блуждали ли там, куда она шла, неприкаянные души, а может быть, приближались пироги индейцев?

Но это оказался просто свет долгого июньского дня, медленно умирающий, но удерживающийся над землей зеленоватым фосфоресцирующим пологом.

Всю длину песчаной полосы занимали тюлени. Большие самцы, вожаки, возвышались, как мраморные монументы. Чтобы не беспокоить их, Анжелика пошла вдоль опушки леса.

Руками потеряла плечи, чтобы согреться. Прошлой ночью она находилась на корабле Золотой Бороды и Колен сжимал ее в объятиях. Еще большая дрожь охватила ее при этом воспоминании.

Вся эта история казалась сном, немного волнующим, который надо не просто забыть, а навсегда изгнать из памяти.

В конце пляжа лежал скелет выброшенного на берег кита. Анжелика задрожала. Неожиданно появилась женщина, бледная, как призрак, и подошла к ней.

— Тебе холодно, сестра моя, — сказала она нежным голосом. — Возьми мой плащ. Вернешь, когда взойдет солнце.

Непривычная к такому торжественному обращению на «ты», Анжелика смотрела на нес, не будучи полностью уверена, что перед ней живое существо.

— Но как же вы сами, сударыня? Вы же будете страдать от холода!

— Я надену плащ своего супруга. — И приложив руку ко лбу Анжелики, добавила: — Да благословит тебя Всевышний!

Когда она возвратилась, то заметила Джека Мервина, словно часового, сидевшего на скале.

Согревшись в плаще милосердной незнакомки, Анжелика остановилась в нескольких шагах от англичанина.

Этот человек интриговал ее все больше и больше. Утром, когда она впервые увидела его, он казался ей просто грубым матросом, но тут, видя его в такой задумчивой позе, она подумала, что он выглядит одним из тех незаурядных людей, которые уходят в далекие моря и навсегда остаются там.

Его неподвижность была такой напряженной, что фигура с опущенными плечами казалась окаменевшей. Словно душа, оставив пустую оболочку, блуждала невесть где. Чего он ждал, что открыл, за чем следил в непонятном оцепенении?

Анжелика ощутила желание вырвать его из почти пугавшей ее своеобразной летаргии.

— Ночь прекрасна, не правда ли, мистер? — произнесла приподнятым голосом. — Она побуждает к размышлению, вы не находите?

Не спал ли он? Глаза были открыты, но зрачки тусклые и пустые. Однако через несколько мгновений повернулся к ней.

— Красота этой страны очаровывает меня, — снова начала Анжелика. — Я не знаю, как выразить это неведомое ощущение, навсегда исчезнувшее в Европе, его постигаешь только на этих берегах. Загадочное и возбуждающее, которое я назвала бы квинтэссенцией свободы...

Она просто думала вслух, сознавая, что мысли были сложными и туманными и что, пытаясь выразить их на еще хромающем английском, она не могла рассчитывать, что моряк ее хорошо поймет. И была удивлена, заметив, что ей удалось вырвать его из оцепенения.

Увидела, как вспыхнули его глаза, лицо расслабилось, затем застыло в язвительной улыбке, а в мрачном взгляде сверкнула молния презрения, почти ненависти.

— Как вы могли позволить себе такие слова, такие суждения? — спросил он медлительным голосом, подчеркивающим вульгарность произношения. — Говорить о свободе вам, женщине!

Он резко и оскорбительно засмеялся. И ей показалось, что из него выглянуло насмешливое, враждебное лицо, которое презирало и отталкивало.

Демон!

Вот кто скрывался под его оболочкой: демон, подстерегающий людей! На нее словно потянуло холодом, она отступила, а затем пошла прочь.

— Погодите! Где вы только что были? — крикнул он.

— Немного прошлась, чтобы согреться.

— Ладно, постарайтесь далеко не уходить в лес уж не знаю на какой шабаш, потому что я собираюсь отчалить до зари и не буду никого ждать.

«Что за хам! — сказала себе Анжелика, располагаясь у костра. — Хам под англо-саксонским соусом. Из страны, поставляющей наемников! Самых надоедливых варваров в мире».

Она закуталась в плащ женщины с лучистыми глазами. Все они немного сумасшедшие, эти англичане.

И в томительной усталости этой ночи невольно чувствовала себя сиротой, угнетенной силами, которые ничто и никогда не могло сразить. И форменным безумием было напасть на них.

К счастью, жил на земле человек, подругой которого она была и который любил ее.

«Жоффрей, любовь моя!» — вздохнула она.

Незаметно уснула...

Глава 3

Проснувшись, Анжелика увидела, что все затянуто густым туманом, и время должно быть не раннее, судя по угадывающемуся высоко над горизонтом солнцу.

Джек Мервин с обычным видом старательно устанавливал на дне барка многочисленные, бочонки с пресной водой.

Это служило добрым предзнаменованием. Доказательством, что хозяин барка предвидит долгое плавание без захода в порты и блуждания между островами.

Неизвестно, где он раздобыл полкруга сыра и большой пшеничный хлеб. Его пассажирам не грозила смерть от голода.

— Туман задержал наше отплытие, — объяснила мисс Пиджон, — и мы дали вам поспать, моя дорогая.

— Мне надо найти ту милосердную женщину, которая дала мне плащ, — сказала Анжелика.

Джек Мервин внезапно заторопился.

— Садитесь! — заорал он, добавив английское выражение, не совсем понятное Анжелике. Но несмотря на его ругань, никто не спешил.

— У вас плащ квакерши! — внезапно сказал преподобный Петридж, ткнув пальцем в одежду, которую Анжелика не знала, кому отдать. — Значит, вы говорили с кем-то из членов этой отвратительной секты! Несчастливая! Вот что может подвергнуть большой опасности спасение наших душ.

Вы правы, мисс Пиджон. Не следует оставаться там, где рискуешь встретиться с этими людьми. Надо бы повесить нескольких, чтобы отвадить других.

— Не понимаю, почему надо повесить человека только за то, что он отдал свой плащ страдающему от

холода? — запротестовала Анжелика.

— Но квакеры очень опасны для общественного порядка, — настаивал пастор.

— Да, да, — поддадала жару мисс Пиджон, — они не снимают шляпы даже перед королем, называют его братом и обращаются на «ты». Они, мол, в прямой связи с Богом.

— И какая дерзость, — воззвал пастор, — они не хотят платить десятину церкви!

Священное писание должно оставаться в чистоте, — продолжал пастор. Он собирался начать длинную проповедь, но тут Джек Мервин взорвался.

Он выкрикнул несколько ругательств, очевидно, очень обидных, потому что и мисс Пиджон и юная Эстер в ужасе вскрикнули и закрыли уши руками.

— Богохульник! — пастор побагровел.

— Заткнитесь, кретин! — сказал Мервин с искаженным лицом. — Вы открываете рот только для того, чтобы сеять беспорядок и раздоры!

— А вы безбожник, сын Люцифера, из тех, кто смеет открыто смотреть в лицо Богу, говоря ему «Я равен тебе!»

— Было бы лучше, если бы такой невежда, как вы, не совали везде свой нос и не пытались судить себе подобных. Такой может наделать немало бед.

Преподобный Петридж не мог стерпеть, чтобы простой моряк говорил с ним таким тоном и в таких выражениях перед женщинами, чье поведение часто зависело от доверия, которое они питали к своему пастору.

Когда-то, прежде чем стать набожным, Томас Петридж был полным энергии бравым молодцом и занимался боксом. Восстановленные после ранения силы делали его еще грозным противником.

Он схватил Мервина за воротник рубахи и разбил бы ему. лицо устрашающим кулаком, если бы тот не

защищался, нанеся резкий удар по запястью схватившей руки. Пастор взвыл от боли.

Анжелика бросилась между мужчинами.

— Прошу вас, перестаньте! — воскликнула она. — Умоляю вас, господа, не теряйте разум!

Она энергично удержала их, упершись руками в оба мускулистых тела. Ее повелительный взгляд оказался сильнее их ярости, и ей удалось удержать их на расстоянии друг от друга.

— Пастор, — попросила она, — простите тому, кто не получил такого образования, как вы. Не забывайте, что вы представляете Бога, который осуждает насилие.

Пастор стоял смертельно бледный от усилия сдержать себя и от боли. Удар моряка едва не перебил ему руку. Джек Мервин тоже едва ли выглядел лучше. На его висках отчаянно пульсировали вены, а глаза напоминали взведенные пистолеты.

Под пальцами Анжелика ощущала, как торопливо и неровно бьется сердце Джека Мервина. И он снова казался человеческим и уязвимым.

— Нельзя же быть таким невыдержанным, — упрекнула она, словно обращаясь к нашалившему ребенку. — Не подобает доброму христианину оскорблять человека, облаченного духовной властью. К тому же пастор ранен. Всего несколько дней назад его чуть не оскальпировали.

Глаза моряка ясно говорили о том, что было бы очень хорошо, если б дело довели до конца.

Преподобный Томас уступил первым:

— Я смиряюсь в угоду вам, миледи, хотя вы и француженка и исповедуете религию варварскую и фанатичную. Я смиряюсь, ибо вы проявили дружеское отношение к нам, но этот... Этот тоже проявил дружеское отношение к нам. Он взял нас на барк и отвезет в Голдсборо, где мы найдем кров и будем наконец в безопасности.

Она держала руку на груди Мервина до тех пор, пока не почувствовала, что сердце его успокоилось, и он, овладев собой, отступил на шаг.

Ссора утихла, и каждый, включая мистера Уилби, занял место на барке.

Туман поднялся над водой, когда они отплыли, и тут они увидели, как собравшиеся на берегу машут им руками.

причем квакеры в круглых шляпах и больших белых плащах держались в стороне.

Им открылось море, синее, бескрайнее, с золотистыми блестками, только кое-где виднелись паруса. Острова остались позади. Каждый порыв ветра удалял их от грозившего смертью побережья и приближал к Голдсборо. День, наполненный рассказами разносчика и чтением пастором Библии, пролетел быстро.

Когда пастор читал, Анжелика краем глаза наблюдала за Мервином. Хозяин «Белой птицы» — так назывался барк — сохранял пренебрежительное выражение и продолжал жевать, табак...

Пассажиры не могли пожаловаться на скуку. Долгое время за барком следовала белая касатка — большая, как бык, и проворная, как уж. Она отплывала, а затем неслась, вспенивая воду, к барку, словно забавляясь криками детей...

Далеко за полдень показался остров Конеган. По мере приближения к нему пассажирам барка стало видно окружавшее его громадное темное облако.

— Неужели это дым? — прошептала Анжелика. Даже Мервин казался заинтригованным, но упорно хранил молчание. Юная Эстер, дочь побережья, первой нашла объяснение загадки.

— Это птицы!

Девочка не ошиблась. Вскоре донеслись пронзительные крики тысяч птиц.

Позже они узнали, что какой-то корабль загарпунил неподалеку кита и отбуксировал его до Конегана, где экипаж собирался наполнить бочки жиром.

Глава 4

Мервин уверенно вел «Белую птицу» между острыми пиками скал по узкому проходу, заканчивающемуся небольшим песчаным пляжем.

Он спрыгнул по пояс в воду и потащил барк, пока киль не заскрипел по дну. Потом взобрался на ближайшую скалу, чтобы закрепить трос.

— Быстро! Поторопитесь! Бегите в лес! — закричал он, Он знал, какие опасности подстерегают человека, замешкавшегося на берегу в таких местах, как восточная часть острова Конеган, Все послушно подчинились его приказу.

Мервин что-то прокричал еще, но его не поняли. И в этот момент разразилась драма. Она была ужасна. Мертвая зыбь, начавшая биться об отвесные скалы, сначала взлетела, словно гейзер, разлившись по земле, отрезая им дорогу.

Вода окропила дождем, и едва они успели оглянуться, как вторая волна, громадная и сверкающая, напучилась и накрыла их всех.

Они попадали на четвереньки, увлекаемые водой. Анжелика заметила маленькую головку Сэмми, который барахтался в пенном водовороте. Не колеблясь, она побежала вдоль полуострова и бросилась в воду в тот момент, когда отлив нес ребенка к ней. Море тотчас увлекло их в неизвестный танец. Оглянувшись на берег, Анжелика заметила на скалистом мысе высокую фигуру Мервина. Он быстро пришел занять нужное место. В диком галопе море увлекло их к нему.

— Держите! — крикнула Анжелика, бросая малыша в его направлении.

Моряк схватил ребенка буквально на лету. Со своей стороны Анжелика попыталась уцепиться за скалу, но

ее стремительно отнесло в сторону, вода словно расступилась, увлекая в какую-то бездонную пропасть.

Намокшая юбка стала свинцовой, и она уже не могла двигать ногами, чтобы удержаться на поверхности. Повинуясь конвульсивным толчкам бушующей бездны, течение еще раз понесло ее к земле. Приближаясь к мысу, она увидела, как Джек сломя голову бежит туда. Он был один, оставив спасенного ребенка в безопасном месте. Она потянулась к нему, готовая схватить за руку. Но, против ее ожидания, он не шелохнулся и стоял неподвижно со скрещенными на груди руками.

Пальцы Анжелики сомкнулись в пустоте, оцарапавшись об острые камни, слишком слабые, чтобы уцепиться за них. Чудовищная воронка снова потянула ее назад, и она закричала. Это был крик ребенка, крик тщетный, полный удивления. Соленая вода залила рот, и она захлебнулась. Собрав все силы, старалась успокоиться, чтобы удержаться на поверхности течения, которое рано или поздно принесет ее к берегу. Черная волна поглотила ее и понесла в яростном потоке, и вдруг совсем близко появились глаза Мервина.

Тогда она поняла.

Он здесь не для того, чтобы спасти ее, а чтобы увидеть ее гибель. Крик, агонии вырвался из самого ее нутра:

— Жоффрей! Жоффрей!..

Она кричала отчаянно. А в это время внутренний голос взывал: «Жоффрей, на помощь! Демоны хотят моей смерти! Они здесь!»

В панике она отчаянно барахталась, погружаясь при этом все глубже и глубже. Внезапно ей показалось, что неведомая сила хватает ее снизу и ткнет в бездну. Она забила ногами, чтобы вырваться, и с ужасом осознала,

что юбка застряла между камнями, и она оказалась в ловушке.

В висках стучали молоточки. В отчаянном порыве она старалась освободиться, но безуспешно. Больше не было сил бороться. Оставалось только открыть рот и вдохнуть... вдохнуть смерть.

Резкий толчок освободил ее: юбка разорвалась. Она снова увидела дневной свет. Но силы оставляли ее, и она снова, едва успев вдохнуть, погрузилась в воду.

«Нет, я не хочу умирать! — кричал внутренний голос. — Утонуть — это слишком ужасно! Жоффрей, я хочу снова увидеть тебя, не хочу умирать!»

Удар в висок, словно внезапно забитый гвоздь. Удар о камень потряс ее и на мгновение выбросил на поверхность.

Ослепительный свет солнца и все та же напряженная, неподвижная фигура, которая внезапно оживилась, расслабилась и ринулась в воду.

Мираж! Она тонула, бесповоротно тонула...

Глава 5

Кто-то тащил ее за волосы к берегу, Анжелика чувствовала, как ее тело постепенно вырывается из объятий моря, наливается свинцовой тяжестью и оставляет глубокую борозду в прибрежной гальке.

Она была избита со всех сторон. Безвольное тело кровоточило. Джек Мервин, тоже на пределе сил, тащил ее, как тащат лодку или павшую скотину.

Он остановился только на опушке леса, где море не могло их достать. Тогда он рухнул на песок рядом с ней. В полубессознательном состоянии она слышала его свистящее, как кузнечные меха, дыхание. Это была жестокая борьба, когда она конвульсивно вцепилась в него, а ему пришлось оглушить ее ударом, когда раз двадцать море уносило их так далеко от берега, что он казался призрачной тенью, и они в конце концов выбрались из него довольно далеко от того места, где все началось...

Легкие Анжелики горели, как в огне. Она прилагала тщетные усилия, чтобы отдышаться. При каждом вздохе ей казалось, что грудь разрывается. Попыталась стать на четвереньки, как умирающее животное в последнем порыве пытается подняться. Приступ тошноты вывернул ее наизнанку. Соленый поток, словно кислотой, обжег горло. И она снова распласталась на земле.

Джек Мервин встал. Сраженный было усталостью, он снова овладел собой. Сорвал жилет и отбросил далеко, затем снял рубашку и колпак и крепко выкрутил их, после чего колпак снова надел, а рубашку набросил на шею. Нагнувшись к Анжелике, схватил ее под руку, вынуждая подняться на колени, а затем и полностью.

— Вставайте! Пойдем!

Он толкал ее перед собой, тащил, волочил, и в тревожном звучании его голоса слышались сдержанный гнев и волнение.

Ей удалось сделать несколько шагов, но ноги отрывались от земли только с нечеловеческими усилиями. Земля плыла и уходила из-под ног. Она снова упала лицом в песок, впившийся в щеки.

Мервин еще раз попытался поставить ее на ноги, но безуспешно. Она плакала, ее рвало, и ее горло и ноздри причиняли ей такую боль, что казалось, что они кровоточат. Зубы стучали, она дрожала от холода и машинально вытирала залитое слезами лицо.

— Оставьте меня... Дайте мне умереть. Я готова умереть здесь, только не в море. Это слишком ужасно...

Джек Мервин отошел на несколько шагов и, приняв решение, снова схватил ее, но на этот раз положил на живот, вытянул ее руки вперед, а голову повернул набок.

Вытащив из-за пояса нож, он разрезал на спине женщины платье и сорвал прилипшую к коже ткань. Обнажив ее до бедер, обеими руками стал сжимать бока. Она сразу почувствовала облегчение. С помощью этих ритмических движений дыхание стало более глубоким и не таким беспорядочным. Она ощутила приток свежего воздуха в легкие.

Наконец он стал энергично растирать ее спину ладонями. Мало-помалу застывшая кровь Анжелики снова побежала по венам. Раздиравшие ее внутренние спазмы прекратились. Нервы расслабились, перестали стучать зубы, сладостное тепло охватило ее, и мысли постепенно стали обретать нормальный ход.

«Этот человек очень злой, но руки у него добрые. Какое блаженство жить!»

Земля больше не плясала, она снова стала прочной и мягкой под ее расprostертым телом. Чувствуя себя

лучше, она поднялась и села.

— Спасибо, — прошептала она.

— Как вы себя чувствуете?

— Хорошо.

Но она слишком переоценила свои силы, потому что снова черная вуаль поплыла перед глазами. Тогда она положила руку на плечо Джека Мервина. Это было плечо твердое, как камень, но приятной и надежной округлости. Плечо мужчины.

— Мне хорошо, — прошептала она по-французски. Мервин обвил рукой ее плечи, а другой взял под колени и без труда поднял. Анжелика подумала, что снова стала ребенком. Ничего больше не могло заставить ее испугаться и задеть, и рычание моря затихало, в то время как он большими шагами шел по тропинке под деревьями.

Очевидно, путь был недолгим, она не знала, так как уснула. Это не было беспамятство, а короткий и глубокий сон, от которого она несколько минут спустя пробудилась совершенно отдохнувшей. Она сидела на коленях, прислонившись к дереву, а над ней повелительный голос Мервина приказывал юной Эстер снять одну из юбок и сорочку, чтобы отдать Анжелике. Девушка побежала в кусты и вскоре вернулась, протягивая потерпевшей вышеуказанные предметы туалета. Анжелика, в свою очередь, нырнула в заросли.

Юбка и сорочка еще сохраняли тепло тела юной англичанки, и это доставило ей удовольствие. Она прополоскала слипшуюся от морской воды и забитую песком шевелюру в бившем рядом из скалы источнике и вернулась к своим спутникам.

Милейший Эли Кемптон разжег небольшой костер, чтобы согреть Сэмми, укутанного в сюртук пастора. Все смотрели на нее вытаращенными глазами. Они уже не рассчитывали увидеть ее в живых.

— Прижмитесь к мистеру Уилби, миссис де Пейрак, — предложил разносчик. — И вы увидите, какой он теплый.

— Надо отправляться, — сказал Мервин. — С другой стороны острова мы найдем помощь.

Следуя один за другим, они углубились под своды соснового леса. Ночь была теплой, сухой, озаряемой вспышками светлячков.

Анжелика шла, как сомнамбула. Ей страшно хотелось спать, а вместо желудка она ощущала ледяной шар. Мервин бросил на нее взгляд.

— Как вы себя чувствуете?

— Я устала, но думаю, что мне станет лучше, если смогу сделать добрый глоток вина или чего-нибудь горячего.

Наконец за поворотом тропинки показалась освещенная заходящим солнцем деревня, а птичий гомон и крики рыбаков обрушились на них вместе с сильным запахом разлагающейся рыбы и царившим над всем «ароматом» топящегося китового жира.

У входа в деревню стояла высокая бревенчатая ферма. Джек Мервин с порога подал голос, но, поскольку никто не ответил, он без церемоний вошел внутрь со всей компанией, используя священное право гостеприимства, существующее в отдаленных колониях Нового Света и позволяющее всем голодным и заблудившимся рассматривать любое жилище как свое.

Он напрямик направился к деревянному шкафу, достал из него тарелку и разливную ложку, подошел к очагу и снял крышку с висевшего котелка. Добыв из него солидную порцию креветок, вареного картофеля, полил все это горячим молоком.

— Ешьте, — сказал он Анжелике, — да побыстрее! Затем он так проворно стал раздавать тарелки с супом каждому, словно всегда был подавальщиком в богадельне мессира Венсона.

Глава 6

Впоследствии Анжелика вспоминала, что никогда в жизни не пробовала ничего более вкусного и живительного, чем это изумительное варево, которое ела на бедной ферме колониста острова Конеган.

Они жадно ели, и слышались только довольные вздохи и пощелкивание языков.

— Ого! А вы не стесняетесь, англичане, — сказал кто-то по-французски.

Высокая крестьянка стояла на пороге.

— Ого! А что это значит, сладчайший Иисусе!?

— Это всего лишь медведь, — пробурчал Кемптон, подбирая последние капли в котелке.

— Это я и сама вижу, невежа! Но почему медведь в моем доме? Это что, хлев?

— Сударыня, вы француженка? — спросила Анжелика на том же языке. — Мы находимся в английском поселении?

— А Бог его знает! Кто мы, живущие на Конегане, я не могу сказать. Я сама в пятилетнем возрасте была привезена из Порт-Руаяля, с рекрутами мессира д'Ольея. Но в двадцать лет вышла замуж за соседа, шотландца Мак-Грегора, и уже скоро тридцать лет, как живу с ним.

Джек Мервин спросил по-английски, не пытались ли индейцы напасть на остров и не заметно ли в заливе Пенобскот признаков волнения среди них.

Ока отрицательно покачала головой и ответила на английском, хотя с сильным французским акцентом. Она сказала, что индейцы на этот раз не вырыли топор войны, потому что великому французскому господину из Голдсборо удалось уговорить всех белых залива и

особенно бешеного Сен-Гастина не вмешиваться в эту скверную кампанию.

Хозяин Голдсборо силен и богат. У него собственный флот и золота в изобилии. Он обещал защиту от их правительств тем, кто выразил непокорность, заключив мир. И это правильно! Хватит уже проливать кровь ради удовольствия королей Франции и Англии, которые сами и не думают ступить ногой на землю колоний.

Анжелика зарумянилась от волнения при упоминании имени ее мужа. Она засыпала добрую женщину вопросами, узнав среди всего прочего, что Жоффрей после того, как покинул устье Кеннебека, направился в Голдсборо. Так что у нее было много шансов найти его там, если они доберутся туда завтра.

Узнав, что она принимает в своей хижине супругу «великого хозяина Голдсборо», миссис Мак-Грегор восторженно всплеснула руками, присела в глубоком реверансе и засуетилась, мешая французские и английские слова в зависимости от того, к кому она обращалась.

Анжелика рассказала о своих злоключениях и о том, что она едва не утонула.

— Я достану вам хорошую одежду, госпожа, — заключила она, заметно успокоившись.

— А у вас не найдется коротких штанов для моего спасителя, он все еще в мокром?

— Коротких штанов? Нет, такие у нас не водятся, милая дама. Все мужчины носят только большие клетчатые пледы, шотландки, как их называют. Настоящий шотландец отправляется на прогулку, не в обиду будь вам сказано, с голой задницей. Но в лавке у мистера Уинслоу эти господа найдут все, что им надо. — Она отправила мужчин с медведем к англичанам, оставив только женщин и детей, включая негритенка.

Анжелика улаживала с миссис Мак-Грегор покупку шубы из шкурок морских волков. Ее соблазнила

бархатистая нежность меха.

— Я ничего не имею против, чтобы заплатить вам сейчас, но когда я буду в Голдсборо, я вручу вам кошелек с двадцатью экю и небольшой подарок по вашему выбору из того, что может вас заинтересовать.

— Но мы достаточно обеспечены, так что беспокоиться не из-за чего. Говорят, что вы знахарка. Если вы сможете поставить на ноги моего внука Алистера, мы будем в расчете.

Они направились к маленькому Алистеру. Миссис Мак-Грегор родила 12 детей. Чтобы не было разногласий с национальными обычаями франко-шотландских семей, дети получали по очереди то французское, то шотландское имя. Так Леону предшествовал Огилви, а за Алистером следовал Жантон.

За несколько дней до этого с юным Алистером произошла неприятная история. Убегая по скалам от прилива, он хотел перепрыгнуть расщелину. Она оказалась слишком широкой, он ударился о ее край и с трудом выбрался наверх. С той поры сильная боль не позволяла ему ходить.

Анжелика сразу же определила, что он вывихнул большие пальцы обеих ног. Операция вправки была довольно болезненной, но после часового массажа мальчик встал на еще неверных ногах. В восторге он заявил, что вечером будет плясать танец скрещенных шпаг. Анжелика воспротивилась этому. Надо еще отдохнуть, чтобы связки укрепились.

Она попросила барсучьего жира, а после заключительного массажа позволила ему ходить, опираясь на палку. Так он сможет хотя бы присутствовать на празднике.

Два клана: Мак-Грегора и Мак-Дуэла собрались в пестрых красно-зелено-черных плащах, в синих беретах с помпонами. С этой пестротой смешивались и темные

сюртуки английских торговцев и колонистов из семей первых плимутцев. Анжелику засыпали рассказами и приглашениями. Ее визит оказывал большую честь островитянам, а исцеление Алистера еще поддало жару. Повсюду говорили на необычных жаргонах, в которых смешивались разные языки и диалекты. Около десяти часов вечера Анжелика решила, что уже достаточно отдала времени светским приличиям и что ей уже надо немного отдохнуть.

Одежда ее просохла у миссис Мак-Грегор, теплый воздух давно высушил ее тяжелую гриву, но она падала с ног от усталости.

Укутавшись в новую шубу, она присела в стороне, опершись о корни большого дуба. Завтра приедет в Голдсборо. Дай Бог, чтобы море было милостиво!

Неистовый пронзительный вопль разорвал тишину, вырвав Анжелику из ее мечтаний и заставив вскочить.

— Что это? Режут свинью?

— Нет, это всего лишь шотландские волынки...

В нескольких шагах от себя Анжелика заметила Джека Мервина, сидящего лицом к берегу, где зажигали большие костры. Шотландцы плясали вокруг скрещенных шпаг или боролись с черным медведем.

— Дайте мне вашу руку, Джек, — внезапно сказала она. — Я хочу прочесть по ней вашу судьбу.

Но он бросил на нее яростный взгляд, переплел пальцы и сильно сжал ладони, показывая, что не собирается это делать. Анжелика рассмеялась. Решительно, она еще не пришла в себя, если осмелилась кокетничать с таким злобным женоненавистником. Ее душа была сейчас подобна лодке с распушенными парусами, готовой устремиться к горизонту. Вся эта суматоха приводила ее в восторг.

— Как чудесно чувствовать себя живой, Мервин, я счастлива. Вы спасли меня...

Он нахмурил брови, по-прежнему сжимая руки. Всем видом показывал, что ее болтовня выводит его из себя.

Она снова рассмеялась, опьяненная июньской ночью, околдованная ее долгим угасанием. Заглушая волынки, зазвучал ритмичный призыв дудок и барабанов.

Анжелика вскочила с места.

— Мисс Пиджон, миссис Мак-Грегор, и вы, Дороти Джентон, бегом идем танцевать фарандоллу с басками.

Она обняла их, увлекая вниз по склону. Когда Анжелика и ее компания появилась в круге света, раздались приветствия и для каждой нашлось место.

Каждая женщина, старая или молодая, должна танцевать в ночь святого Жана. В свое время в Аквитании, в Тулузе, Анжелика изучила большую часть этих фигур. В замках предпочитали придворные танцы, слишком чопорные, и Жоффрей де Пейрак брал с собой молодую жену в страну басков, чтобы присутствовать на больших народных праздниках...

Короткая юбочка юной Эстер облегчала Анжелике прыжки и пируэты. Увлекаемая неотразимым баскским капитаном, она смеялась, ее легкие ноги не касались больше земли, а светлые волосы то развевались за ней, то опутывали лицо шелковистой сетью. В страстном порыве он увлек ее, и она закружилась до головокружения. Темно-синее небо опрокинулось в красное пламя костров, смеющиеся лица запрыгали вокруг, как мячики.

— Я больше не могу так! Голова идет кругом!

Прежде чем остановиться, он еще несколько раз обернул ее вокруг себя, затем поднял высоко вверх. Раздался гром аплодисментов.

Запыхавшись, Анжелика смеялась, а он протянул ей оплетенную кожей бутылку. Надо выпить без передышки, направляя струйку вина прямо в горло.

Снова аплодисменты приветствовали и это ее достижение.

Немного выше и в стороне преподобный мистер Петридж, осуждавший подобные забавы, и Джек Мервин, не собиравшийся принимать в них участия, с одинаковым неодобрением мрачно наблюдали за разыгрывающимися внизу сценами. Эрнани снова сделал движение, чтобы привлечь ее к танцующим.

— Благодарю, — ответила она капитану, — но похоже, для порядочных дам пришел момент возвращаться домой.

Анжелика, мисс Пиджон и миссис Мак-Грегор, за которой тянулась целая вереница детей, с трудом поднимались по берегу в сторону жилища. Их неверные шаги вызывали неудержимый смех.

— Миссис Мак-Грегор, можем ли мы отдохнуть под вашей крышей?

— Да, мои красавицы, — пропела она сильно захмелевшим голосом. — Мое жилище — ваше.

Спать легли на матрацах из водорослей, уложенных на полу в большой комнате.

Едва устроились, как пришли матросы и стали стучать в ставни, горланя и требуя женщин. Но старый Мак-Грегор вышел с мушкетом и крикнул с порога, что продырявит каждого, кто посмеет нарушить отдых его гостей. После чего все стало спокойно.

Уже занималась заря...

Глава 7

Шел третий день путешествия. Туман, готовый превратиться в дождь, спустился над островом и примешался к запаху погасших костров запах разлагающейся рыбы.

Чайки, бакланы и морские сороки с криками снова кружились над островом. В то время как Анжелика спускалась к причалу в сопровождении Адемара и Сэмми, дочь Мак-Грегора бегом догнала их, ведя за собой двух девочек восьми и двенадцати лет.

— Возьмите их, прошу вас, — запыхавшись, сказала она. — Возьмите их в Голдсборо! Говорят, что там есть школа. Пусть их там обучат настоящему французскому.

— Я оплачу вам проезд этих малышек, когда мы будем в Голдсборо, — сказала Анжелика Мервину.

Он отвернулся с недовольной миной человека, судно которого решительно принимают за свалку.

Зевая и неуверенно передвигаясь, пассажиры «Белой птицы» занимали свои места. В последний момент из тумана возник капитан Эрнани, такой же оживленный, как и накануне, и положил на колени Анжелике довольно тяжелый подарок.

— Это для ваших друзей в Голдсборо, — шепнул он. — Они оценят... — Подарок представлял собой дубовый бочонок с чистейшим арманьяком. Поистине бесценный дар!

Мервин с такой силой оттолкнулся багром от берега, что Анжелика едва успела поблагодарить капитана.

— Приезжайте в Голдсборо! — крикнула она.

Он стоял, посылая воздушные поцелуи, пока его красный берет не скрылся в тумане.

Привыкшие к причудам капитана пассажиры разместились так, как он указал, Анжелика радовалась

спешному отъезду. Вечером будут в Голдсборо, и ничто не могло омрачить ее радостное настроение: ни хмурая погода, ни мрачное море.

Она нашла обаятельными двух маленьких шотландок с кругленькими мордашками. Младшая прижимала к груди индейскую куклу с красными щеками и волосами из кукурузных рылец.

Анжелика подумала об Онорине и прелести детства. Этот день плавания был отмечен одним происшествием. Их задержал баркас акадийцев с полуострова, занимавшихся ловлей англичан. Туман сгустился. Мервин приказал юнге давать предупредительные сигналы. Надув щеки, мальчик надсаживался над громадной раковиной, когда показался силуэт большого рыбацкого баркаса, направляющегося к ним.

Казалось, на его борту никого нет. Но когда он приблизился, донесся устрашающий клич краснокожих.

Они окаменели от изумления, а над бортом баркаса показался длинный ствол пистолета и голос невидимого человека обратился к ним по-французски:

— Клянусь святым причастием, никак англичане?

— Французы! Французы! — поспешили ответить Анжелика и Адемар.

Баркас подошел к «Белой птице», и сброшенные с него крючья вцепились в барк. Внезапно появилось загорелое лицо, окаймленное длинными черными косами, увешанными орлиными перьями, и блестящие черные глаза живо осмотрели пассажиров барка.

— Ого! Мне кажется, тут немало англичан!

Он выпрямился во весь рост. Серебряный крест и медали позвякивали на его замшевой куртке. За поясом торчали тесак и томагавк, а в руке он держал пистолет с перламутровой рукоятью. Позади стояли матросы с физиономиями разбойников и висельников. Юный вождь с подозрением оглядел Анжелику и прищурил глаза.

— А вы уверены, что вы действительно француженка, а не англичанка?

— А вы уверены, что вы действительно француз, а не индеец? — быстро отпарировала она.

— Да! — с негодованием воскликнул он. — Ведь я — Юбер де Арпантильи с мыса Сабль. Меня знает любой в Акадии и во Французском заливе!

— А я, молодой человек, графиня де Пейрак, и, надеюсь, что имя моего супруга не менее известно в Акадии и во Французском заливе!

Юбер без малейшего смущения прыгнул в барк Джека Мервина.

— Сударыня, я узнал вас по тем качествам, которыми вас наделила молва: красота и мужество! У меня и в мыслях нет причинить вам малейшее зло. Но мне кажется, что здесь с вами целая куча англичан, которых сам Бог посылает мне, как заложников.

— Они принадлежат мне, и я должна отвезти их моему мужу.

Юный д'Арпантильи глубоко вздохнул.

— А нет ли на барке какого-нибудь провианта? Зима у нас была суровой, и мы никак не можем дожждаться корабля нашей компании с продуктами. Если он потерпел кораблекрушение или попал в руки пиратов, мы полностью останемся на бобах.

— Поэтому вы начали грабить других, — заметила Анжелика, стараясь незаметно прикрыть юбкой бочонок с арманьяком, подарок Эрнани. — Я глубоко огорчена, но здесь вы ничего не найдете. Мы бедны, как Иов.

— Посмотрим! Эй, шкипер, поднимись-ка, я загляну в твой рундук.

Повелительно взмахнув пистолетом, он подал Мервину сигнал отодвинуться. Его матросы удерживали барк за борт, обменивались шутками на индейском наречии, строили глазки Эстер, украдкой разглядывали Анжелику и открыто насмехались над пастором.

Анжелика спрашивала себя, чем же все это кончится, как вдруг увидела, что д'Арпантильи перепрыгнул на борт своего баркаса и с улыбкой до ушей низко поклонился ей.

— Плывите дальше! Сударыня, вы свободны со своими заложниками. Да хранит вас Господь!

— Тысячу раз благодарю вас, сударь. Приезжайте в Голдсборо, если у вас будут трудности до нового урожая.

— Я не упущу такой возможности, Мессир де Пейрак всегда проявлял к нам щедрость. А вы так же прекрасны, как об этом рассказывают на Французском заливе. Сегодняшний день не потерян для меня...

— Что за сумасброд! — пожимая плечами, сказала Анжелика.

Они остались одни среди тумана. Ворча что-то про себя, Джек Мервин снова поднял паруса и попытался определить нужное направление. Разносчик вытер взмокший лоб. Если бы акадийцы отобрали его товары, он был бы разорен...

— Миледи, я так благодарен вам. Без вас...

— Не благодарите меня. Я тут не при чем.

Джек Мервин определил нужное направление. Без сомнения, он решил не подавать больше сигналов, чтобы не привлечь других пиратов этого скудного побережья. Пустил барк прямо по ветру, напряженно вглядываясь в туман, уделяя все внимание возможному появлению препятствий. Анжелика с тревогой посмотрела на него.

— Будем ли мы сегодня вечером в Голдсборо?

Он сделал вид, что не слышит. К счастью, туман поредел. Солнце стояло еще высоко, море играло синечерными волнами с белой пеной, но берег виднелся хорошо, и в его яркой зелени было что-то волнующее и напоминающее ландшафты Голдсборо.

Сердце Анжелики застучало. Она думала только о близкой встрече и напряженно смотрела вдаль, не слыша удовлетворенных слов ее спутников, предвкушавших конец путешествия.

«Жоффрей, любовь моя!»

Бесконечное время протекло с тех пор, как непредвиденные обстоятельства разлучили их. Кроме трудных событий, возникших на ее пути, пугало одно обстоятельство из разряда нематериальных. Она полностью успокоится только тогда, когда будет с ним, когда сможет коснуться его, услышать его голос. Тогда все изгладится...

Она также знала, что сразу не расскажет ему о Колене. Нет! Позднее. После, когда наберется сил у его сердца, когда они снова окажутся в беспомощном опьянении, когда она отдохнет, всем телом отдавшись его сладостным ласкам, когда просмакует хмельное наслаждение быть обнаженной и беспомощной в нежности его рук...

Анжелика поймала устремленный на нее взгляд Джека Мервина. Сколько времени наблюдает он за ней? Почти тотчас же он отвернулся. Она увидела, как он сплюнул в море табачную жвачку. В этих простых, знакомых движениях ощущалось что-то окончательное, бесповоротное, что она поняла только позже.

Затем он, похоже, понюхал ветер. Словно приняв решение, напряг узловатые ноги с крепкими, как клешни краба, большими пальцами и изо всех сил натянул шток главного паруса и, управляясь с другими оттяжками и рулем, заставил тяжелый барк сделать почти полуоборот, уложив ере вровень с волнами, практически против ветра, достаточно, однако, чтобы краем парусов захватить его.

Анжелика закричала. Но не из-за этого фокуса, который в исполнении менее опытного моряка мог опрокинуть их всех в воду. Просто она обнаружила, что

берег был совсем близко. Четко виднелись проплывающие мимо деревья и слышался грохот прибоя у скал.

А теперь розовые вершины горы Дезер, за которыми находился Голдсборо, удалялись и постепенно исчезали на востоке.

— Но вы взяли неправильное направление? — воскликнула Анжелика. — Голдсборо там! Вы повернулись к нему спиной!

Ничего не отвечая, англичанин следовал своим курсом, и вскоре гора исчезла.

«Белая птица» повернула на северо-восток и проникла в просторный залив, усеянный островами. Юная Эстер, однажды уже побывавшая у своего дядюшки на острове Матанику, узнала залив в устье Пенобскота.

Анжелика посмотрела на солнце, чтобы примерно узнать время. Дневное светило было довольно высоко в небе. Если повезет и Джек Мервин не очень долго будет болтаться здесь, еще можно будет успеть до ночи добраться до форта.

— Куда вы нас везете?

С таким же успехом можно было обратиться к Уилби. Подъем в эстуарии продолжался около часа. Когда судно свернуло направо, в узкое русло небольшой речушки, Анжелика обменялась с Эли Кемптоном одинаковым, полным ожесточения взглядом. Оба испытывали неудержимое желание броситься на хозяина барка, побороть его и отобрать руль.

В тени деревьев ветер утих. Осталось только робкое дыхание, едва двигавшее барк против течения. Англичанин спустил парус и взялся за весла. Вскоре он подвел судно к затененному ивой и ольхой песчаному берегу. Дыхание моря здесь не ощущалось.

Моряк прыгнул в воду и подтащил барк к берегу, где и закрепил его.

— Можете выходить, — сказал он спокойно. — Мы прибыли.

— Но мы должны были сегодня вечером быть в Голдсборо! — вне себя закричала Анжелика. — Да вы просто...

— Высаживайтесь, — повторил Мервин с полнейшим равнодушием.

Мистер Уилби первым последовал за ним. Его очень привлекали запахи земли. Где-то в окрестностях дождей был находиться дикий мед. Он встал на задние лапы и, ворча от удовольствия, принялся скрести когтями ствол сосны.

Остальные пассажиры со вздохами подчинились. Они чувствовали себя подавленными. Их только заинтересовало поведение Мервина. Он после того, как словно отыскал какие-то метки, опустился на колени у ствола дерева и начал разгребать руками плотный валежник между корнями.

— Что он делает?

— Может, спрятал здесь сокровище?

— Вполне возможно. Многие пираты прячут на этих берегах свою добычу.

— Эй, Мервин! Прохвост проклятый! — крикнул разносчик. — Ваше богатство состоит из испанских дубленое, французских луидоров или серебряных песо?

Не отвечая, моряк продолжал рыться. После листьев он открыл переплетенные ветки, затем слои камней. Наконец, со дна ямы вытащил пакет, завернутый в холст, затем последовал другой, поменьше, и англичанин встал.

— Хорошо! Ждите меня здесь. Я долго не задержусь, используйте мое отсутствие, чтобы немного поесть. В рундуке еще есть сыр, хлеб и бутылка вина, которую мне дала миссис Мак-Грегор.

Он был так приветлив и доволен, найдя пакеты в тайнике, что стал почти вежливым. Снова повторил:

— Я скоро вернусь!

И углубился в зеленые заросли.

Анжелика начала обсуждать его поведение со своими спутниками, затем пошла к барку, чтобы взять провизию.

Она вернулась к остальным и с помощью Сэмми разделила провизию на части, разложив ее на большом плоском камне.

В молчании принялись за еду. В конце трапезы, когда Анжелика подняла голову и попросила передать вино, то увидела, что все англичане, мертвенно-бледные, с искаженными ужасом полуоткрытыми ртами, смотрели расширенными глазами на что-то позади нее. Пришлось сделать большое усилие, чтобы повернуться и посмотреть в лицо новой опасности.

Глава 8

Между трепещущими под ветром длинными золотистыми листьями ивы показалась фигура иезуита в черной рясе.

Первым побуждением Анжелики было подняться и стать между замершими от ужаса англичанами и новоприбывшим. Вторым, — присмотреться к распятию на груди иезуита в поисках рубиновых слез, означавших его принадлежность отцу д'Оржевалю.

Она их не увидела. Следовательно, этот не был отцом д'Оржевалем. Священник в черной рясе, стоявший в нескольких шагах от нее в полутьме, неподвижно, был очень высоким и худощавым, с бритым лицом и падавшими на плечи темными волосами. Высокий черный воротник облегал шею, а лицо отличали черты благородные и даже изящные. Правая рука была прижата к груди, два пальца удерживали кончик распятия, свисавшего с шеи на черной шелковой ленте. Темные, жгучие глаза иезуита впились в оцепеневших путешественников, словно хотели прижать их к земле, как загипнотизированных животных.

Наконец он шевельнулся и покинул тень деревьев. Тогда Анжелика заметила под измятым подолом сутаны босые ноги. И они показались ей знакомыми.

— Вы не узнаете меня? — прозвучал голос Мервина. Он приближался к ним, и они постепенно пятились, пока не вошли в воду. Видя их ужас, он остановился.

— Вот то сокровище, которое я только что достал из тайника: всего лишь скромная сутана, оставленная здесь перед моим отъездом и наконец вновь нашедшая своего хозяина после восьми месяцев разлуки.

И, повернувшись к Анжелике, он продолжал по-французски:

— Неужели вы так удивлены этой метаморфозой, сударыня? Однако я считаю, что уже давно внушил вам подозрения...

— Мервин... — пробормотала она. — Вы — Джек Мервин?

— Он самый. И я же отец Луи-Поль Мареше де Вернон из ордена иезуитов. Таким образом, при случае окаянный англичанин может превратиться в проклятого француза и даже в опаснейшего паписта.

Его преобразившееся лицо озарила лукавая усмешка. Он объяснил:

— Прошлой осенью мой начальник направил меня с тайной миссией в Новую Англию. Этот мирской маскарад — одно звено долгой цепи, которой мне пришлось воспользоваться, чтобы выполнить поручение и остаться неузнанным. Слава Богу, я вернулся сюда цел и невредим.

— Но... вы действительно француз? — нерешительно спросила Анжелика.

— Конечно! Моя семья родом из Уазы. Но в детстве я выучил английский, когда был пажем в королевской семье Англии, находившейся в изгнании во Франции.

Несмотря на его учтивое объяснение, Анжелика никак не могла осознать, что перед ней Джек Мервин, хозяин их барка. Она оставалась безмолвной, и, видя ее полуоткрытый рот и непонимающие глаза, он не мог удержаться от смеха.

— Придите же в себя, сударыня, прошу вас! Впервые она видела Мервина смеющимся. Словно при блеске молнии перед Анжелиной раскрылась подлинная сущность Джека Мервина. Да, конечно! Конечно же, он был иезуитом! Как она раньше этого не сообразила? Как позволила так одурачить себя?

Медведь подошел к иезуиту и обнюхал его. Узнав знакомый запах хозяина «Белой птицы», он потерся о сутану, и рука отца-иезуита погладила большую лохматую голову. Затем иезуит обернулся к англичанам:

— Не бойтесь ничего. Здесь вы под моим покровительством.

Он подошел к воде, осмотрел деревья на противоположном берегу, сложил руки рупором и несколько раз повторил индейский призывный клич.

Листва зашевелилась, и появилась шумная толпа индейцев. Одни переходили речку вброд, другие спускались по холму. Одни падали на колени перед отцом, прося благословения и выражая признательность.

И, естественно, появился великий сагамор Пиксарет, едва не лопааясь от гордости.

— Ты думала убежать от меня, — сказал он Анжелике, — но я всегда знал, где ты, и ждал тебя. Черное Платье привез тебя. Ты моя пленница.

Дикари со смехом ощупывали шевелюру Эли Кемптона. Верный медведь угрожающе зарычал. Обнаружив животное, индейцы отступали, одни поднимая копья, другие — натягивая луки. Иезуит одним словом успокоил волнение.

— Форт Пентагоет, которым командует барон де Сен-Гастин, недалеко отсюда, — сказал отец Мареше. — Будьте любезны, сударыня, следовать за мной. Мы расположимся там.

— Вот здорово! — раздался голос Адемара, когда они взбирались по склону. — Вы, отец мой, наверное, брат Джека Мервина? Вы чертовски похожи на него. А куда же делся он? Самое время поднять паруса! О, пора убираться, потому что с этими дикарями я...

Но иезуит не слушал его.

Глава 9

— Посмотрите, — сказал барон Сен-Гастин, указывая на украшенную английскими скальпами стену, — разве не видно, отец мой, что я добрый офицер на службе Бога и его величества? Я провел достаточную кампанию с моими эчеминами и макмаками против еретиков-англичан, чтобы заслужить благословение неба. А вот отец д'Оржеваль, ваш начальник, написал мне, язвительно упрекая в том, что он называет увертками и даже изменой тому, что касается моей священной войны, в которую он вовлекает абенаков. Прежде всего я скажу вам, что эта кампания кажется мне развязанной слишком рано и неожиданно. Все индейцы заняты торговыми делами и посевами, что является для них жизненной необходимостью.

— Крестовый поход может внезапно стать неотложным, — ответил отец Вернон, — если он проводится с участием мужественных сердец.

Может быть, ваши увертки приведут к затяжке времени и не дадут возможности индейцам закончить обмен и посевы до первых заморозков.

— В любом случае мои люди будут таким образом сохранены, — мрачно сказал Сен-Гастин.

— Надеюсь, вы не отрицаете, что их долгом является сражаться за Бога, именем которого они окрещены?

Это было на другой день после их прибытия в Пентагоет. Они находились втроем в большом зале форта, где закончилась полуденная трапеза, собравшая их всех вместе.

Анжелика сидела в конце длинного, грубо сбитого стола. Отец де Вернон — посередине. Сен-Гастин

взволнованно ходил взад-вперед, потряхивая перьями индейского убора.

Опустившийся с рассветом туман замкнул их в сером непроницаемом мире, который прорезался, словно призывы блуждающих душ, раздирающими криками чаек.

Французский форт оказался очень неприятным. Сен-Гастин отдал в распоряжение Анжелики маленькую комнатку. Она провела ночь под навесом, где расположились англичане, пытаясь их успокоить. Они были очень подавлены. Теперь, попавшихся в лапы французов, их, без всякого сомнения, отвезут в Квебек и продадут ужасным канадским папистам. Если только барон Сен-Гастин не договорится об их выкупе в Бостоне. Когда усталость сморила их, они уснули, предварительно поужинав. Анжелика еще долго оставалась рядом, обдумывая возможность передать письмо мужу. В конце концов все смешалось у нее в голове.

Случайно ли именно в то утро Колену попался идущий в Акадию барк переодетого иезуита, совершавшего свою шпионскую миссию? И знал ли Колен, кто этот англичанин, так невозмутимо жующий табак и плюющий в море? Не потому ли он прошептал ей:

«Будь осторожна, тебе желают зла!»

Во время трапезы Сен-Гастин бросал Анжелике подбадривающие взгляды.

«Все уладится, ничего не бойтесь!» — должны были они означать.

После еды разгорелся спор. Сен-Гастин убеждал, что никогда не отказывал в помощи преподобным отцам в их тяжком и неблагодарном деле обращения индейцев и католическом приобщении Северной Америки. В доказательство этого он показывал на

чудовищную панораму скальпов. Они высушивались на небольших кольцах из прутьев ивы.

— Сколько из них снял с головы еретиков, — говорил Сен-Гастин с печальной миной преданного, но не признанного человека. — Я и мои индейцы, отец, в этом году заключили мир! Именно здесь было твердо решено, когда вы собирались поехать в Новую Англию, что ничего не будет предпринято против еретиков, пока вы не вернетесь. Однако отец д'Оржеваль откопал топор войны, как говорят индейцы, более чем за десять дней до вашего возвращения!

— Без сомнения, он нашел более веские доказательства и причины, чтобы сделать это, чем те, которые я мог ему доставить, — возразил отец Вернон.

— Им руководит сам Господь, и я редко видел его приступающим к действиям, не взвесив все последствия.

— Думаю, что могу сообщить вам причину, заставившую его, не ожидая вас, начать войну, — вмешалась Анжелика, — Я уверена, что отец д'Оржеваль увидел возможность захватить меня в плен и отправить к канадцам, когда я одна отправилась в английское селение Брунсуик-Фоль, и сейчас же начал войну, ибо знал, что через несколько дней я буду в безопасности в Голдсборо и тогда такой возможности больше не представится.

К ее удивлению, иезуит кивнул.

— Действительно, все так и должно было произойти. А что вам понадобилось в этом поселении, сударыня?

Анжелика вызывающе глянула на него.

— Я отвезла в семью маленькую пленницу, которую мы выкупили у абенаков.

— Ну вот, вы, француженка и католичка, находите правильным и справедливым отдать в гнездо мракобесия и ереси невинное дитя, хотя провидение,

может быть, решило дать ему возможность познать подлинный свет Христа в Канаде.

Анжелика ничего не ответила. Она еще не привыкла слышать подобные речи от Джека Мервина. Однако с полуулыбкой заметила:

— В гнездо, да! Дети как птицы. Каким бы темным ни было их гнездо, только там они чувствуют себя хорошо.

— Итак, вы воспротивились намерениям Бога относительно ребенка, — сурово оборвал он ее. — И как же произошло, что в результате этой засады вас не отправили в Квебек?

— Я сражалась, — с ожесточением ответила она. — Я защищала свою жизнь и свободу.

— Вы стреляли в воинов Христа?

— Я стреляла просто в дикарей, которые хотели оскальпировать меня.

— И зачем же, по вашему мнению, отец д'Оржеваль хотел захватить вас, чтобы отправить в Канаду?

— Вы знаете это так же хорошо, как и я.

— Прошу вас извинить меня, сударыня. Я покинул эти места несколько месяцев назад, в течение которых трудно было обмениваться письмами с моим начальством. Я был в постоянной опасности среди англичан, которые, обнаружив во мне лазутчика во имя Христа и короля Франции, не стали бы со мной церемониться. Когда я уехал, вы только-только прибыли в Голдсборо...

— Но уже представлялись в ваших глазах нежелательными лицами, если не врагами, утвердившись в Голдсборо с помощью средств, которыми мало кто из колонистов располагал. Какая возможность дискредитировать моего мужа и подвергнуть его фанатичному остракизму населения Новой Франции, открыв в его жене воплощение дьявола, — с горечью сказала Анжелика. — Об этом вы

должны были знать, я уверена. Но кому нужно зло в этом деле? И почему необходимо, чтобы именно я была вашим демоном? Ведь есть и другие женщины в Акадии, на которых вы могли бы остановить выбор. По моему, вы говорили мне.

Сен-Гастин, об одной особе в конце Французского залива, которая ведет развратную жизнь. Вы называли ее Марселиной-Красоткой.

Барон расхохотался.

— О кет! Только не она. Это будет чересчур забавно. Она годится плодить детей со всеми приплывающими капитанами и быстрее всех вскрывать устриц.

— Марселина Раймонда? Нет, у нее слишком неразвитый ум.

— А демон обязательно должен быть умным?

— Конечно! Подумайте сами. У кого может быть более высокий ум после Бога, как не у Люцифера, хозяина демонов?

Вещь известная, ибо не раз наблюдалось, что демоны сосущие, то есть женского рода, воплотившиеся в женское тело, с большим трудом скрывают свой блестящий ум во время пребывания их на грешной земле.

— А как же колдуньи?

— Здесь совсем другое дело. Колдуньи — всего лишь человеческие существа, вступившие в связь с демоном. Тогда как адский дух, который входит в тело женщины или воплощается в нем при рождении, является действительно демоном, одним из падших ангелов, которые последовали за Люцифером при его падении в преисподнюю в первые часы сотворения мира.

— Однако вы не можете так думать обо мне, это невозможно, — ломая руки, вскричала Анжелика. — Я ничего не сделала, ничего не совершила, что могло бы создать мне такую ужасную репутацию.

— Но пророчество было точным: женщина очень красивая и соблазняющая...

— Неужели я такая красивая?

Ее замешательство исключало всякое кокетство. Сен-Гастин одарил ее улыбкой восхищения.

— Да, сударыня, именно так. Но я не обвиняю вас за это.

— И соблазняющая? — настаивала Анжелика, поворачиваясь к иезуиту. — Полноте, отец мой, я же была на ваших глазах больше трех дней.

— Могу сказать — соблазняющая. Ночью святого Жана...

— Ну, хорошо, да! Ночь святого Жана. А в чем меня можно упрекнуть? Я смеялась и пела, пила и танцевала, согласна. Но вы же присутствовали при этом, вы можете засвидетельствовать, что я не сделала ничего неприличного. Как объяснить вам ту радость, подаренную той июньской ночью, после всех опасностей? Разве рука смерти не коснулась меня в тот день? Вы вытащили меня из воды...

Внезапно она умолкла, осознав, что именно этот служитель церкви вытащил ее из воды за волосы, приложив все силы, чтобы вернуть ее к жизни, и затем отнес на руках к огню.

Анжелика никогда в жизни не испытывала подобного смущения и лихорадочно думала, что бы еще сказать, чтобы не попасть из огня да в полымя, когда по подергиванию губ отца Вернона и по блеску его глаз догадалась, что он едва сдерживается от смеха, и не прочла в нем дружеского участия.

Он не верил, что она была дьяволом. Это она читала в его взгляде.

— Позвольте уехать, Мервин, — пылко проговорила она, невольно подавшись к нему.

Длинные ресницы иезуита сразу же прикрыли опустившиеся глаза, и он снова принял высокомерный

вид.

— Но... вы можете ехать, сударыня, кто вам мешает? Ведь вы не моя пленница, насколько я знаю, вы пленница Пиксарета...

Глава 10

Вечерний Голдсборо. Он превращается уже в небольшое местечко. Таким увидела его Анжелика, когда он показался вдали, за легкой вуалью морозящего дождя, с мерцающими огнями жилищ.

Управляющий шлюпом акадиец сказал, что пристанет к западному берегу. Он хотел сразу же вернуться в Пентагоет.

Анжелика с радостью и наслаждением вдыхала доносимые бризом запахи земли и деревни.

— Я приеду к тебе в Голдсборо, — пообещал Пиксарет, когда она покидала Пентагоет, — Не забывай, что ты моя пленница и я должен получить выкуп от твоего супруга.

Но кроме этого напоминания о ее положении, он проявил себя очень либерально по известным только ему одному причинам и позволил ей уехать.

Туман рассеялся перед полуднем, что позволило им поднять парус. Отец Вернон и барон Сен-Гастин провожали их до берега.

В последний момент принесли большой ящик, который барон Сен-Гастин наполнил частью своей коллекции английских скальпов.

— Мессир де Пейрак поделился со мной своим проектом отправиться в Квебек, — объяснил он Анжелике, — и я решил просить его об услуге: передать от меня этот подарок губернатору. Я надеюсь, что это произведет хорошее впечатление и меня не будут обвинять в недостаточной активности в войне с англичанами.

Пристроили и бочонок с арманьяком, подарок капитана Эрнани, затем моряк-акадиец взялся за руль, а Сэмми помог поднять паруса.

Очень быстро перламутровый занавес дождя затушевывал очертания деревьев, укрывая от их взглядов высокую фигуру человека в черном одеянии, которого называли Джек Мервин.

Глава 11

Сколько раз после вчерашнего вечера Жоффрей де Пейрак мысленно возвращался к ужасному разоблачению.

Ночь прошла, а он не шевельнулся, сидя за столом с закрытыми глазами. Сколько раз за эту ночь отдавалось в нем эхо насмешливого грубого голоса швейцарского наемника.

«Ее имя?.. Я не знаю. Но в то время, как он занимался с ней любовью, он называл ее Анжелика...»

Анжелика! И каждый раз при этом невыносимая боль пронизывала его.

И затем слова Жана, которые теперь получили новое освещение. Если можно говорить о свете, касаясь такой отвратительной махинации, которая внезапно надела на лицо возлюбленной уродливую маску.

«Они целовались, как любовники, которые снова встретились...»

Какая тайна могла объяснить страшную измену? Прежний любовник? Человек из прошлого, из того времени, о котором она сожалела, где капризы ее очаровательного тела могли находить удовлетворение, не боясь гнева ревнивого супруга. Теперь он понимал, как все должно было произойти.

Неизвестный человек из прошлого, узнав, что Анжелика в этих краях, прислал ей весточку в Хоуснок, и она под видом поездки в английскую деревню, используя отсутствие де Пейрака, уехала на встречу с другим. Затем один из сообщников того принес ему, супругу, ложные сведения, чтобы устранить его более основательно на долгое время.

Нет, все это не совпадение. Есть и другое обстоятельство. И Анжелика представилась ему такой,

какой была в тот последний вечер в Вапассу, когда с обращенным к небу лицом слушала вой волков. Блеск ее мечтательного взгляда, бездонного и восхищенного, вызвал в нем бесконечное обожание, ибо он читал в нем уверенность, что эта женщина единственная, не похожая ни на одну женщину: его женщина!

Каким наивным он был! Трижды дурак! Как он не понял того, что она всего лишь развратница, которая притворилась так, что отличалась от других, чтобы позволить себе, когда желание толкало ее к наслаждению, быть похожей на всех остальных. Другими словами: неверная, бесхарактерная, без чести, без воспоминаний. Для таких особ нет ничего святого. Ведь так легко убедить влюбленного мужчину поверить тому, что утверждают прекрасные губы; что она любит его, что всегда лишь только его!..

Пейрак не мог знать, что всего в нескольких милях отсюда Анжелика проснулась в форте Пентагоете, что через несколько часов она отплывет, радостная, сгоравшая от нетерпения поскорее увидеть его, и что к ночи она будет здесь.

Полностью опустошенный, не находя оправданий измене Анжелики, он в конце концов, согласился увидеть ее такой, какой она была: презренной обманщицей... женщиной такой же, как и все!

Анжелика!.. Анжелика!..

Багровая вуаль мести опустилась на глаза Пейрака. Прежде всего отплыть, добраться до Золотой Бороды. Подняться ночью на борт, захватить врасплох обоих, убить их...

Ценой нечеловеческих усилий он овладел собой.

День вставал над Голдсборо, укрытый туманом, прорезаемым доносившимися с залива печальными криками чаек. День прошел и вместе с ним многочисленные дела, от которых зависели человеческие жизни.

Граф де Пейрак отправился в порт. В то время как он спускался к берегу, кипящее нетерпение начало раздувать в нем желание битвы. Это желание позволит не пасть духом. Туман защищал Пейрака от опасной торопливости и позволял тщательно подготовить необходимое снаряжение. Завтра или послезавтра он может начать смертельную охоту, и тогда ничто не остановит его, пока не настигнет он Золотую Бороду и не убьет собственными руками.

Боевое снаряжение «Голдсборо», шебеки и двух люгеров началось немедленно. Весь охваченный мыслями о мести, он сначала с безразличием воспринял сообщение индейцев, что два английских корабля гибнут у мыса Шудик. Но затем спохватился. Не годится, чтобы женщина заставила забыть обязанности, его долг, стать равнодушным к человеческим жизням, которые мог спасти один он. Созданный им Голдсборо был маяком Французского залива. Любой ждал от него совета, помощи, спасения. Неужели он жил и боролся для того, чтобы сокрушить все в несколько часов из-за ошибки проклятой любви?!

Он стремительно поднялся на борт своего корабля, собрал экипаж, достиг указанного места и помог выбраться из несчастья маленькому флоту. Один корабль вел бостонец Фипис, другой — сам английский адмирал Бартеломи Перильгем.

Приведенный в укрытие порта Голдсборо английский адмирал, очень охотно согласился на великодушное гостеприимство графа де Пейрака. Весьма изящный, в напудренном парике, со шпагой на боку, он не скрывал, что эта экспедиция в самую глубь Французского залива, имевшая целью сделать облаву на невидимого противника, всегда готового увильнуть в какую-нибудь бухту, не особенно ему улыбалась. Но необходимо дать урок французам.

Без особого труда Пейраку удалось убедить его, что такая экспедиция могла привести его только к развязыванию англо-французской войны, что гораздо лучше присоединиться к нему, чтобы преследовать пиратов, которые наводнили Французский залив и препятствовали английским рыбакам, равно как португальским и другим, заниматься ловом трески.

Однако бостонец Фипис, насчитывающий среди своих родных и близких немалое количество оскальпированных канадцами, отказался остаться и, когда туман поднялся, отплыл.

Под вечер Жоффрей де Пейрак снова созвал тех же людей, что и накануне, чтобы возобновить совет, так драматично прерванный приходом Курта Рица, и попросил адмирала присоединиться к нему. Кроме адмирала, который не ведал о ситуации, столь же тягостной, как и затруднительной, все входили неуверенно, с опущенными глазами.

Пейрак ждал их за столом, на котором находились чернильница, песочница, перья, измерительные инструменты и развернутые карты. Он приветливо попросил их подойти и занять места. При звуках его голоса они подняли глаза и, несмотря на его, как обычно, невозмутимое лицо, невольно вздрогнули.

Он был одет в великолепный костюм из атласа цвета слоновой кости, узкие сапоги из красной кожи и фехтовальные перчатки.

Пейрак питал слабость к английской моде, верность которой в виде камзола, коротких штанов и узких сапог лучше подходила к его полной случайностей жизни, чем полукафтаны и куртки на французский лад и сапоги со слишком широкими ботфортами. Зато усыпанные жемчугом кружева его галстука и манжет вполне отвечали французскому вкусу. Густые черные волосы, окаймляя покрытое шрамами лицо, делали его похожим на пирата, а сверкавшая на висках седина

подчеркивала с неожиданной нежностью темную кожу авантюриста, загоревшую под солнцем и ветрами.

— Господа, — сказал им Пейрак, — вам известно, что мне надо отправиться на войну, и я не знаю, какую судьбу уготовило мне небо. Гроза надвигается со всех сторон. По крайней мере, я точно ознакомил вас со сложившейся ситуацией, в которой ваше мужество, здравый смысл и ловкость должны помочь выстоять. И добавлю: ваша воля к миру. Я обращаюсь к вам, господа ларошельцы, ибо вам вверяю судьбу этого поселения и его защиту. Мессир д'Юрвиль должен сопровождать меня, так же, как и мессир ван Рейк и наш английский союзник. На этот раз нам надо окончательно покончить с пиратом. Необходимо составить план преследования и нападения...

Углубившись в расчеты и планы, они не замечали, что наступает ночь. Вошел один из испанцев и зажег свечи в большой, свисавшей с потолка люстре.

Мало-помалу, занятые серьезным делом, они забыли об инциденте вчерашнего вечера. Но снова ощутили недоброе, когда часовой просунул голову в дверь и с растерянным видом крикнул:

— Монсеньор, к вам пришли!

Но теперь это был не Курт Риц, исхудавший пленник пирата...

Теперь это была Она!

В темном проеме двери они увидели ослепительное видение...

Глава 12

С сияющей улыбкой она смотрела на них. И очень быстро ее глаза отыскивали в глубине зала высокий стан Жоффрея де Пейрака.

Жоффрей! Он был здесь!

Все, оцепенев, смотрели молча. Золотистый оттенок укрывавшей ее шубы из шкуры морского волка оживлял теплый цвет ее кожи, и на фоне ночного неба ее светлые волосы блестели, как ореол.

Она совершенно не узнала Голдсборо в его новом облике. Песчаный берег, почти пустынный в прошлом году, был таким оживленным, что она посчитала бы, что попала в какую-то другую гавань другой колонии, если бы не встретила своих подружек: Абигель и Северину Берн. Нетерпение, с которым она устремилась поскорее удостовериться в присутствии здесь мужа, помешало заметить замешательство и холодный прием обеих подружек. Она вспомнит об этом позже и поймет причину.

Но появился Лорье с корзиной ракушек на плече и бросился к ней на шею.

— Госпожа Анжелика! Какое счастье!

По ее просьбе он повел ее к форту. Возле него они встретили человека с алебардой.

— Это швейцарец, — прошептал Лорье. — Он пришел вчера вечером...

— Эй, человек! Я нигде вас не встречала? — окликнула его Анжелика.

— Точно, сударыня. Вы видели меня, — в его голосе слышалось презрение.

Но Лорье уже увлек ее по деревянным ступенькам, и дверь зала совета открылась перед ней.

В полной тишине, которая сразу же показалась ей необычной, она вошла. Знакомые лица... окаменевшие...

— Мессир Маниголь, приветствую вас... О, метр Берн, как я счастлива видеть вас снова! Дорогой пастор, как поживаете?

Никто не ответил. Никто!.. Только глаза следили за ней, а Жоффрей без единого движения смотрел, как она идет.

Она стояла перед ним, ее глаза напрасно старались встретиться с его глазами. Жоффрей склонился над протянутой ему рукой, но она не ощутила прикосновения его губ — это была только симуляция учтивости.

Словно со стороны услышала свой голос:

— Что случилось? Какое несчастье в Голдсборо? Тогда собрание оживилось. Один за другим каждый кланялся и удалялся. Никто и не думал улыбнуться. В той же атмосфере неминуемой катастрофы, что и накануне, происходил этот церемониал. Зато снаружи:

— Это она? — прерывисто дыша, спросил Жиль ван Рейк.

— Хм!.. А вы думали кто? — пробурчал Маниголь.

— О, но ведь она... восхитительна! Великодушна! Это меняет все. Мессеры, как вы можете требовать, чтобы женщина такой красоты не побеждала мужчин на каждом шагу и не уступала иногда любви, которую вызвала? Это же будет безнравственно!

Что же произойдет теперь? Это ужасно! Нет, она слишком прекрасна, чтобы он убил ее... Ноги не держат меня больше... Вы знаете, я очень чувствителен...

И он сел прямо на песок.

Глава 13

— Что произошло? — повторила Анжелика, поворачиваясь к мужу. — Кто-нибудь умер?

— Может быть... Откуда вы взяли?

— Что?.. Откуда я взялась? Неужели Жан не смог увидеться с вами? Он сказал бы, что...

— Он и сделал это! Он сказал, что вы стали пленницей Золотой Бороды. Еще сказал, что Курт Риц...

— Курт Риц?

— Швейцарский наемник на моей службе, которого Золотая Борода тоже захватил в плен в прошлом месяце. Ему удалось убежать три дня тому назад. Но перед этим он видел вас на корабле Золотой Бороды. Он убежал ночью через кормовую надстройку. Окно было открыто. Он увидел вас в каюте... с ним вместе!..

Жоффрей де Пейрак говорил отрывисто, глухим и жестким голосом, и с каждым оброненным им словом неумолимая истина проникала в сознание Анжелики. Пораженная потрясающей неожиданностью, она видела эту истину, надвигающуюся на нее, как чудовищное животное.

Человек, который бежал той ночью в заливе Каско, был, следовательно, швейцарским наемником на службе Пейрака, и он видел, как Колен вошел и заключил ее в объятия...

— Окно было открыто, — продолжал хриплый голос. — Он видел вас, сударыня! Вас, обнаженную... в объятиях Золотой Бороды, и вы отвечали на его поцелуи... на его ласки...

Что он надеялся услышать в ответ? Крик возмущения, бурное отрицание, может быть, смех? О нет, молчание!

Время уходило, уходил момент возможного спасения. Мозг Анжелики был не в состоянии соображать, собрать воедино хоть две мысли. Все смешалось в ужасном тумане.

«Колен! Колен!.. Надо сказать, что это был Колен... Нет! Так будет еще хуже. Он уже раньше ненавидел его...»

Как бы она хотела быть в состоянии дать хоть маленькое объяснение. Но горло не могло издать ни одного звука. Она содрогалась всем телом. Ее охватила слабость. Пришлось отереться о стенку и закрыть глаза.

И вид опущенных век с тем нежным, страдальческим и таинственным выражением, которые всегда волновали его, я иногда раздражали, вызвал гнев графа.

— Вы опускаете глаза! — загремел он, ударом кулака почти проломив доску стола. — Смотрите на меня!

Он схватил ее за волосы, заставив поднять голову. Ей показалось, что он сломал ей шею. Злобно встряхнул, охваченный неистовым желанием разбить это лицо, обманчивое лицо, и увидеть другое, принадлежавшее его возлюбленной.

И внезапно он с такой силой ударил ее, что Анжелика головой больно задела деревянную стенку. Красный туман заволок глаза. Он отпустил ее и отбросил. Пейрак прошел к окну и, глядя в дождливый мрак, тяжело дышал, стараясь овладеть собой. Когда снова повернулся к жене, она по-прежнему стояла с закрытыми глазами. Внизу ее хрупкого носа появилась тонкая струйка крови.

— Уходите отсюда! — сказал он ледяным тоном. — Ваш вид внушает мне отвращение. Я не могу противиться искушению убить вас...

Глава 14

Она шаталась, спотыкалась, наталкивалась на углы и незнакомую мебель в полутьме комнаты, куда проникал только бледный свет луны. Необходимость скрываться и исчезнуть навсегда бросила Анжелику внутрь деревянного форта. Она двигалась наощупь и наконец остановилась посередине комнаты.

Она была одна.

Страх, на время подавивший все восприятия, покинул ее, уступив место уверенности в чудовищной, непоправимой катастрофе. Она осторожно потрогала место удара, но опухоли не было, хотя прикосновение пальцев вызвало нестерпимую боль.

Словно при блеске молний все предстало перед ней с неумолимой четкостью.

Колен!

Его обнимающие руки, жаждющие ее тела, ее губы, сомкнувшиеся с его губами для поцелуя, у которого не будет конца...

Спрятавшийся человек видел это в свете свечи. И теперь Жоффрей знал... Он обвинил ее в худшем! Как заставить его понять, как объяснить, что...

При одном имени Колена он убьет ее. Он уже хотел убить ее сегодня вечером, и она это заслужила. И бездонная бездна разверзлась у ее ног.

«Жоффрей! Жоффрей, приди, умоляю тебя! Не оставляй меня одну! Мне так страшно!»

Населенная опасными призраками комната словно ожила и одновременно превратилась в непреодолимое препятствие между ней и им, ее любящим супругом. Словно чья-то рука сдавила ей горло, вызывая удушье. Боль вернула яркую картину всего, что она утратила, и горе прорвалось наконец детскими всхлипываниями и

потоками слез. «Если он не любит меня, что же тогда
станется со мной?..»

Глава 15

Пережитые мгновения показались ему самыми ужасными за все время его существования. Два существа в нем в эти страшные минуты поделили его тело, душу и кровь: одно — жаждущее мести, другое — поклонения и наслаждения. По его жилам струилась вместе любовь и ненависть.

И когда его рука схватила ее за волосы, разве она не с наслаждением ощутила их шелковистую мягкость, и когда он нагнулся к ней, к ее запрокинутому лицу, к ее лбу, высокому и гладкому, как перламутр, а его губы извергли жестокие слова, разве не горели они от желания страстного поцелуя?

И вдруг из подсознания выплыла мысль:

«Какое же прекрасное у нее лицо, какой чистый лоб!»

Какое великолепное создание для любви! Вот о чем он додумал. Вот о чем подумали они все, когда она показалась перед ними на пороге ночи, и очевидность ее красоты и женственности поразила их, как удар молнии, до такой степени, что на мгновение забылись злоба, подозрения, сомнения, и для изумленных и покоренных мужчин оставалось только невыразимое очарование ее присутствия.

О идолопоклонники, глупые и чувственные самцы! Всегда готовые пасть на колени перед богиней!..

Совершенно произвольно Пейрак вышел наружу, в тишину глубокой ночи. По тусклому серебру луны проплывали облака, и в ее свете вырисовывались черные тени мачт покачивающихся на волне порта судов. Пламя костров трепетало на ветру, единственное живое, кроме медленных шагов часового. Весь мир словно умер.

«Где же она? Анжелика, любовь моя!»

Он вошел внутрь форта и неслышными шагами поднялся по лестнице. За дверью услышал громкие рыдания. Остановился, словно сжигаемый диким огнем, с напряженным от страдания и раздирающего его искушением телом.

Желание толкнуть эту дверь, нагнуться, схватить ее, прижать к сердцу и забыться, забыться в счастье движений, ласк, шепоте голосов, обмене поцелуями, пылких словах, произносимых совсем тихо:

«Любовь моя! Это ничего! Я люблю тебя!»

Он снова оказался один в небольшом зале, где догорали в шандалах свечи, упершись лбом в окно, за которым бледнел рассвет.

Нет, Анжелике не удастся сделать из него опустившегося человека, подчинившегося власти недостойной женщины! Этому никогда не бывать!

Почему она так сильно плакала? Разве не знала, что делает, когда отдавалась ласкам другого мужчины? Она, которую он так высоко ставил! Разве она не знала, что разрушает? Что? Но нет, она не хотела ничего знать! Самка! Ничтожная самка, как и другие! Они хотят все иметь. Разрушают все!

«Я не должен был прощать ее тогда. Одно и то же!...»

С приливом он отправится в море, отыщет Золотую Бороду, будет преследовать его хоть до Карибов и прежде, чем убить собственными руками, он сорвет с его ненавистного лица вуаль прошлого. Он узнает, кому Анжелика являла лицо любовницы!

«Ах, если бы я мог вырвать ее из моего сердца! Я попытаюсь, так надо!»

«Голдсборо» привез из Франции наряды для нее. Он подошел к сундуку и отбросил крышку. Его руки подняли переливающийся муар, воздушные кружева, и

машинально пальцы придали тяжелым складкам юбки и корсажа форму женского тела.

«Как бы она была прекрасна в этом! Эта розовая с серебряным тиснением ткань вокруг ее плеч королевы. Я взял бы ее с собой в Квебек, и она покорила бы всех!»

Его кулаки сжались вокруг невидимого силуэта талии, которая, казалось, съеживалась и умирала под его хваткой. Непроизвольным движением мои поднял смятую материю к лицу и долго оставался тай, отсутствующий и отрешенный, с тоской вдыхая легкий запах цветов и женщины, шедший от пышных нарядов. Из утреннего тумана выбежало несколько неясных фигур.

— Монсеньор! Бог на нашей стороне. Корабль Золотой Бороды близко от нас. Его заметили в архипелаге...

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. РАЗГРОМ ЗОЛОТОЙ БОРОДЫ

Глава 1

В Голдсборо было много детей. У девочек волосы выглядывали из-под круглых колпачков или белых чепчиков, у мальчиков — развевались на ветру. Они носились с подобранными юбками и подвернутыми штанами, чтобы легче шлепать босиком по лужам, влезать на баркасы, прыгать на песке... Сгорая от любопытства, припадали к доскам амбара мордашками, пытаясь сквозь щели рассмотреть пленных пиратов, затем мчались в порт полюбоваться красивой картиной, украшавшей корму «Сердца Марии», захваченного сегодня утром корабля, после чего брали воду в лесных источниках и, став на колени, поили раненых.

Этот день ознаменовался для Голдсборо разгромом пирата Золотой Бороды.

Утром Анжелика проснулась от звуков далекой канонады. С наболевшими душой и телом, она не понимала, где она, и не сразу сообразила, что находится в Голдсборо.

Зеркало отразило ее пострадавшее лицо. Одна сторона была черно-синяя, а угол рта распух. Голова поворачивалась с трудом.

Пройдясь по комнате, обнаружила в сундуках одежду и белье, которые сложила осенью перед уходом из форта, машинально переоделась и причесалась. Ей необходимо найти какую-нибудь помаду или бальзам, чтобы скрыть обезобразивший ее синяк. Распахнув ставни, заметила вдали за завесой дождя бегущие по ветру корабли и вспыхивающие красные молнии. Затем до нее долетел рокочущий грохот взрывов.

Перед Голдсборо разразился морской бой: очевидно, на единственный корабль напали три или четыре корабля...

Немного позже женский голос позвал ее из глубины жилища:

— Госпожа Анжелика! Где вы? Ах, вы уже здесь! Идите быстрее, дорогая госпожа! Повсюду раненые и кровь!

В восклицавшей так маленькой женщине Анжелика узнала ларошельку Каррер, эмигрировавшую в прошлом году в Новый Свет вместе с десятью детьми и мужем-адвокатом.

— Что происходит? Откуда раненые?

— Они сводят счеты с этим проклятым Золотой Бородой?

— Кто это «они»?

— Мессир граф, флибустьер ван Рейк, английский адмирал. Все поклялись заставить этого преступника просить пощады. Сегодня утром узнали, что он снова рыскает среди островов. Мессир граф тут же позвал всех и пустился в погоню за пиратом. Он заставил его принять бой. Мессир д'Юрвиль принес весть о победе.

Но, кажется, при abordage произошла форменная резня. Корабли возвращаются в порт с добычей и ранеными. Мессир де Пейрак передал нам, что вы вернулись и что надо вас предупредить, чтобы вы смогли оказать помощь всем этим бедным людям.

— Вы... уверены, что это мой муж просил вас предупредить меня?

— Конечно! Что могут сделать без вас? Говорят, что хирург с «Бесстрашного» тоже ранен и не может исполнять свои обязанности. Что касается доктора Нарви, вы его знаете, с него будет мало толку в такой мясорубке. Господи! Да что с вами случилось? Где это вас так?

— Пустяки! — Анжелика поднесла руки к щеке. — Я попала в кораблекрушение и ударилась о скалу... Подождите минутку, я сейчас. Надо сумку взять и необходимые инструменты.

Она методично собирала все, что могло потребоваться, действуя как автомат, в то время как в ее мозгу теснились мучительные мысли.

Колен...

Колен убит рукой Жоффрея! Если бы она сказала вчера вечером! Но нет, это было невозможно! Она не могла ничего ни сказать, ни объяснить... И Жоффрей убил Золотую Бороду...

И теперь требует, чтобы она ухаживала за ранеными. Все-таки вспомнил, что она существует. Но к чему? Не задумал ли иную месть? Если он бросит ей под ноги труп Колена, она не вынесет этого, не сможет удержаться, чтобы не упасть на колени, взять в руки львиную голову Колена и оплакивать его.

— Господи! — взмолилась она, — воспрепятствуй Жоффрею совершить подобную гнусность. О Боже, как это произошло, что мы внезапно становимся непримиримыми врагами?

Следуя за мисс Каррер, она спустилась по лестнице и поспешила к месту, куда жители принесли миски с пресной водой, матрацы, простыни и одеяла. С подошедших шлюпок стали снимать и класть на землю раненых.

Продолжение дня стало кошмаром, в котором Анжелика могла думать только о том, как резать, сшивать, перевязывать, бегать от одного к другому... С засученными рукавами, по локоть в крови, она в течение нескольких часов не переставала быть готовой к срочному вмешательству, беря на себя ответственность в определении серьезности ран, давая указания об уходе. Очень скоро вокруг нее воцарился прежний порядок. Она вновь узнала женщин, стихийно отдавших себя в ее распоряжение. Абигель, проворная и быстрая, несмотря на беременность, мисс Каррер, юные девушки, сноровистые и послушные.

Она увидела тетушку Агату, которая принесла ей хирургические инструменты, и старую Ревекку, утешавшую умирающего.

Высокий мальчик повсюду следовал за Анжеликой с большим медным тазом, в котором постоянно менял воду, чтобы она могла вымыть руки и намочить тряпки. Она с еще большим старанием продолжала работу.

— Это госпожа де Пейрак? — спрашивали увидевшие ее впервые.

— Да, да! Увидите, она вылечит вас.

И эта атмосфера доверия вокруг нее воскресила мужество Анжелики, мало-помалу успокоила ее душевные муки, помогла принять обычный вид и гордо держать голову, хотя она и помнила о своем распухом лице.

Она напрягала слух, стараясь представить по обрывкам разговоров ход сражения. Но никто не говорил о смерти Золотой Бороды. Только об ужасном и кровопролитном бое между командами, который завязался после абордажа на палубе «Сердца Марии». И мессир де Пейрак первым вспрыгнул на борт.

Ближе к полудню в порт вошли корабли, сопровождавшие свою добычу. С обломанными мачтами, окутанный клубами дыма, корабль Золотой Бороды, накренившись, пристал к острову. Мессир д'Юрвиль приказал отвести пленных пиратов в амбар с одними дверьми, что облегчало охрану. Один из пиратов кричал, как одержимый, когда его тащили туда.

— Пустите меня, убийцы! Я сильно раненный...

Анжелика прислушивалась к этим крикам и узнала Вспоротое Брюхо, ее пациента из залива Каско. Она пошла навстречу идущим.

— Этот негодяй говорит правду. Не заставляйте его идти. Положите его здесь.

— Ага, вот и вы наконец! — захныкал Бомаршан. — Куда вы уехали, мадам? Бросили меня с таким рубцом на брюхе.

— Замолчите, негодяй! Вы сто раз заслужили, чтобы вас поджарили за ту подлую штуку, которую вы со мной сыграли.

Все-таки она осмотрела его и с удовлетворением убедилась, что чудовищная рана у Аристиды Бомаршана имела хороший вид и обещала выздоровление.

Подлинное Чудо, ибо его сообщники с «Сердца Марии», похоже, не особенно заботились о нем после того, как их снова взяли на борт.

— Как мне вас не хватало, мадам. Они бросили меня в трюм к крысам, как старый хлам...

Она положила новые компрессы, замотала его, как новорожденного, и оставила ждать на песке.

Немного позже она опустилась на колени перед Барсемпью, чтобы перевязать его рассеченное ударами тесака плечо. Это был тот дворянин, помощник Золотой Бороды в Макуа. Сегодня его лицо почернело от пороха и выглядело усталым.

— Ваш капитан... — спросила она вполголоса, — Золотая Борода?.. Где он находится?

Он бросил на нее горький взгляд и отвернулся. Она осталась в неизвестности, терзаемая беспокойством.

Солнце поднялось в зенит. К страданиям и усталости добавилась и жара. Между тем появился матрос с просьбой к госпоже де Пейрак отправиться на борт пиратского корабля, чтобы осмотреть тяжелораненых и установить, можно ли их перевезти на берег.

Она села в шлюпку в сопровождении Мартиаля, снаряженного ее сумкой, бочонком пресной воды и медным тазом.

У трапа ее встретил человек в черном порванном камзоле, пахнувшем порохом, и сдвинутым набок

парике и, прихрамывая, проводил ее к батарее.

— Я хирург мессира ван Рейка Пессен. Ядро попало в помещение, где я оперировал. Что касается моего коллеги с «Сердца Марии», его нашли мертвым на груде трупов. Большинство раненых оказалось бы в ужасном положении без вашего присутствия в Голдсборо, сударыня. Слухи о вашем умении уже дошли до меня. С меня хватит того, что я сделал сегодня на трех кораблях. Но здесь есть несколько бедняг, с которыми я не могу решить, что делать.

Довольно трудно было передвигаться по кораблю, палуба которого накренилась под угрожающим углом. Бочки с сидром перевернулись. Смешиваясь с кровью, их содержимое покрывало лужами всю палубу. Ноги скользили и разъезжались по этой смрадной смеси, и приходилось цепляться за что попало, чтобы передвигаться вперед. Был отдан приказ помешать кораблю затонуть, и слышались крики и восклицания работавших над этим.

— Особенное опустошение на этом корабле, — заметил Пессен. — Четыре судна брали его на abordaj: шебека мессира де Пейрака, «Голдсборо» и «Бесстрашный», а чуть позже подоспела небольшая яхта «Ларошелец». Половина бандитов уже выведена из строя.

Хирург был человеком лет тридцати. Когда он убедился, что во Франции его мастерство не дает ему права практиковать, поскольку он является реформистом, не было другого выхода, как покинуть родину и избрать опасную профессию хирурга на корсарских кораблях.

После того как вместе с ним Анжелика осмотрела умирающих, она предложила перевязать надлежащим образом его самого.

Заметив, однако, что его хромота вызвана не раной, а вывихом бедра, случившимся при падении, она

вправила его на место, сделала массаж и оставила его совсем ожившим.

С трудом проходя по палубе к шлюпке, она услышала чей-то слабый голос:

— Госпожа!

Ее звал распростершийся возле рамбарды человек, полузакрытый соскользнувшими туда связками снастей. Очевидно, он до сих пор оставался незамеченным в беспорядке и бегстве после боя. Она освободила его и подтянула выше, прислонив к основанию фок-мачты. С воскового лица на нее смотрели громадные черные глаза, не показавшиеся ей незнакомыми.

— Я Лопец... — выдохнул он.

— Лопец... Лопец?... — Она перебирала в памяти... Он помог ей с тенью улыбки на сером лице.

— Вы хорошо знаете... Лопец! Там внизу... Пчелы... Теперь она вспомнила. Так это один из флибустьеров, от которых она защищалась, запустив в них ульем с пчелами. Сегодня, вернувшись на корабль Золотой Бороды, он доживал свой последний час.

— Попало в живот, — прошептал он. — Вы сделаете мне так, как Бомаршану, а? Вы его зашили, я видел, как вы это сделали. Я... я не хочу умирать, госпожа... спешите...

Он был еще молод, этот маленький португалец.

Не питая особой надежды, Анжелика разрезала растянутые раздувшимся телом штаны, пропитанные кровью, морской водой и сидром, хотя ввалившиеся глаза уже сказали ей все. Даже если она занялась бы им сразу, спасти его было невозможно.

— Вы сделаете что-нибудь для меня? Она послала ему ободряющую улыбку.

— Да, малыш. Сейчас тебе станет легче. Проглоти это, — она протолкнула между губами пилюлю. — Ты добрый христианин, малыш?

— Да... конечно...

— Тогда молись господу Богу и Святой Деве, пока я буду тебя исцелять.

Она крестом сложила его руки на груди и так держала их, передавая ему свое тепло в его последнем контакте с миром, чтобы он не чувствовал себя одиноким, переступая порог вечности. Его свинцовые веки чуть приоткрылись.

— Мама! Мама! — выдохнул он, устремив на нее глаза. Она опустила руки, отныне холодные и неподвижные, закрыла ему глаза, покрыла лицо умершего косынкой.

Она никогда не могла остаться безучастной к жестоким смертям в ходе боев. Однако, когда убивала собственными руками, нелогичность смерти, ее непоправимость, жестокость всякий раз глубоко ранили ее женскую чувствительность.

И хотя она знала ничтожную цену несчастного существа, закончившего свои земные странствия, слезы невольно выступили у нее на глазах.

Глава 2

Когда она встала, то оказалась лицом к лицу с графом де Пейраком. Он уже некоторое время стоял сзади, наблюдая за склонившейся над умирающим женой. Жиль ван Рейк, сопровождавший его в последнем инспекционном обходе, первым заметил золотистые женские волосы и прикоснулся к руке графа. Они увидели, как она перекрестилась и косынкой закрыла лицо бедного малого. Слезы сверкнули на ее ресницах.

При виде Жоффрея де Пейрака она так смутилась, что ван Рейку стало ее жалко. С большим усилием отвернулась под предлогом вымыть руки в поставленном Мартиалем тазу.

— Всем ли раненым, которые могут покинуть борт, была оказана вами помощь, сударыня? — спросил граф, подчеркивая холодностью голоса непреодолимую дистанцию между ними.

— Этот уже мертв, — сказала она, махнув рукой в сторону распростертого тела.

— Ха! Я и сам это вижу, — сухо заметил он.

Она упорно прятала от него лицо с ноющим синяком, из-за которого весь день не переставала испытывать неловкость. Сейчас впервые увидела его после ужасной сцены накануне, и на нее повеяло ледяным холодом, словно внезапно оказалась перед чужим. Стена воздвиглась между ними.

Сопровождающий Пейрака фламандский офицер выглядел веселым и добродушным. Для приличия Анжелика обратилась к нему:

— Нужно ли что-то сделать для вас, сударь? Обрадованный возможностью познакомиться поближе, Жиль ван Рейк с готовностью согласился. Она усадила

его на перевернутую бочку и в то время, как де Пейрак удалился, осторожно очистила раны, невольно спрашивая себя, каким же оружием они могли быть сделаны. Он морщился и издавал жалобные стоны.

— Вы странно ведете себя для настоящего авантюриста, — заметила она. — Таким неженкам, как вы, лучше не вмешиваться в бой...

— Я — капитан «Бесстрашного»!

— Не имеет значения.

— Но я еще ни разу в жизни не был ранен, дорогая госпожа! Всегда и отовсюду выбирался без единой царапины.

— Во всяком случае не в этот раз.

— Да нет же, в этот раз тоже. То, к чему прикасаются ваши волшебные пальчики, не военные раны. Я обязан ими ярости Инессы вчера вечером.

— Инессы? Кто это?

— Моя возлюбленная! Она ревнива, как тигрица, от которой она унаследовала острые когти. В ней возбудило подозрение то, что я бесконечно превозносил вашу красоту.

— Но я ведь даже не знакома с вами.

— В самом деле. Вчера я находился в зале совета, когда вы появились перед нами. Но я не в обиде, что вы не заметили мою скромную персону, ибо взгляд ваш был устремлен только на мессира де Пейрака, вашего супруга и моего дорогого друга.

Анжелика, перевязывая лоб, с трудом подавила желание дернуть его за волосы в отместку за иронию. Взгляд ван Рейка снизу следил за ней, полный восхищения, но достаточно хитрый, чтобы не заметить на одной стороне ее лица синий след, которого не было накануне. По-видимому, прикинул он, семейная сцена была очень бурной, и супруги еще дуются друг на друга. Немного ревности — хорошая приправа для пылкой любви. В этом он убедился со своей Инесс.

С подрагивающими ноздрями, ван Рейк наслаждался, когда она осторожно очищала царапины, ее близким ароматом, живым и мимолетным, ароматом свежескошенного сена, попросту говоря, восхитительным ароматом женщины, настоящей блондинки, вызывающей неистовое желание оказаться подольше и поближе к тайнам ее тела. Пользуясь своей, так сказать, воинской слабостью, садясь, он скользнул рукой по бедру Анжелики, У нее была великолепная талия, но он смог только чуть коснуться ее, ибо она сейчас же отстранилась.

Он подумал, что, обнаженная, она должна была явить пышные изгибы, однако благодаря гибкости всех членов она выглядела более худощавой, чем была в действительности...

— Вот вы и вылечены от последствий злобы мисс Инессы, мой дорогой. Завтра и следа не останется!

С видом соучастника он подмигнул ей опухшим глазом.

— Желаю, чтобы то же самое стало и с вами, прекрасная дама! Я вижу, что вчера планеты Венера и Марс столкнулись в глубинах небесного свода, и мы оба стали жертвами разногласия богов...

Анжелика удержала гримасу, вновь ощутив боль на правой стороне лица. Она с утра столько переделала, что ее отчаяние приглушилось. Но заключение ван Рейка относительно стычки между богами любви и войны вызвало у нее смех.

Это придало ему смелости.

— Послушайте, — прошептал он, — я понимаю любовь и не строг к слабости милых созданий даже когда не извлекаю из этого выгоду. Хотите, чтобы я сообщил вам новости о Золотой Бороде?

Лицо Анжелики окаменело, она бросила на него гневный взгляд, оскорбленная тем, что он со снисходительной развязностью ставит ее в один ряд с

легкомысленными женщинами. Но на этот раз имелся достоверный факт, и признания Курта Рица не держались в тайне. Все судачили о ее проделках и связанных с ними осложнениях.

Однако, тревожась за судьбу Колена, она не могла помешать себе прошептать кончиками губ:

— Да! Что случилось с ним?

— Честно говоря, никто об этом ничего не знает. Он исчез!..

— Исчез?

— Да! Представьте себе, его не было на борту, когда мы атаковали корабль, это его помощник вел всю оборону. Кто-то рассказал, что он ночью покинул корабль на маленькой лодке, не говоря, куда отправляется и когда вернется. Лишь поручил своему лейтенанту держаться неподалеку от Голдсборо, хорошо укрывшись в архипелаге, пока не вернется и сам даст новые распоряжения. Поехал ли он на разведку, чтобы выяснить, каким образом сможет напасть на колонию Голдсборо? Но мы опередили его! На рассвете шебека мессира де Пейрака обнаружила «Сердце Марии».

Затем было преследование, абордаж, рукопашная... Мы победили!

Что касается Золотой Бороды, где бы он ни находился, теперь надолго покончено с его господством на морях и океане!

— Хорошо! Я благодарна вам, сударь!

Анжелика вернулась в порт. Солнце склонялось к горизонту. Гнетущая, несмотря на непрерывный ветер, жара наконец спала.

Привлеченные канонадой индейцы вышли из лесов, принеся меха для обмена и дичь. Французские и английские моряки, флибустьеры и даже раненые, которые могли держаться на ногах, все сбегались на торг. Пленники в свою очередь подзывали индейцев

через щели тюрьмы и протягивали всевозможные безделушки на обмен. Благодаря этому Анжелика обнаружила среди пленных еще одного давнего знакомого с мыса Макуа. В то время как в бою погибло столько отважных людей, Гиацинту Буланже удалось выжить. Он непрерывно скандалил, и его уже два раза били, чтобы немного успокоить.

— Это буканьер, так пусть и займется копчением, — постановила Анжелика. — При этом он, по крайней мере, не наделает гадостей, а даже принесет пользу.

Затем крепко отругала его.

— Не заставляйте нас жалеть, что удалось спасти вам Жизнь, дубовая вы голова! Если не хотите, чтобы вас связали по рукам и ногам вместо того, чтобы самому распоряжаться собой, то я прошу вас понять, что вы только выиграете, если послушаетесь меня, ибо вам не остается другого выбора, как быть покорным или повешенным, словно зловредное животное, каковым вы и являетесь.

— Повинуйся, Гиацинт! — закричал ему Аристид со своего ложа. — Ты хорошо знаешь, что спорить с ней нечего, да и не забывай, что это она заштопала брюхо твоему брату по побережью!

Подчинившись, отвратительный живодер сделал знак, что понял, и направился, размахивая длинными руками обезьяны, за ветками для коптильных костров.

Анжелика нашла среди команды двух-трех буканьеров и направила их вместе с Гиацинтом.

Донесшийся вскоре вкусный запах копченого мяса напомнил ей, что она целый день ничего не ела, и даже со вчерашнего дня, и даже... Вот это да! Последний раз она ела в Пентагоете вместе с бароном Сен-Гастинем, и внезапно она ощутила сильный голод.

Встреча с ван Рейком немного ее успокоила. Теперь, когда она знала, что Колена нет среди убитых,

чувствовала себя немного лучше. Кроме того, разве ван Рейк не прав?

Стоит ли делать драму и разрушать две жизни из-за пустяка? Безусловно, Жоффрей не из тех мужей, которых можно безбоязненно оскорблять, но ей необходимо преодолеть страх и объясниться с ним.

«Я скажу ему... правду! Что я не изменила, как он считает. Что Золотая Борода — это Колен. Он все поймет. Я смогу найти необходимые слова, чтобы он понял. Сегодня уже лучше, чем вчера. Мы снова действуем вместе. Жизнь заставила его вспомнить обо мне, обо всем, что нас связывает. Разве мы не пережили другие битвы... другие разлуки... другие измены? Но мы восторжествовали над ними, и нам удалось воскресить любовь еще более сильную, чем раньше».

Жизнь прошла по ним своим катком, научив определять цену настоящим чувствам, понимать, что нужно оставлять или приносить в жертву, чтобы сохранить лучшее, неоценимое. И слишком много зависело от них. Это ей тоже надо сказать ему. Они не имеют права проявлять слабость, обмануть надежды. Она подумала о своих детях, особенно о Канторе, который непрерывно вставал у нее перед глазами. Кто-то сказал, что ее младший сын вернулся на ее поиски в заливе Каско, и она почувствовала облегчение, узнав об его отсутствии. Но немного позже дошла весть, что «Ларошелец» вернулся как раз вовремя, чтобы принять участие в утреннем морском бое. Он патрулировал между островами.

Ради Кантора необходимо было их примирение как можно скорее, прежде чем сплетни достигнут ушей чувствительного юноши. Не позже завтрашнего вечера она постарается оказаться с глазу на глаз с Жоффреем.

Но сегодняшний день был еще не закончен, надо было сделать тысячу дел. Возле таверны мисс Каррер Анжелика подкрепилась пачатком молодой кукурузы,

которую торопливо поджарила на огне и так же торопливо сгрызла, наблюдая за приготовлением отвара из трав.

Большинство матросов сошло на землю, и бивуак был разбит в западной части большого пляжа.

«Сегодня вечером они будут готовы», — сказала мисс Каррер со всеведущим видом, не переставая наливать мужчинам пиво, вино, ром и водку.

Привезенная с «Сердца Марии» добыча была выгружена, пронумерована, разложена в бочках, сундуках, мешках под удовлетворенными взглядами моряков всех национальностей, каждый из которых в этом бою заработал награду.

Груз пирата Золотой Бороды пользовался достаточной репутацией, чтобы привлечь покупателей. Счетоводы с каждого корабля суетились вокруг товаров, отмечая суммы и ставя печати. Был там табак из Бразилии, сахарный песок, ром, рис, вино, бочонки с соленым салом; кроме того, некоторые деликатесы: семь бочонков свиных ушей, ветчина, одры, наконец, маленький обитый гвоздями сундучок, невероятно тяжелый, как говорили, содержащий драгоценные камни и знаменитые изумруды из Каракаса. Для охраны итого сундучка выставили двух часовых, пока его не отнесут в форт графа де Пейрака.

Придерживая подол юбки, Анжелика проложила себе дорогу в бурлящей толпе. Девочка в красном платье прыгнула на шею Анжелике, которая от неожиданности не сразу ее узнала.

— Роз-Анн, дорогая моя, как я довольна, что снова вяжу тебя!

Маленькая англичанка казалась очень обрадованной, как и Дороти и Джентон с Конегана.

Наконец Анжелика нашла человека с пряностями и сделала нужные покупки. В вечернем свете картина Девы на корме «Сердца Марии» сверкала золотом. От

залива шел резкий запах, и в этом смешении морских и земных запахов появилась женщина, пустившаяся в безумный танец под дробь кастаньет. Ее широкая юбка окружала ее то золотым, то красным ореолом, а взгляд, пронзительный и задорный, сверкал из-под накрашенных ресниц и упорно следил за проходившей Анжеликой.

— Это — Инесса, возлюбленная ван Рейка. Кажется, она владеет саблей так же хорошо, как и кастаньетами. Анжелика немного задержалась, чтобы посмотреть, как с кошачьей грацией прыгает эта «тигрица».

В этот вечер в Голдсборо всюду слышались пение, радостные возгласы, но и стоны умирающих и раненых, как победителей, так и побежденных.

Глава 3

Он появился перед Анжеликой в конце дня в облике бледного мужчины, который, пересекая осушенный отливом залив, прыгал со скалы на скалу, словно шел пешком из морской дали.

Анжелика находилась у входа в таверну мисс Каррер и неизвестно какой раз за день мыла руки у бочки с дождевой водой, тайком пытаясь смазать бальзамом кровоподтек на виске. Некогда было за весь день подумать о себе. Она почувствовала себя усталой и разбитой.

— Мессир де Пейрак зовет вас, — сказал мужчина, — на этот островок внизу. Надо, чтобы вы поспешили.

— Значит, есть еще раненые? — спросила Анжелика, бросив взгляд на стоявшую у ее ног полуоткрытую сумку, ставшую для нее необходимой.

— Может быть... Я не знаю.

Анжелика заколебалась. Мисс Каррер предупредила, что вместо надоевших ракушек она для восстановления сил разогреет для нее миску грудинки с капустой.

И затем было еще одно обстоятельство, которое мешало ей сразу последовать за этим человеком.

— А где ваша лодка? — поинтересовалась она.

— В лодке нет необходимости. Можно идти по суше. Дно залива полностью обнажилось.

В конце концов она пошла за ним. Отражение заходящего солнца в многочисленных лужах ослепляло Анжелику и вызывало боль в глазах. Вскоре возник островок, окруженный цепью рифов, покрытый черными елями, зеленым кустарником и березами. Темно-розовый пляж поднимался по отлогому склону в тени небольшого леса.

— Это там, — сказал человек, показывая на кромку деревьев.

— Я никого не вижу.

— Дальше есть поляна. Мистер де Пейрак находится там и ждет вас с остальными.

Он говорил монотонным, бесцветным голосом. Анжелику удивил цвет его лица, и она спросила себя, к какому экипажу он мог принадлежать. Медленно пошла вверх, утопая в глубоком песке, и достигла травянистого покрова. Действительно, среди деревьев показалась поляна со старым, потрепанным судном посередине. Призрачный силуэт накренившегося корабля возник среди травы, кустарника и лиан. Это была небольшая каравелла прошлого века. Очевидно, буря или могучий прилив занесли судно в это зеленое убежище, затем отступили, оставив его здесь навсегда.

Беззаботно пела птица. Ее пение подчеркивало тишину. Местность была пустынна. В этот помета Анжелика вспомнила обстоятельство, мешавшее ей сразу следовать за человеком с бледным лицом: ведь она незадолго перед тем видела, как граф де Пейрак высадился на берег и направился к амбару с пленными. Не мог же он быть одновременно и тут и там! Она оглянулась, чтобы позвать незнакомца, который ее привел, но он уже исчез. Озадаченная и охваченная чувством опасности, холодком пробежавшим по всему телу, она вновь обратила внимание на старое судно. Слышался только шум плещущихся среди скал волн и пение птиц, издающих сладострастные трели, которые раздавались с равными промежутками, как призыв или предупреждение.

Анжелика подняла руку к поясу, но вспомнила, что там нет никакого оружия. В смятении, она не посмела подать голос, боясь нарушить тишину. Когда решилась наконец начать отступление, то услышала шум шагов. Он доносился из-за судна. Это были тяжелые шаги,

приглушенные травой и мхом, но, как ей казалось, заставлявшие содрогаться землю. Анжелика оперлась о сгнивший борт судна. Сердце останавливалось. Когда из-за носовой части судна появилась громадная тень, зыбко вырисовываясь на сине-зеленой темноте подлеска, она подумала, что это великан или людоед...

Глава 4

Пробившись сквозь ветки, случайный луч света осветил всклокоченные волосы и спутанную рыжую бороду. Золотая Борода!

— Это ты? — спросил он.

Поскольку она молчала, он с недоверчивым видом Продолжал приближаться к ней. Его тяжелые ноги в сапогах с отвернутыми ботфортами, открывавшими мощные загорелые колени, сокрушали покрытую нежными цветами траву. На нем были короткие штаны, белая рубашка с открытым воротом и кожаная безрукавка, охваченная широкой перевязью. На этой перевязи не хватало четырех пистолетов в абордажной сабли. Он, корсар, тоже был без оружия. В нескольких шагах от Анжелики он остановился.

— Почему ты пришла ко мне? Чего ты от меня Хочешь?

Анжелика отрицательно покачала головой.

— Я пришла не к тебе, — наконец удалось ей выговорить.

Синие глаза нормандца пронзительно оглядывали ее. Колдовство, от которого он не мог защищаться, когда оказывался в ее присутствии, уже подействовало на него, выражение загнанного хищника покидало его, смягчая сердце.

— Как ты бледна, мой ягненочек! — нежно сказал он. — И что это у тебя на лице? Ты ранена?

Он протянул руку и кончиками пальцев тронул ушибленный висок. Анжелика задрожала с головы до ног. Одновременно из-за боли, причиненной этим прикосновением, и из-за мелькнувшей ужасной мысли. Она была одна с Коленом на этом островке! И если появится Жоффрей...

— Это пустяк, — вскричала она отчаянным голосом.
— Но уходи скорее, Колен, спасайся, мне надо вернуться.

Она бросилась к травяному склону и побежала к тому месту, где они переходили залив. Когда оказалась на берегу, то остановилась, охваченная ужасом: кипящая пеной гигантская волна шла на штурм берега. Анжелика, как безумная, пробежала вдоль воды. Она бросилась на еще видневшуюся вершину скалы, затем перепрыгнула на другую. Волна накрыла ее ноги, вторая заставила потерять равновесие. Мощная рука схватила ее и потащила назад.

— Что ты делаешь? — сказал Колен. — Разве не видишь, что это высокий прилив?

Анжелика устремила на него полный ужаса взгляд.

— Мы отрезаны на острове, — прошептала она.

— Это мне ясно.

— Но надо ехать!

— Не на чем. Лодки нет.

— Но это невозможно! У тебя должна быть лодка.
Как ты попал сюда?

— А я не знаю, как попал сюда, — довольно загадочно ответил он.

— И тот человек, который привел меня... Ты не встречал его? У него лицо такое бледное, как у мертвеца.

Внезапно Анжелика ощутила слабость и схватилась за одежду Колена.

— Колен, это был демон!

— Успокойся, — сказал он, обнимая ее. — На рассвете море отступит.

С раздирающим душу криком она вырвалась из его объятий.

— Нет, это невозможно! Я не могу провести здесь ночь... с тобой!

Снова бросилась к воде и начала расстегивать платье. Колен опять схватил ее.

— Что ты хочешь делать?

— Я отправлюсь вплавь, раз так надо. Я голая вернусь в Голдсборо, но не останусь здесь. Пусти меня!

— Нет, я не отпущу тебя!

Крича, она начала бороться с ним. Безуспешно... Колен причинял ей невыносимую боль, сжимая ее руки в железных пальцах, но не отпускал ее, и она чувствовала, что не сможет ничего сделать с этой геркулесовой силой. Внезапно он поднял ее, как пушинку, и понес наверх, где продолжал держать на руках, пока она исчерпала силы и не прижалась с рыданиями к его груди.

— Я погибла... Он никогда не простит меня!

— Это ОН ударил тебя?

— Нет, нет! Это не он! О Колен, это же ужасно! Он узнал... И теперь он больше не любит меня. О, что же будет со мной? Теперь он убьет меня.

— Успокойся.

Он нежно ее убаюкивал, с силой прижимая к себе, чтобы усмирить сотрясавшую ее неудержимую дрожь. Когда она качала немного успокаиваться, Колен поднял глаза к первой звезде, которая зажглась на небе.

Потянулся ночной туман и скрыл огни Голдсборо. Они действительно были одни. Взгляд Колена вернулся к прятавшейся у него на плече золотистой головке.

— Все это не так уж серьезно, — сказал он низким голосом. — Сейчас ничего другого не остается, как ждать утра. Позже посмотрим. Успокойтесь, госпожа де Пейрак.

— Отпустите меня.

— Я отпущу вас, если пообещаете не бежать к воде и терпеливо ждать, когда путь к возвращению станет безопасным.

Он нагнулся, открывая ее лицо, глядя на нее с мягкой иронией, как на безрассудного ребенка, которого надо переубеждать.

— Обещаете?

Анжелика согласно кивнула головой. Он отпустил ее, и она сделала несколько шагов, очень неверных, прежде чем упасть на песок. Болело все: руки, ноги, голова... Ах, надолго запомнится этот день и возвращение в Голдсборо!..

Судорога скрутила желудок.

— А теперь я умру от голода! — воскликнула она с гневом.

Не говоря ни слова, Колен удалился, затем вернулся с охапкой сухих сучьев, разжег костер между тремя большими камнями и снова ушел.

Позже он показался, держа мокрого омара, который возмущенно размахивал клешнями.

— Вот приятель, который поможет нам провести время. Ловко развернув клешненого над жаром, он подождал, пока тот не стал ярко-красным. Затем разбил панцирь и протянул лучшую часть Анжелике.

Белое плотное мясо с приятным вкусом ободрило, и ее положение представилось теперь менее трагичным.

Колен наблюдал, как она ест, очарованный давно знакомыми движениями, которые всегда восхищали его своей неповторимой грацией.

Как же это он — святая простота — сразу не догадался тогда, глядя, как она ест, что это знатная дама?! Это умение без напряжения держать пищу пальцами, эта непринужденность, с которой она впивалась в нее зубами, все это было проявлением изящества, возможного только за столом королей... Анжелика насыщалась с жадностью и настолько погрузилась в свои мысли, что не обращала внимания на взгляд Колена.

Часто в Вапассу она мечтала о том чудесном времени, когда будет жить в Голдсборо, когда вернется туда, когда в обществе детей и друзей будет где-нибудь среди скал поджаривать омара или лангуста. Но никогда не приходило в голову, что дело может обернуться как в этом дьявольском кошмаре.

Полулежа с другой стороны костра, нормандец, опершись на локоть, не сводил с нее глаз. Он видел ее такой бледной в отблесках пламени, что боялся проронить хоть слово.

Она встала, чтобы пойти сполоснуть руки в воде. Торопливый бег вызвал у нее головокружение. Анжелика вернулась, отряхивая юбку.

— Моя одежда отдает кровью, порохом, потом несчастных и смертью. Сколько душ покинуло сегодня землю...

Она снова села, непроизвольно приблизившись к нему.

— Расскажите, — попросил Колен, — что произошло в заливе и в Голдсборо? Могу побиться о заклад, что какая-то гадость! Это на мой корабль напали «они»?

— Ну да! И они захватили его. Сейчас он в порту, полузатопленный. Половина ваших людей убита, остальные пленники или раненые. Это конец для вас, Золотая Борода! Больше не будете причинять неприятности честным людям. А где были вы в это время?

Она сама удивилась злобе и горячности, которые вложила в свои слова, тому охватившему ее желанию уязвить его побольше.

— Итак, я потерял все. Это второй раз... Нет, третий... Такова жизнь у искателя приключений и простого матроса.

Двенадцать лет неволи у варваров, бегство, скитания, обретение богатства. И снова ничего. Ждать смерти или какой-то другой жизни? Вас я тоже потерял,

— продолжал он, подняв на нее пронзительной синевы взгляд, перед которым она всякий раз испытывала волнение. — Прежде у меня оставались вы, ощущение, мечта, дорогой облик, мое богатство... Теперь все уничтожено.

— Колен! Колен! — воскликнула она. — Мой дорогой друг, какая пытка. Я принесла вам столько горя... я, так любившая вас. Зачем эти сожаления? Я недостойна их!

— Вам так забавно было видеть бедного невежду, который не умеет ни читать, ни писать, пресмыкающимся у ваших ног, как собака! Сколько раз я с болью переживал позорное открытие, сделанное в Сеуте: вы оказались знатной дамой, придворной. Вспоминая об этом, я сто раз был готов погибнуть от унижения.

— Колен, вы гордец, — холодно сказала Анжелика, — и глупец к тому же. Вы прекрасно знаете, что между нами никогда не было таких гнусных отношений. Что касается меня, то я восхищалась вами, уважала, сравнивала с самим королем. И считала своим повелителем и... вы меня ужасно напугали.

Позже вы стали тем, кто меня нес, оберегал, сделал счастливой, — ее голос перешел в шепот. — Очень счастливой! Колен Патюрель, вы должны попросить у меня прощения за слова, которые только что произнесли. И вот теперь вам следует стать на колени.

Он слушал ее, как зачарованный. Затем медленно расправил могучее тело и опустился перед ней на колени.

— Простите, сударыня.

На прекрасных бледных губах Анжелики он увидел рождавшуюся улыбку, материнскую, прощающую.

— Какой вы глупышка, Колен.

Женская рука протянулась, прикоснулась к крутому лбу, тонкие пальцы прошли сквозь густую шевелюру,

как это делают с детьми. Он поймал на лету ладонь легкой руки и поцеловал ее.

— Как ты властвуешь надо мной, — прошептал он. — Потому что ты знатная дама, а я только бедный раб.

— Нет, ты король, Колен.

— Нет, я раб.

— Ну, хорошо, ты король рабов!

Они весело рассмеялись, и отражение луны зажгло перламутровые искорки на губах Анжелики. Они были так близки, так полны соучастия, что малейшее движение могло соединить их губы, Анжелика ощущала это до головокружения. И с таким растерянным выражением вырвала руки из рук Колена, что он был взволнован до глубины души.

Это понятное движение явилось для него желанным подарком. Оно возвращало ему власть, в которой он сомневался столько лет. Тогда он встал и отошел на несколько шагов. Значит, все-таки он обладал властью вызывать волнение этого гордого тела, великолепного и пышного, и счастье; которое он дарил ему, не было только иллюзией. Он дорого заплатил за свое заблуждение. Какое жуткое пробуждение случилось в Сеуте. Какой удар!..

«Ну-ка, парень, в сторону! Эта женщина, без всяких сомнений, маркиза дю Плесси-Бельер. Из самого знатного рода королевства. Вдова маршала Франции. Очень знатная дама и... как поговаривают, была совсем недавно фавориткой Его величества. Сам король приказал отыскать ее. Нам надо доставить ее в апартаменты губернатора».

И «они» вырвали ее из его рук и увели ее, безвольную. Его сердце и любовь! Его прелесть, сестру по пустыне, его обожаемое дитя. И он оставался там долгие часы, покрытый ранами, потом и песком, неподвижный, оступевший, словно «они» вырвали его сердце из груди, вырвали даже внутренности, оставив

на их месте кровоточащую рану. Кто мог заставить его бродить по дорогим мира, кроме такой женщины! А ведь он нашел ее. И она не изменилась, даже стала более прекрасной. Вчера маркиза дю Плесси-Бельер, а сегодня графиня де Пейрак. И он с невыразимым страданием вспоминал, какой она могла быть доброй, нежной и веселой. И какой она была сметливой и ласковой в любви. Самая естественная женщина в мире, настоящая, самая близкая ему из всех, которых он когда-либо держал в объятиях.

Но если это правда, что она не гнушается им, он найдет в себе силы «посторониться» и исчезнуть с единственным сокровищем прошлого в душе, а ее оставить другому.

Разве не просила она его помочь не нарушать священную клятву?..

Глава 5

— Колен, как вы оказались на своем островке? Кто привез вас сюда? И почему не были на корабле во время боя?

Приблизившись к ней, он сел и сообщил о подозрительных обстоятельствах, жертвой которых стал в этот день. Признался, что, похоже, зловердные силы вступили в игру, чтобы запутать и привести в эту западню.

Сегодня на рассвете, когда он находился в одном из небольших заливов, где скрывался несколько дней с намерением подготовиться к новому штурму Голдсборо, подошла лодка с тремя матросами. Эти люди принесли сообщение от госпожи де Пейрак, которая послала их из Голдсборо С просьбой к капитану Золотой Бороде встретиться с ней, ибо она хочет просить у него помощи.

Встреча должна пройти в глубокой тайне, поэтому его никто не должен сопровождать.

— Эти неизвестные передали вам роковое мнимое послание от меня или что-нибудь, принадлежащее мне? — спросила ошеломленная Анжелика.

— По правде сказать, нет. Да я и не подумал потребовать от них. Знал, что вы в Голдсборо, и стремился увидеть вас снова. Передал корабль помощнику и прыгнул в лодку. Туман был такой густой, что я не мог определить, на какой остров они привезли меня. Мы ждали долго. Я думал, что туман задерживает ваше прибытие. Когда туман ушел и утро было в разгаре, до меня донесся гул канонады, я стал нервничать. Не знаю почему, но у меня появилось предчувствие, что напали на мой корабль. Я приказал этим людям отвезти меня обратно. Они начали вилать и

довели меня до того, что я вышел из себя. Завязалась потасовка. Не гарантирую, что один из парней сейчас не на том свете. Но и я получил хороший удар, от которого потерял сознание и сейчас терплю боль в затылке.

Когда пришел в себя, был один на этом островке, без всякого оружия. Спускался вечер. Чуть позже, когда почувствовал себя немного лучше, обошел вокруг острова и встретил вас возле разбитого корабля.

— Как выглядели эти люди? Он пожал плечами.

— Обычные моряки, каких много встречается на Карибах. И говорят понемногу на всех языках. Хотя нет, я не думаю, что они были совсем чужие. Скорее это французы.

Анжелика слушала его в мучительном напряжении. Она не могла избавиться от ощущения, что они стали жертвами алых духов, которые играют с ними, чтобы погубить.

События развивались стремительно и запутывались с такой хитростью, что она уже больше не знала, за какую ниточку ухватиться, чтобы распутать клубок.

— Колен, вы знаете, кто тот человек, которому вы доверили меня в заливе Каско? Хозяин барка, англичанин...

— Иезуит.

Анжелика с изумлением посмотрела на него.

— Итак, вы знали его? — воскликнула она.

Колен остановился и с задумчивым видом посмотрел на темный горизонт.

— Он приплыл в то утро и привязал свой барк к моему кнехту. Говорил по-английски, и я принял его за торговца. Он захотел поговорить со мной наедине в моей каюте и там раскрыл свою подлинную сущность. Принадлежал к ордену иезуитов и попросил передать ему госпожу де Пейрак. Его заявление не вызвало у меня сомнений. Он так необычно выражался и

пронизывал меня своим черным взглядом, что я не мог ошибиться.

Тогда я увидел в этом возможность дать тебе уехать. Если бы осталась, думаю, что снова попытался бы овладеть тобой и причинил тебе боль. Так было лучше. Я сказал: «Хорошо, я согласен. Будет сделано по вашему требованию».

Тогда он посоветовал не говорить тебе, кто хозяин барка. Это мне не особенно понравилось, но я всегда склонялся перед властью священников. Я думал, что они трудятся ради добра и знают, что делают. Однако у меня осталось ощущение, что тебе желают зла. Он причинил тебе какое-нибудь зло?

Анжелика покачала головой.

— Нет, — прошептала она.

Теперь она поняла, что происходило в мозгу Джека Мервина, когда он смотрел со скалы, как она погибает. В Макуа он удостоверился в ее личности, стремясь отвезти ее к тем, кто хотел удалить ее, разлучить со своими, уничтожить. И вот само море желает, чтобы она исчезла. Все так упрощалось. Но у него не хватило «святого» мужества присутствовать до конца ее агонии, видеть, как она навсегда исчезает под водой. И он нырнул.

— Те, кто дали мне средства в Париже и Казне, принадлежат к обществу Святого Причастия, — пояснил Колен. — Я пообещал оказывать услуги миссионерам в новых землях, где начну свое дело. Но не думал, что этот кусок так трудно будет поднять. Меня уверили, что этот район Голдсборо свободен от английских поселений.

— Но мы не английское поселение, — сказала Анжелика. — Эта земля фактически принадлежит моему мужу, который первым занял ее и добивается ее процветания.

— Почему вы вышли замуж за хозяина Голдсборо? Анжелика была обескуражена необходимостью дать ему ответ. Ведь это слишком долгая история, и затем она заметила, что все, касающееся интимности ее и Жоффрея жизни, было для нее очень чувствительным и ей претило материализировать в словах то, что принадлежало только им одним.

— О, не все ли равно, — сказала она с отсутствующим видом. — Он — мой супруг и больше для меня, чем все в мире, несмотря на все мои слабости, которые иногда меня подводят.

Они долго молчали.

— Вы знаете, чем меня взять, — наконец сказал Колен с горькой иронией. — Уважение священной клятвы! Вы нащупали единственную вещь, которая меня может удержать. Я остаюсь поэтому верен, несмотря на все мои прегрешения. Нельзя проливать кровь 12 лет ради верности своему Богу, чтобы не привязаться к нему крепче, чем к чему угодно хорошему на земле. Пусть Он даст знак «Стоп, Колен!»

Анжелика заметила, что давно испытывала бессознательное угрызение совести по отношению к Колену, ее возлюбленному в пустыне. Теперь она хоть знает, что он уцелел. Единственное, чего не знал он, это то, что она носила под сердцем его ребенка... Надо уничтожить связывающие их слишком интимные узы!

— Надо спать, малютка, — тихо сказал Колен, наклонясь. — Это неразумно сидеть так, скрючившись, словно нищенка. Скоро наступит день.

Она послушалась, доверившись его заботам, как когда-то, вновь ощутив его уверенные руки, когда он тщательно укутал ее в свой плащ и положил под ноги безрукавку из буйволово́й кожи. Закрыла глаза. Для ее наболевшей души исходившее от Колена пылкое обожание было бальзамом, успокоением для ее сердца,

которое, выходя из шока, начало испытывать страдания.

— Теперь спи, — прошептал Колен, — надо спать...

И погружаясь в бездонную бездну сна, она будто слышала шепот одиночества магрибских ночей...

— Спи, мой ангел. Завтра нас обоих ждет длинная дорога в пустыне. — Может быть, он и сейчас шептал это?

Глава 6

И снова Колен был тут, на фоне порозовевших от зари облаков, и осторожно тронул ее.

— Море уходит...

Анжелика оперлась о локоть, отводя волосы от лица.

— Туман еще густой. Если поторопиться, ты сможешь пересечь залив незамеченной.

Время действительно было сообщником. Густой туман стоял сплошным непроницаемым экраном между Голдсборо и островком. У Анжелики мелькнула мысль, что можно вернуться в Голдсборо, не привлекая внимания, и что, по чудесному стечению обстоятельств, ее отсутствие пройдет незамеченным. Ибо кто может беспокоиться, провела ли она ночь в своей комнате?

Да и муж, соблюдая ледяную холодность в их отношениях с минувшего дня, вряд ли интересовался этим.

При небольшом везении ее экспедиция, непредвиденная и необъяснимая, могла остаться незамеченной. Она поспешила к берегу. Колен держался позади нее.

— А что будет с тобой? — внезапно спросила она.

— Со мной?.. Я постараюсь отыскать тех, кто украл мой тесак и мои пистолеты. А затем попытаюсь ускользнуть.

— Снова?! — воскликнула она. — Колен, ты же один! У тебя больше нет ничего!

— Не беспокойся обо мне. Я уже не ребенок в кружевах. Я — Золотая Борода... не забывай!

В нерешительности она остановилась, балансируя на одной ноге, не зная, как ей его покинуть. Она почувствовала ужасную развязку, ожидавшую этого

человека. Ведь он был даже безоружен, и когда туман рассеется, станет просто преследуемым животным, желанной добычей для острых глаз его врагов.

— Иди! — нетерпеливо сказала она и подумала: «Мне необходимо найти Жоффрея и рассказать ему все. Пусть он хотя бы позволит ему убежать, навсегда покинуть Французский залив...»

Еще раз обернулась, чтобы унести с собой образ викинга с синими глазами. В ее взгляде, внезапно наполнившемся ужасом, он увидел грозившую ему опасность.

Резко обернулся и отпрыгнул, став с разведенными мощными руками, готовый хватать, душить, бить и убивать. Человек в черных доспехах бросился на него, за ним четверо... шестеро, затем целый десяток. Они появлялись отовсюду: из густого подлеска, из-за скал... Бросились на нормандца, не производя ни малейшего шума. Даже в тот момент, когда обрушились на Колена, она не поверила в реальность происходящего. Забыла, что это выбранные Пейраком люди, обученные коварству змеи, ловкости кошки, жестокости индейцев, и что в них текла кровь мавров.

Педро, Хуан, Франциско, Луис... Она знала всех их, но в этот момент больше не узнавала. Они были воплощением злой и дикой силы, ожесточившейся против Колена, пытавшейся укротить его. Их зубы скрежетали и ярко сверкали.

Колен боролся, как лев, осажденный сворой псов. Он бил голыми кулаками, ранился о стальные каски и ускользал от ударов в таком яростном порыве, что только после долгих попыток людям, вцепившимся в его одежду, удалось схватить его и повалить на землю.

Над ним поднялось копье. Прозвучал голос Анжелики:

— Не убивайте его!

— Не бойтесь ничего, сеньора, — раздался голос дон Хуана Альвареца. — Мы хотим только оглушить его. У нас Приказ взять его живым.

Темный взгляд дон Альвареца, надменный и полный осуждения, остановился на Анжелике.

— Извольте следовать за нами, сеньора, — сказал он властным голосом.

В глазах дон Хуана она читала осуждение. Он не сомневался, что эту женщину, которую он почитал как супругу графа де Пейрака, обнаружили в руках любовника. Бесполезно оправдываться в глазах Альвареца. Для него она была виновной.

По лбу Колена текла кровь. Снова поставленный на ноги, основательно скрученный, он ничего не говорил, не пытался больше сопротивляться. Заложенные за спину руки были связаны у запястий и локтей, ноги спутаны. Он мог двигаться вперед самыми короткими шажками.

Повернувшись спиной к далекому Голдсборо, чьи деревянные дома и розовые скалы стали просматриваться в розовом тумане, небольшой отряд, сопровождавший Анжелику и пленника, пересек островок, пройдя мимо старого разрушенного корабля. Две лодки ожидали в маленькой бухточке.

Пригласив Анжелику занять место в одной из лодок, дон Альварец протянул затянутую в перчатку руку, желая помочь, но она пренебрегла его помощью. Он уселся. Она заметила, что за последние два дня дон Альварец постарел лет на десять. Раздираемый между привязанностью, которую питал к графу де Пейраку, и той, которая так героически разделяла с ним трудности зимовки, несчастный испанец страдал пылко и страстно. Он занял место напротив. Ожидавшие на берегу матросы вместе с наемниками заняли места и оттолкнули лодку в течение, вторая, с остатками отряда, последовала за ней.

Анжелика сказала себе:

«Я пропала; когда он узнает, то убьет меня...»

Ее мозг словно застыл. Усталость ужасного дня, пережитого накануне, полного забот о раненых, и слишком короткий ночной отдых сделали ее совершенно беззащитной.

Она чувствовала себя больной и действительно была больна. С посиневшими губами, стуча зубами от холода, несмотря на жару летнего дня, она тем не менее пыталась не потерять самообладания.

Но куда же они направляются? Лодки повернули к востоку, следуя вдоль берега. Оконечность полуострова была в нескольких кабельтовых, и когда они обогнули мыс, за ним сразу же оказался окруженный скалами пляж, на котором виднелось несколько вооруженных мужчин. Место было скрытое, в стороне от Голдсборо и других жилищ. Перед группой людей она узнала высокую фигуру Жоффрея де Пейрака в раздуваемом ветром плаще.

«Он убьет меня, — повторила себе, охваченная своеобразным смирением. — Я не успею даже открыть рот. Собственно, он не любит меня. Раз он не может понять... Ах, я буду так счастлива умереть. Бели он не любит меня, для чего жить?»

Лодки подошли к берегу. Прибой был сильным, и на этот раз Анжелика была вынуждена принять руку дона Хуана, чтобы выйти на сушу. Она оказалась рядом с Коленом, обоих окружали испанские солдаты, тогда как матросы привязывали лодки.

Оторвавшись от основной группы, граф де Пейрак направился к ним. Анжелика никогда бы не поверила, что вид ее мужа может вызвать у нее такую боязнь, особенно после долгих месяцев, проведенных вместе в форте Вапассу.

— Это он? — глухо спросил Колен.

— Да, — шепнула Анжелика с пересохшим ртом.

Граф де Пейрак не торопился. Он приближался с надменным безразличием, которое в данном случае являлось оскорблением, подчеркивая презрение и угрозу. Лучше бы он был вне себя от ярости, как в тот вечер. Анжелика предпочла бы любую вспышку этому ужасному оживлению, этому приближению хищника, собирающегося прыгнуть.

Па нем был зеленый бархатный костюм. Она видела его в прошлом году на «Голдсборо» в этом костюме любимого им темного оттенка с кружевами на воротнике и обшлагах. Шляпа из черного кастора с белыми перьями, трепетавшими на ветру, покрывала густые волосы.

Сегодня на его поясе не было оружия. Два пистолета с серебряными рукоятками выглядывали на его груди из-за вышитой золотом портупей, удерживающей шпагу.

В нескольких шагах от них он остановился. Анжелика хотела сделать какое-то движение, но удержалась. Колен пробурчал:

— Не стой передо мной. Это бесполезно.

Сгрудившиеся вокруг испанцы с трудом удерживали его. Неподвижный граф де Пейрак продолжал с особым вниманием рассматривать его. Склонив голову немного набок, хозяин Голдсборо напряженно вглядывался в флибустьера и Анжелику, которая не могла оторвать глаз от мужа. Она заметила, как затуманился его взгляд. Затем язвительная улыбка перекосила поврежденную щеку, где пересекавшие ее шрамы сегодня стали особенно заметными.

Сняв правой рукой шляпу, он направился к пленнику. Остановившись перед укрощенным пиратом, Жоффрей де Пейрак в восточном приветствии приложил руку ко лбу и сердцу.

— Салям алейкум.

— Алейкум салям, — машинально ответил Колен.

— Приветствую тебя, Колен Патюрель, король рабов в Микенезе, — продолжал де Пейрак по-арабски.

Колен вглядывался в него испытующим взглядом.

— Я тоже узнал тебя, — сказал он наконец на том же языке. — Ты... ты Рескатор, друг Мулей Измаила. Я помню, как ты сидел рядом с ним на вышитых подушках.

— А я помню тебя в цепях, привязанного к виселице, — заметил граф, — на Торговой площади в компании грифов...

— А я по-прежнему в цепях, — сказал Колен простодушно.

— И, может быть, скоро окажешься на другой виселице, — сказал граф с холодной улыбкой, заставившей задрожать Анжелику.

Она не забыла арабский и могла следить за этим ошеломляющим диалогом. Почти такой же высокий, как Колен, Жоффрей, казалось, подавлял своего мощного противника, возможно, из-за господской осанки его сухощавой фигуры. Это были два противоположных существа, пришедшие из различных слоев общества. Их неожиданная встреча лицом к лицу, внешне спокойная, полнилась грозным содержанием.

Воцарилась долгая, глубокая тишина, во время которой граф, очевидно, взвешивал создавшуюся ситуацию. Он не сделал ни одного гневного жеста, но Анжелика чувствовала, что она больше не существует для него, а если и существует, то как предмет навязчивый, чье присутствие он старается не замечать любой ценой.

Равнодушие или презрение?.. Она не знала, и это казалось ей невыносимым. Она предпочла бы, чтобы он ее ударил или убил... Своим поведением впутал ей, что она была женой, нарушившей супружескую верность, опозоренной, выброшенной из сердца и ожидавшей рядом с любовником-сообщником вынесения вердикта.

Теперь, когда он узнал, кто такой Золотая Борода, поймет ли он хотя бы немного ее слабость? Ей хотелось набраться мужества, заговорить и сказать:

«Объяснимся...»

Но она ощущала присутствие солдат и матросов, а также образовавших круг дворян, безмолвных, скрывавших любопытство под безразличием: Жиль ван Рейк, фламандский корсар, Ролан д'Юрвиль, еще один француз, которого она не знала, этот английский адмирал, такой изысканный, и его помощник, еще более украшенный лентами и бантами. Зачем Жоффрей привел их на эту трагическую встречу, где его супружеская честь рисковала подвергнуться тяжкому испытанию?

Она вся была во власти страха. Страх, внушаемого этим незнакомцем, который был, однако, таким близким! Жоффрей де Пейрак, загадочный чародей, ее супруг! Сердце ее разрывалось... А он ни разу не взглянул на нее. Анжелика чувствовала себя такой потрясенной и побежденной, что не замечала, как на нее поглядывает Колен. Он тайком уловил выражение отчаяния и мраморную бледность прекрасного лица, которое безобразил синий ушиб, и то, что он прочел в глазах Анжелики в адрес того, кто ее ударил, заставило его опустить голову.

Он откроет истину...

Значит, этого человека она любила. Этого Рескатора, которого он видел в Микенезе, въехавшим в город в сопровождении пышного эскорта. Величайший ренегат, надругавшийся над страданиями пленных... Золото и серебро завоевали ему невиданный авторитет. Мулей Измаил относился к нему с большим уважением. Теперь это был он, кого любила Анжелика. Это был тот, кто обладал ею... И она была одержима им... до глубины души, сердца и самого чрева... И у нее нет больше ни

стыда, ни гордости, ничего... Она становится беспомощной, как ребенок.

Он понял. Он, Колен, пленник, был ничем для нее. Несмотря на женские слабости, которые она иногда к нему проявляла. Никаких иллюзий относительно того, что делалось там, далеко... И его благородное сердце пылко пожелало сделать еще что-нибудь для нее, его сестры по каторге, бывшей всем светом — райским, ярким, ослепительным.

Он обязан это сделать для нее. И сделает это, раз это имело значение только для нее.

— Монсеньор, — сказал он, гордо поднимая голову.
— Монсеньор, сегодня я в ваших руках, и это честно. Я — Золотая Борода. И я выбрал эту часть побережья для набегов. У меня были свои основания, а у вас свои. Фортуна повернулась к более умелому и быстрому. Я проиграл! Признаю себя побежденным, и можете делать со мной, что вам вздумается. Но прежде чем приступить к суду и вынести приговор, надо чтобы все было ясно. И если вы повесите меня, то только из-за того, что я пират, но... не потому, что я виноват в другом, монсеньор! Другого не было, клянусь вам в этом! Воспоминания, вот и все. Вам это должно быть известно, раз вы узнали меня. Всегда остаются друзья-до те, кто был пленниками в Берберии... Такие вещи не забываются. И я могу подтвердить под клятвой, монсеньор, что ни по моему желанию, ни по ее, — уточнил он, кивая головой в сторону Анжелики, — произошла эта неприятная ночная история. С приливом здесь не шутят, вы это знаете не хуже меня; когда он захватит вас на островке, ничего другого не остается делать, как набраться терпения и ждать... Но клянусь вам честью моряка перед вашими людьми и этими господами, которые слушают меня, что в эту ночь не произошло того, что могло бы бросить тень на

репутацию вашей жены, графини де Пейрак, ничего, что могло бы запятнать вашу супружескую честь...

— Я знаю, — ответил граф де Пейрак хриплым голосом и без всякого выражения. — Я знаю... Я был ночью на этом острове...

Глава 7

На этот раз Анжелику охватил гнев. Он сотрясал ее, как буря, опустошал, как циклон, и временами ей казалось, что она всей душой ненавидит Жоффрея де Пейрака. Удар сразил ее внезапно, вырвав из тревожного оцепенения в тот момент, когда он проговорил с иронической гримасой:

«Я был ночью на острове».

Отвернувшись от них, он сделал повелительный знак следовать в Голдсборо. Даже не взглянув на Анжелику, не мог увидеть на ее лице выражения отвращения, которое она не могла скрыть, услышав его признание, и быстро пошел по извилистой тропинке вдоль берега моря. Шел, как всегда, с высоко поднятой головой, в развевающемся по ветру плаще, не оборачиваясь, чтобы посмотреть на пленника, которого подталкивали солдаты, или на молодую женщину, шедшую в одиночестве, замкнутую в себе и иногда спотыкающуюся, даже не замечая этого, на кочковатой тропе.

В ее зеленых глазах можно было увидеть только отчаянную ярость. Она завладела ею целиком. Ярость, рожденная жгучим унижением и стыдом, источник которого не могла определить. Потрясенная, она не признавала, что особенно страдает из-за интимной стыдливости. Ее приязнь к Колену, ее нежность к Колену, — он был их свидетелем. Видел ее, кладущую руку на лоб Колена и смеющуюся вместе с ним. Это принадлежало только ей, это был тайный уголок ее жизни. Никакой супруг, даже самый дорогой, не имеет права все видеть и все знать. Впрочем, он не был больше для нее дорогим супругом, он был уже врагом.

Внезапно изменив ход мыслей, она представила себе облик мужчины, врага, вызвавшего еще большую ненависть, разочаровавшегося, обманувшегося, не оправдавшего надежд.

Затем заряд злобы и гнева помог ей взять себя в руки и идти дальше с высоко поднятой головой. Внутреннее состояние было таково, что уже не волновало, что бы ни произошло. Запрет ли он ее под охраной в форте? Прогонит? Отправит в изгнание? В любом случае она легко не поддастся и на этот раз сумеет защититься.

А вот судьба Колена казалась более трагичной, и когда на подходе к поселению их встретил, словно порыв грозового ветра, всплеск криков и возгласов, ее чувства стушевались, остался только пронзительный страх за жизнь Колена.

Она собралась с силами, готовая защитить его словом и делом от всех, не думая о своей безопасности, ибо это не должно произойти, она не вынесет такого ужаса: увидеть Колена повешенным или зверски убитым...

Она закроет его своим телом, защитит, как одного из своих детей. Разве не он нес ее на своей спине в пустыне?

Рев толпы нарастал, толпы, готовой к убийству. Невидимый вестник, который словно ветер пронесся по диким берегам, оповестил все население Голдсборо. К ларошелям и матросам с кораблей присоединились бежавшие, зеваки, индейцы, живо интересующиеся распрями и спорами своих белых друзей.

— Золотая Борода! Попался!

И «она» была с ним. Это тоже всем известно. Она провела ночь с ним на островке Старого корабля. «Их» привели связанными.

Крики, вопли, ругательства неслись навстречу, и когда разъяренная толпа бросилась к ним, испанские

солдаты ошетинились пиками, чтобы пленник не стал добычей жаждущих крови.

— Смерть! Попался, Золотая Борода! Бандит! Язычник! Ты зарился на наше добро! Вот тебя и схватили. Твоя Золотая Борода не спасла тебя. Мы повесим тебя на ней!..

А рядом с Золотой Бородой шла она, госпожа Голдсборо, госпожа Серебряного озера, фея с руками воительницы. Значит, правда, что рассказывали о ней и о пирате! И как ужасно было получить подтверждение этому! Этот низко-дробный разбойник лишал их нравственной силы, подлинной драгоценности в их жизни изгнанников, уважения, уважения, которое они невольно испытывали к графу и графине де Пейрак.

В окружавшей их атмосфере враждебности и ненависти Жоффрей де Пейрак впервые за сегодня взглянул на Анжелику.

Если бы она заметила это, может быть, терзающая ее боль и уменьшилась бы. Потому что в этом взгляде сквозило беспокойство, быстро исчезнувшее, когда он убедился, что она находится под защитой испанских пик.

— Безбожник! Похититель женщин!.. Падаль!..

Гиканье, насмешки налетали шквалами вместе с плевками. Колен со связанными руками кое-как продвигался вперед между солдатами. Ветер трепал его длинные волосы и спутанную бороду. Мрачный взгляд из-под кустистых бровей был устремлен вдаль над головами беснующихся, и он напоминал Прометея...

При входе в деревню группа была вынуждена остановиться под напором толпы, которую ни приказы д'Юрвиля, ни угрозы ван Рейка, ни решительный вид испанцев не могли успокоить.

Камень попал Колену в висок, другой задел ногу Анжелики. Неизвестно, откуда раздался крик:

— Дьяволица!.. Демон!..

Анафема долго отдавалась в чистом утреннем воздухе. И вдруг, словно ужаснувшись собственной вспышке, народ умолк. Тогда все смогли услышать голос графа, чье спокойствие, благородное поведение и поднятая в знак мира рука благотворно подействовали на их возбужденные нервы.

— Успокойтесь! — произнес он хриплым, но твердым голосом. — Золотая Борода схвачен!! Пропустите его! Предоставьте его моему правосудию!

Головы покорно склонились, толпа попятилась. Форт был уже близко. Анжелика услышала отданный приказ отвезти пленника в зал стражи и запереть под двойной охраной.

Она остановилась и, внезапно повернувшись, стала лицом к сгрудившимся людям. В первых рядах стояли протестанты Ла-Рошеля. И поняла, что если поведет себя, как виновная, и спрячется от страха в помещении форта, то больше не сможет выйти без риска быть побитой камнями.

Она прекрасно знала непримиримый характер ларошельцев, суеверную импульсивность моряков, тем более англичан. Единственным средством укротить их подозрительность и недоверчивость было заставить их признать себя, пресечь сплетни и при невозможности скрыть лицо женщины, изменившей мужу, какой ее и считали, смело показывать его всем, с его бледностью, кругами под глазами и бесславным следом супружеской мести — болезненным синяком. Высвободилась от тянувшей ее руки, возможно, дона Хуана Альвареца, который хотел увлечь а внутрь. Она не допускала, что ее могут запереть, разве что силой, если Жоффрей решится добавить еще такое оскорбление к тем, что она уже получила от него.

Неверная жена? Пусть будет так! Ну ладно, как должна вести себя обвиненная в измене жена, когда хочет отвести поток клеветы, сохранить достоинство

свое и даже мужа, спасти то, что может быть спасено? Быть готовой ко всему. И действовать так, словно ничего не произошло, никто ничего не знает, словом, как до того.

— Я хочу немедленно посмотреть, в каком состоянии раненые, — сказала она громким голосом, но, как всегда, спокойно, обращаясь к ближе всего стоявшей женщине. — Куда положили матросов с «Бесстрашного»?

Женщина пугливо отвернулась от нее. Но Анжелика уже смело шагала по Голдсборо, окончательно решив показать, какая она есть и какой хочет остаться в глазах всех. По знаку графа два солдата пошли за ней. Но это ее не тревожило. Она привлекала внимание к себе, и пересуды умолкали при ее приближении. Ее больше всего волновало, чтобы они не затронули душу и сердце Кантора.

Все это кружилось у нее в голове, опустошенной голодом и усталостью, но она сможет отдохнуть только после того, как снова возьмет Голдсборо в свои руки, и, изнемогая от усталости, переходила от одного раненого к другому. Большинство раненых с «Бесстрашного» вернулось к стоящему на рейде кораблю, но самые тяжелые и служившие на «Голдсборо» находились у жителей.

Анжелика входила в дома, требовала воду, корпию, бальзамы. Ларошельцы волей-неволей должны были ей помогать. Раненые пираты с «Сердца Марии» находились вместе со здоровыми в амбаре, окруженном кордоном хорошо вооруженных часовых. К тому же амбар был под огнем бастиона в углу форта, и эти предосторожности казались не лишними. Как сказали Анжелике часовые, их пленники, узнав о поимке Золотой Бороды, сильно взволновались и идти к ним представляло большую опасность.

Анжелика не боялась остаться одна среди пиратов «Сердца Марии». Наоборот, чувствовала себя там лучше, ибо были они сегодня, как и она, несчастными. Раненые тревожно вздыхали, скрывая беспокойство перед незавидным будущим. Не было ли для них это утро последним?

Победитель, хозяин Голдсборо, приходил накануне и орлиным взглядом провел по физиономиям висельников.

— Сударь, — решился спросить шевалье де Барсемпюи, — какую судьбу вы уготовили для нас?

— Веревку для всех, — свирепо ответил Пейрак, — на мачтах достаточно рей.

— Ну и повезло, — стонали пираты, — мы попали на более кровожадного, чем Морган!

Сами в большинстве кровожадные, имевшие в своем активе множество пыток, отрубленных рук, несчастных повешенных или изжаренных на кострах, они не рассчитывали на снисхождение. В охватившем их черном отчаянии при появлении Анжелики для них забрезжил свет. Суров мир мужчин, тем более морских авантюристов. Внезапно женщина заполнила пустоту в их душах, для всех стало облегчением увидеть ее снова этим утром, когда поймали Золотую Бороду. Она опускалась на колени у изголовья и сразу принималась за лечение раненых. Кое-кому пришла в голову мысль захватить ее, как заложницу, и спасти свои шкуры в обмен на нее. В подобной крайности разве это не было лучшим выходом, к которому уже прибегали... и не раз. На этом и остановились поползновения и экзекуции. Блестящие глаза не отрывались от золотистой гривы Анжелики, мелькавшей то тут, то там в дурно пахнущей полутьме. На никто не шелохнулся. Только Барсемпюи нарушил молчание, задав ей вопрос:

— Правда ли, сударыня, что Золотую Бороду поймали? В полнейшей тишине Анжелика подтвердила

это.

— Что же будет с нами и с ним? — продолжал лейтенант взволнованно. — Ведь невозможно, чтобы его казнили, сударыня. Это человек необыкновенный, и мы любим нашего Капитана.

— Его судьба зависит от решения мессира де Пейрака, — сухо ответила Анжелика. — Он здесь хозяин.

— Да! Но вы — хозяйка! — выкрикнул скрипучим голосом Аристид Бомаршан. — Судя по тому, что говорят...

Тут же под сверкающим взглядом Анжелики он скорчился и обхватил свой живот обеими руками, словно беременная женщина, защищающая от удара свой драгоценный груз.

— Ты... ты лучше помолчал бы, — бросила она. — Я кончу тем, что тебя прирежу!

Остальные расхохотались, радуясь разрядке. Закончив работу, она покинула их, будучи не в настроении шутить с этим негодяем, но как только дверь закрылась, она больше не желала ему зла.

Как бы она себя не убеждала и не пыталась защищаться, всегда кончала тем, что смягчалась перед ранеными и побежденными. Разбойник или солдат, траппер или моряк, едва начинала ухаживать за ними, как уже не могла удержаться от привязанности к ним. Это непреодолимое влечение вело к знакомству, рождавшемуся, когда она склонялась к их ранам. Больной человек легко уязвим. Поэтому охотно доверяется и открывает свою душу, но если сопротивляется, вполне может обмануть. Даже дикари со злобными характерами, но ослабевшие, всегда оказывались завоеванными Анжеликой. Когда становила их на ноги, то делала с ними что угодно. Они ощущали, иногда с испугом, что отныне она знала их лучше, чем они сами себя.

Она распорядилась принести пленникам шашечницы и трик-трак, игральные карты и жевательный табак, чтобы время их заключения проходило не так тягостно.

Глава 8

Другое дело — сойтись с дамами из Голдсборо. Тут уже пощады не жди. Надеяться на слабость нечего, она это знала. Их природная добродетель питала дух справедливости и осуждения и наделяла невероятной язвительностью, которую ничто не могло истощить.

Но этим она тоже должна закрыть рот, прежде чем паутина лжи не свяжет всех в комок грязи, из которого невозможно будет выбраться.

Перед тем как толкнуть дверь таверны, где, как она чувствовала, они собрались, Анжелика испытала легкое колебание.

Миссис Маниголь восседала более величественная, чем когда-либо, мисс Каррер суежилась по хозяйству, Абигель Берн стояла за камином с выражением решимости. Приход Анжелики, видимо, прервал спор, в котором Абигель, очевидно, снова оказалась неугодной своим товаркам из-за мягкости ее суждений.

— Мадам Каррер, будьте так любезны, отнесите мне обед в башню. Прошу вас также нагреть воды, чтобы я могла помыться.

— «Вся вода рек не может отмыть виновную душу, и вся пища земная не насытит ту, кто набьет себе синяк, оскорбив Господа», — процитировала Маниголь, смотря в сторону.

Несмотря на возбуждение и раздражение по отношению к кумушкам, Анжелика знала, что эти женщины, которых она рассматривала как подруг, были в растерянности, ибо их мнения разделились.

За непримиримостью дам из Голдсборо к считавшемуся скандальным поведению Анжелики скрывалось возмущение изменой человеку, к которому

все питали глубокое уважение и даже более тонкие чувства.

И вот перед ними появилась Анжелика, близкая и так отличающаяся от них, такая, какой она уже была, разделив их трудное существование в Ла-Рошели. И они вспомнили, что Анжелика бежала с ними по ландам, чтобы избавиться от драгун короля, увлекая их за собой ради их спасения.

— Вот и благодарный предлог и чистая правда, — сказала Анжелика, смерив величественную даму спокойным взглядом. — Я думаю, что речь идет обо мне, не так ли, дорогая Маниголь? Я благодарна вам за это, но в таком случае дело не в моей душе, виновной или невинной, а в восстановлении моих сил. Должна вам заметить, сударыня, что за два дня после моего прибытия в Голдсборо у меня во рту побывал только один початок кукурузы. Попросив накормить меня, я выразила вполне естественное стремление, которое, похоже, вы также испытываете.

Действительно, перед большинством из них стояли тарелки с пахучим рагу и кубки вина. Захваченные распах, они замерли с ложками в руках.

— О, прошу вас, — снисходительно продолжала Анжелика, — не беспокойтесь из-за меня. Продолжайте. Подкрепиться — ваше законное желание, мои дорогие подруги. Так что пришлите мне еду, мадам Каррер, и поскорее. Абигель, дорогая, вы можете проводить меня немного? Я хочу сказать вам несколько слов наедине.

Став на первую ступеньку ведущей в ее комнату лестницы, Анжелика посмотрела на жену мэтра Берна опустошенным взглядом. — Абигель, вы сомневаетесь во мне?

Маска слетела с ее лица, и стало видно, как она измучена. В страстном порыве Абигель бросилась к ней.

— Сударыня, ничто не может поколебать дружеские чувства, которые я испытываю к вам, если вы не видите

в этом оскорбления.

— Вы переставили роли, милая Абигель, это для меня ваша дружба всегда была драгоценной. Неужели вы думаете, что я когда-нибудь забуду, как вы были добры ко мне, когда я приехала в Ла-Рошель с ребенком на руках? Вы не проявили презрения к бедной служанке, какой я тогда была. Так что оставьте этот подбострастный тон, неуместный между нами. Я благодарна за то, что вы говорили обо мне. Вы вернули мне мужество. Я еще не могу объяснить, что происходит, но, поверьте, ничего ужасного, что бы ни говорили злые языки.

— В этом я глубоко убеждена, — подтвердила дочь пастора Бокера. Ее светлые глаза подтверждали ее привязанность.

Анжелика дрогнула и, не в силах больше сдержать себя, припала лбом к плечу Абигель.

— Абигель, я боюсь, мне кажется, что я попала в адский водоворот, что угрозы возникают со всех сторон, чтобы окружить меня. Если он больше не любит меня, что со мной станет?! Я не виновата... не так виновата, как говорят. Но все складывается таким образом, чтобы осудить меня.

— Я знаю прямоту вашего сердца, — сказала Абигель, успокаивающе поглаживая Анжелику, — и... люблю вас!

Услышав шум шагов, Анжелика живо выпрямилась. Никто, кроме Абигель, не должен видеть ее слабость. Но добрая подруга вернула ей силы. Она взглянула на нее понимающим взглядом.

— Они, конечно, хотели бы увидеть, как я уезжаю, не так ли? С них уже довольно присутствия грешницы в Голдсборо! Но не бойтесь ничего, Абигель. Я приехала, чтобы помочь вам при родах, и останусь, пока вы будете нуждаться во мне, какую бы адскую жизнь они ни пытались мне устроить.

Увы, ничего из того, что она предполагала сделать, не состоялось. Она мечтала посидеть у огонька у своих друзей, обменяться новостями... Затем посетить новые постройки. Проверить отчеты и устроить празднества, в которых приняли бы участие экипажи стоящих в порту кораблей.

Но действительность оказалась другой. Очень далекие от праздников, эти летние дни катились, как мутный поток, несущий страдания, горе, отчаяние и раздувающийся с каждым часом от прилива таинственных опасностей.

Глава 9

Что думает Жоффрей? Что он решил сделать с ней? С Коленом?

Молчание и его отсутствие становились невыносимыми. Каждую минуту этого дня, тянувшегося века, она и боялась и надеялась, что он позовет ее. Она предстанет перед ним, и пусть будет все, что угодно...

Ярость и гордость, инстинкт самозащиты, поддерживающие ее утром, покидали по мере того, как шли часы.

В одиночестве, в неведении, он подверг ее настоящей пытке, лишившей последних сил, и она едва смогла сделать несколько глотков заказанного кушанья, которое мадам Каррер принесла ей. После полудня отправилась на поиски Кантора и нашла его, очень озабоченного, в порту.

— Не слушай сплетни, которые ходят обо мне, — лихорадочно сказала она. — Ты знаешь, как суеверны люди... Разве в Квебеке не называли меня... демоном? Достаточно женщине попасть в плен к пирату, чтобы клеветники стали плести паутину лжи. Золотая Борода проявил ко мне рыцарское отношение, я когда-нибудь объясню тебе, кто он и почему нас связывает дружба.

— Во всяком случае я не буду присутствовать на экзекуции, — заявил Кантор, который, похоже, не хотел задерживаться на этих вопросах. — Я отплываю с приливом до «Ларошельце»... Отец доверил мне командование им.

Он выпрямился, явно гордясь обязанностями капитана В свои 15 лет и ничуть не заботясь о слухах, волновавших колонию. Выпятив грудь, добавил, занятый своим назначением:

— Я должен доставить в Хоуснок товары, а затем сопровождать в Вапассу Курта Рида и шестерых новобранцев, которых тоже возьму на борт.

— Как?! — воскликнула Анжелика, — Через несколько часов в Вапассу отправляется караван, а меня даже не Предупредили? Лорье! — позвала она проходившего мимо мальчика. — Скорее иди сюда, и помоги собрать ракушек для Онорины.

После этого она едва успела написать письмо Жонасам и Малопрадам.

— Шевелись, шевелись, прилив не ждет, — командовал кантор.

Швейцарец Курт Риц стоял на молу с алебардой в руке, проверяя грузившиеся в шлюпку тюки и вещи его людей, Которые по случаю отплытия надели свои национальные костюмы.

Курт Риц вполне соответствовал тому, что требовалось от сержанта, должного быть человеком умелым, храбрым, учтивым, мудрым, готовым всегда к встрече с врагом. К тому же он носил шпагу, пожалованную ему на службе короля Франции во время войны с Турцией. Анжелика не видела его с той ночи, когда он карабкался по корме «Сердца Марии», не считая краткого столкновения в темноте в вечер ее возвращения, и какое-то время искала глазами, не узнавая.

Ей показали его. Вручила свое послание Жанасам, не обращая внимания на его презрительный взгляд. Конечно, он всегда будет презирать ее за то, что видел на корабле. Будет ли он рассказывать об этом также и в Вапассу? Она не могла унизиться до того, чтобы просить его молчать.

Заметив графа де Пейрака, спускавшегося к порту вместе с Роланом д'Юрвилем и Жилем ван Рейком, она убежала. Почему убежала? Из-за чего? Из-за мужа?

Она блуждала среди новых жилищ Голдсборо, чьи обитатели тоже отправились в порт, чтобы присутствовать при отплытии яхты. На этот раз не нашла в себе мужества быть там, в нескольких шагах от него, перед толпой, глазеющей на них.

«А следовало быть там, — бранила она себя. — И помахивать шарфом, когда маленькое судно под командованием храброго юнца Кантора де Пейрака поднимет паруса...» Но не смогла. Впервые с утра проявила такую слабость.

Необходимо поговорить с мужем и высказать свои доводы. Но чем закончится их стычка? Пока она не обеспечит судьбу Колена, Жоффрей останется нависшей над ней угрозой, нельзя не признать этого, врагом, которого трудно провести.

Сколько раз прежде граф де Пейрак подтверждал свое беспощадное право убить осмеливающегося похитить у него жену. У нее замирало сердце, когда вспоминала его слова.

Колен осужден, но не как пират, а как соперник. Но этого не может быть! Не из-за такой мелочи! Не из-за нее! О Господи, не допусти этого!..

Глава 10

Вечером в форте куда вернулась с приближением ночи, она все-таки заметила посредине комнаты два сундучка, которых раньше там не было.

В одном оказались платья, другая одежда, белье, перчатки, туфли. В другом — драгоценности, украшения и всевозможные мелочи, так необходимые для повседневной жизни.

Должно быть, Жоффрей де Пейрак отдал соответствующее распоряжение Эриксону перед его отплытием осенью, и «Голдсборо» доставил все это. Изысканность, прелесть и красота исчезнувшего мира.

Анжелика едва коснулась украшений, слегка приподняла платья, словно они были сняты с умершей любви. Она не могла понять, для чего их принесли сюда вечером, и в том состоянии духа, в котором находилась, это показалось ей новой ловушкой.

Отвернувшись от этих пышных подарков, как от оскорбительной насмешки в ее горе, захотела немного поспать. Ока содрогнулась при мысли о том, что могло произойти за это время. Что если, пробудившись утром, увидит тело Колена раскачивающимся на виселице?

В сгустившихся сумерках она отправилась на поиски мужа, но нигде не нашла его. Одни говорили, что он уехал в лем, другие — отплыл на шебеке, чтобы встретиться с каким-то кораблем. В полном отчаянии все-таки решила немного передохнуть.

Но тревога не оставила ее и при пробуждении. После короткого свинцового сна она проснулась среди глубокой ночи и, чувствуя, что больше не заснет, отдалась мрачным мыслям.

Отдых пробудил у нее злобу к мужу. Ее слишком задело его поведение нетерпимого хозяина,

недоверчивого... Жоффрей предоставил ее на годы самой себе, а теперь требовал всего, даже ее верности в прошлом. Проявлял ли он столько щепетильности, когда наслаждался с другими женщинами? Теперь вот решил грубо сорвать завесу с тайн, принадлежавших только ей одной. И предъявить счет, обвиняя в большем, чем она делала во время своего «вдовства», возбуждавшего его ревность.

В свою очередь, вызывая в памяти эти 15 лет вдали от него, она особенно отчетливо видела длинную череду одиноких холодных ночей, в которых расцвет молодой и красивой женщины расточался на слезы, мольбу и скорбь...

Когда она содержала «Красную маску», узкая кровать всегда ждала ее, падающую от усталости. За время ее «шоколадного периода» Нинон де Ланкло упрекала ее в излишней скромности.

Словно огни светлячков, слабые, мерцающие, быстро гаснущие, вспыхивали ночи любви то в объятиях парижского поэта, то полицейского Дегре. И тот и другой были слишком заняты своей жестокой забавой, чтобы долго заниматься ею. При дворе, несмотря на его эротическую атмосферу, была ли ее любовная жизнь более чувственной? Страсть короля предохраняла ее...

Несколько ночей с преследуемым венгерским князем. Любовный эпизод на ходу с герцогом де Лозеном, ложный шаг, который мог бы обойтись очень дорого. И с Филиппом, ее вторым мужем? Раз два, может быть, три...

И это все. А затем Колен... Утешение в пустыне...

Взвесив все, она заявила себе, что за 15 лет меньше занималась любовью, чем любая добропорядочная мещанка в постели законного супруга за три месяца... или она в объятиях Жоффрея за еще меньшее время.

Так почему же столько неприятностей из-за одного поцелуя?

В сущности, что такое поцелуи? Облизавшиеся и слившиеся вместе губы. И это. сближает сердца. Два далеких существа движутся по спирали и чудесным образом встречаются, узнают друг друга во мраке ночи, где они слишком долго блуждали в одиночестве...

Неужели все заключается только в этом поцелуе?.. Тогда Жоффрей прав, питая к ней неприязнь за этот поцелуй, которым она обменялась с Коленом, ставшим Золотой Бородой.

Чтобы вновь обрести равновесие, ей следовало бы дать правильную оценку неверным шагам, но самой это не удавалось. Снова и снова осуждала себя за все содеянное, но опять приходила к тому, что красивая женщина, в конце концов, имеет право иногда делать по-своему.

Сырой ватный рассвет вырвал ее из адского круга. Она потянулась, усталая и разбитая, на холодном пустынном ложе. Ее мучила неуверенность в судьбе Колена.

Из тумана долетали шумы пробуждающегося порта и деревни. Удары молотка! Возможно, строят виселицу? Анжелика вздрогнула. Виселица? Сбивают гроб? Надо бежать туда и действовать.

Но день прошел под шум непрерывного ветра, и ничего не случилось.

Прошел вечер, опустилась ночь без малейшего проблеска из-за набухших дождем туч. Анжелика, ухватившись за оконные косяки, смотрела через стекло на сидящих лицом к лицу двух мужчин.

Только что она пересекла двор и подошла к комнате совета с намерением прямо сказать Жоффрею:

«Объяснимся... Каковы ваши намерения?»

Снаружи она заметила ИХ. Жоффрей и Колен. Лицом к лицу в комнате совета. Они были одни и не знали, что за ними наблюдают. Колен держал руки сзади, безусловно, со связанными запястьями,

Жоффрей де Пейрак сидел за столом, на котором лежали свертки пергамента, карты...

Один за другим он неторопливо разворачивал документы, внимательно их прочитывая. Иногда доставал из открытого перед ним ларчика драгоценный камень, который с видом знатока рассматривал при свете свечи.

Когда увидела, что его губы шевелятся, Анжелика догадалась, что он задал какой-то вопрос пленнику. Тот кратко ответил, затем пальцем указал какую-то точку на карте. Значит, он не был связан.

Анжелика испугалась за Жоффрея. Что если под действием внезапного порыва Колен схватит его за горло? Неужели Жоффрей не ощущал страха от присутствия такого гиганта, как Золотая Борода? Она дрожала, чувствуя, что не имеет права вмешиваться в разговор двух мужчин. Надо предоставить судьбе сказать свое слово в этом столкновении могучих характеров, в котором женское сердце не хотело увидеть ни победителя, ни побежденного.

Ее взгляд со страхом переходил с одного на другого и остановился, словно притянутый магнитом, на тонком, но таком крепком стане ее мужа.

Серебристый отблеск на темных висках придавал мягкость его чертам, но это была только игра света.

Затем глаза Анжелики вновь обратились к Колену. Возникнув из прошлого, этот король рабов из Микенеза находился здесь, в тесной комнате. Пестрый наряд Золотой Бороды казался смешным маскарадным одеянием.

Сегодня вечером у него был взгляд монарха, синий взгляд великого Колена, привыкшего, читать в пустынных далях и в самых глубинах человеческих душ.

Но хорошо знакомая с обоими, она знала, что Жоффрей гораздо сильнее нормандца. Вскормленный на передовой философской науке всего мира,

увлеченный тончайшими и бесконечными возможностями разума, он мог взвалить на свои плечи любое, или почти любое, бремя, ни в чем не уступая, даже если дело шло о сердечных ранах.

Тогда как Колен, необразованный, несмотря на свой природный интеллект, Колен, который даже не умел читать, становился безоружным перед непредвиденными ударами.

И это она их ему причинила. Она испытывала из-за этого угрызения совести, видя его заранее отданным на растерзание, несмотря на его неоспоримую физическую мощь.

Вдруг ее сердце заколотилось. Она увидела, как Жоффрей резко отодвинул грудю документов и подошел к Колену. При этом ее пронзил такой ужас, как если бы он навел на Колена пистолет и выстрелил. Прошло некоторое время, пока она сообразила, что в руках графа ничего не было.

Там, за стеклами, очевидно, наступил решительный момент. Она догадалась об этом по пробежавшей по ее телу дрожи, по ее встревоженным чувствам и напряженному сознанию, попытавшемуся уловить, понять смысл происходящего.

А происходило что-то решающее, но оно происходило в тишине. Слова, срывающиеся с губ мужчины, которые она не могла услышать, были словно удары острых кинжалов.

Жоффрей говорил, стоя рядом с пленником, с блестящими глазами, прикованными к внимательному, затвердевшему лицу Колена.

Мало-помалу негодование и возмущение обозначились на лице нормандца, и Анжелика увидела, как сжимаются и разжимаются его кулаки и как он встал, дрожа от бессильной ярости.

Он несколько раз отрицательно покачал головой, противопоставляя словам Пейрака гордость

неуступчивого льва. Тогда де Пейрак оставил его. Он стал ходить взад и вперед, словно рысь в клетке, вокруг Колена, не спуская с него проницательного взгляда, подобно охотнику, выбирающему лучшее место для удара.

Вернувшись к нему, он обеими руками схватил гиганта за отвороты кожаной безрукавки и подтянул к себе, словно собираясь говорить с ним по секрету.

И на этот раз он говорил с ним совсем тихо. Теперь в жестах Жоффрея де Пейрака появилась некая опасная мягкость, тонкая двусмысленная складка — в углу губ, и Анжелика догадывалась об очаровательной интонации его голоса. Сейчас лицо графа соблазняло и обещало, но горевшее в его глазах пламя пугало.

То, чего она боялась, наступило. Колен поддавался графу. Мало-помалу написанная на его лице яростная решимость сгладилась, уступив место замешательству, почти смятению. Внезапно он склонил голову, словно признавая поражение. Что мог сказать граф, чтобы так убедить Колена, который не склонялся даже перед пулей Мулей Измаила и его пытками?

Пейрак умолк, но продолжал держать Колена в своей власти и следить за ним. Наконец тяжелая светлая голова поднялась. Колен напряженно смотрел перед собой. Анжелика испугалась, что он заметил ее.

Но он вглядывался в самого себя. И она снова увидела то простодушное выражение, которое появлялось на его лице во время сна.

Затем Колен снова несколько раз утвердительно кивнул головой, соглашаясь. Граф де Пейрак вернулся на свое место за столом. Из глубины комнаты появились стражники и увели Колена.

Жоффрей де Пейрак остался один. Он сел. Анжелика попятилась, испугавшись, что он заподозрит ее присутствие.

Она увидела, как он протянул руку к ларцу с изумрудами, похищенными у испанцев Золотой Бородой. Взяв один, исключительной величины, и подняв против свечи, он погрузился в его созерцание. Затем улыбнулся, словно наблюдал сквозь прозрачность драгоценного камня забавное зрелище.

Глава 11

На следующий день было воскресенье, издали доносились завывания противотуманных раковин, а чистые, тонкие, как ниточка, звуки колокола маленькой часовенки призывали к службе.

Чтобы не остаться в долгу, священники и отец Босе, к которому присоединился отец Рекодо, недавно вышедший из леса, решили отслужить большую католическую мессу на вершине скалы, с вынесением дароносицы, процессией и прочими атрибутами.

Когда служба и месса закончились, зеваки направились в порт встретить новоприбывших. К реву предупреждающих об опасности раковин вскоре присоединилось более земное мычание. Это прибыл небольшой корабль из Порт-Руайяля с животными. Выгрузка животных прошла без затруднений под восторженные восклицания собравшегося народа. Появление скота обсуждалось как событие такой важности, как предполагавшаяся казнь Золотой Бороды. Состоится ли она сегодня?

Среди этого возбуждения приход небольшого судна, которое привезло Джона Конкса Мазера, доктора теологии из Бостона, в сопровождении его главных помощников, прошел незамеченным. Он был одет в бриджи, просторный длинный темный плащ, в который кутался от порывов ветра, и шляпу со строгими серебряными пряжками, более высокую, чем у остальных.

— Я хотел видеть вас, — сказал он пришедшему на встречу Пейраку. — Наш губернатор напомнил на последнем синоде, что в любом случае Мэн принадлежит Англии, и просил меня осведомиться у вас о действительном положении дел.

Он с беспокойством огляделся вокруг.

— Скажите, до меня доходят слухи, что вы живете...
гм... с волшебной обольстительницей?..

— Совершенно верно. Идемте, я представляю ее вам. Джон Конке Мазер побледнел, и его охватила дрожь, как осиновый лист перед грозой. Он смутился, и было отчего: реформисты упразднили Святую Деву и Святых благословенных заступников от потусторонних сил. И у них остались только демоны. К счастью, достойный Мазер перехитрил их, он напрягся и приготовился сойтись лицом к лицу с волшебницей.

Анжелика, узнав, что ее срочно вызывает граф Пейрак, покинула раненого, за которым ухаживала, и с учащенно бьющимся сердцем поспешила предстать перед лицом мрачного монумента, доктора теологии, устремившего на нее каменный взгляд.

По правде говоря, он был сбит с толку так же, как и она. Она сообразила это, поздравила его с благополучным прибытием и сделала легкий реверанс.

Из слов, которыми обменялась с графом де Пейраком, узнала, что он останется на несколько дней гостем Голдсборо и что все общество будет чествовать в этот день Господа, чтобы отблагодарить его за его благодеяния.

Такой наплыв в Голдсборо откладывал решение назревавших вопросов, которые взбудоражили сердца и сознание, и она не знала, радоваться этому или мечтать о завершении свидания. Ей хотелось кричать и умолять:

«Пусть все кончится... Пусть станет наконец известно!..»

Но железный кулак Жоффрея де Пейрака принуждал всех оставаться в ожидании. Раз муж представил ее, она обязана возглавить пиршество.

Она вернулась в порт, чтобы выбрать новое платье из «европейских» сундуков. Чуть позже пошел проливной дождь, затем небо очистилось. Дразнящие

ароматы готовящегося пиршества доносились со стороны таверны, перебивая резкий запах моря.

Голоса приняли певучий оттенок. Отовсюду слышались призывы труб. Голдсборо уже имел собственные традиции. Анжелика не знала, что эти призывы имели целью собрать население на эспланаде перед фортом, но, невольно заинтересовавшись, она вышла.

Площадь перед фортом чернела от людей. Только люди бегали взад-вперед по селению. Анжелика услышала их крики.

— Повесят Золотую Бороду!

— Сначала его будут пытаться!..

Кровь заледенела в ней. Наступает час, которого она не переставала страшиться с момента пленения Колена.

«Нет, нет! Я не позволю повесить его, — сказала она себе. — Я подниму крик, учиню скандал, но не позволю повесить его. Пусть Жоффрей подумает об этом, что захочет!»

Она подошла к площади и, не обращая внимания на преследовавшие ее взгляды, пробилась в первые ряды толпы. Отныне ее не заботило то, что могут подумать о ней. Ее охватила внутренняя дрожь, но ей удалось сохранить гордую осанку, которая интриговала и озадачивала.

Она выбрала платье, почти не думая о нем, строгое, но роскошное, удивительное платье из черного бархата, отделанное кружевами и крошечными жемчужинами. В последний момент нанесла неверной рукой немного румян на бледные щеки.

Ужасный вид... тем хуже!

Если кто и отметил ее лихорадочную бледность, никто не оказал ни слова. Зеленый блеск ее глаз замораживал неприязненные слова на губах.

— Посмотри-ка, — сказал по-английски ван Рейк лорду Шерильгаму, — она очаровательна! Какая осанка! Какая великолепная надменность! Она достойна Пейрака. Она смело встречает взгляды враждебности, осуждения с поднятой головой и не выглядела бы менее надменной, если бы носила на груди вышитую букву «А», которую ваши пуритане в Массачусетсе заставляют носить женщину, повинную в адюльтере.

Англичанин сделал разочарованную гримасу. Он искоса бросил взгляд на Конкса Мазера, который спорил со своими викариями о теологической уместности казни человека в день господний. Не нанесет ли это ущерб воскресному дню и отдыху; кого вздернут на виселице?

— Мы, светские люди, — сказал англичанин, — согласны легко простить такой красивой женщине небольшой грех.

— На сколько вы готовы поспорить, что она будет защищать своего любовника с таким же огнем и страстью, как леди Макбет?

— На двадцать ливров.

Лорд поднес к глазам свисавший на жилет украшенный лентами лорнет, произведший в этом сезоне фурор в Лондоне.

— А вы, ван Рейх, на сколько спорите, что эта женщина, с виду такая щуплая, явит очень заманчивые округлости, если выйдет из своего облачения, как Венера из морской пены?

— Не будем спорить, мой дорогой, я уже знаю, как мне поступить, я преследовал ее по пятам. Решительно, английские лорды — люди со вкусом. Вы точно угадали, милорд. Эта сильфида, когда за нее возьмешься, окажется нежной, как перепелка.

— Прекратите болтовню, распутники! — взорвался Габриель Берн, который краем уха слышал эти легкомысленные высказывания и не мог больше сдержать негодования.

Последовал обмен оскорблениями, и лорд заговорил о дуэли, Но лейтенант заметил, что он не может драться с простым мещанином. Оскорбленные ларошельцы окружили украшенного лентами адмирала. Стоявшая у форта стража не решалась вмешиваться.

К счастью, появился д'Юрвиль, и ему удалось усмирить страсти. Но он не мог полностью усмирить страсти и грозу, затаившуюся у ларошельцев: отвернувшись от англичан, она обратилась на Анжелику, «яблоко раздора». Горящие взгляды устремились к ней, раздался шум осуждающих голосов и в конце концов дошел до ее ушей сквозь туман взволнованного сознания.

Она обвела взглядом приближающуюся темную толпу, в которой сверкали осуждающие глаза.

— Это еще один ваш грех, — резко заговорила с ней чопорная Маниголь, увидев, что она наконец вернулась на землю, — как вы посмели показаться среди честных людей?

Торжественно прошествовал мессир Маниголь.

— Действительно, сударыня, — нанес и он удар, — ваше присутствие здесь в такой момент является вызовом законам порядочности. В качестве начальника общины реформистов Голдсборо я обязан потребовать, чтобы вы ушли.

Она пристально смотрела на них, казалось, побледневшими глазами, и они готовы были поверить, что она не слышит их.

— Чего же вы боитесь, мессир Маниголь? — спросила она тихо среди напряженной тишины.

— Что вы выступите в защиту этого бандита! — выкрикнула миссис Маниголь, которая не смогла долго играть роль, — Бесполезно прибегать к... уверткам и делать невинный вид. Всем известно, что за связь кроется между вами. И это достаточно гадкая и достойная сожаления для всех нас история, которой вы

должны стыдиться. Не считая уже того, что мы заслужили избавления от этого преступника, который заставил нас так страдать в прошлом месяце и убил бы всех, если бы мы не стали насмерть, И вот вы здесь, готовая вступить за него и вымолить ему пощаду. Знаем мы вас!

— Действительно, — согласилась Анжелика, — я думаю, что вы правы в том, что меня знают.

Уже не первый раз она встречалась с гневом кальвинистов. С течением времени стычки с ними перестали производить на нее впечатление. Она еще больше выпрямилась, чтобы смерить их взглядом.

— Год назад тут же я на коленях просила помилования для вас за преступления, которые по морским законам еще больше заслуживали веревки, чем эти... Золотой Бороды...

Вопреки ее воле судорога свела ей губы, и чувствительный ран Рейк испугался, что она разразится рыданиями, чего он не смог бы вынести.

— На коленях... — повторила она. — Я сделала это ради вас. Ради вас, не знающих даже своего Евангелия.

И она резко повернулась к ним спиной. В толпе воцарилась суеверная тишина.

Глава 12

На свисающем над эспланадой балконе форта стоял пленник с руками за спиной. Его плотно окружала испанская стража в сверкающих кирасах и украшенных перьями шлемах.

Колен Патюрель стоял с обнаженной головой. На нем был коричневый камзол с расшитым золотом обшлагом, очевидно, уцелевший в его гардеробе на «Сердце Марии».

Его осанка, коротко подрезанные борода и волосы впечатляли. Никто и не думал, что он такой высокий.

Жоффрей де Пейрак появился почти сразу же за ним в шафрановом атласе по французской моде: камзол расстегнут над длинным расшитым жилетом, который был подлинным чудом.

Вздых восхищения пробежал по губам ошеломленных зрителей, густая масса заколыхалась. Его присутствие предохраняло от шиканья и готовых разразиться опасных эмоций, когда привели остальных пленных пиратов, закованных или связанных веревками.

Граф де Пейрак показал жестом, что будет говорить. В нетерпеливом ожидании приговора все затаили дыхание, и тишина воцарилась сама собой. Слышался только шум моря и крики чаек.

Граф подошел к перилам балкона, нагнулся и обратился прямо к группе ларошельских протестантов, которые, собравшись в первом ряду, представляли собой основное ядро, неподкупное, нерушимое.

— Мессеры, — сказал он, показывая рукой на стоящего между его стражами Колена Патюреля. — Я представляю вам нового коменданта Голдсборо!

Глава 13

В молчаливом оцепенении и непонимании Жоффрей де Пейрак занялся тем, что привел в порядок кружева на отворотах рукавов.

Затем хладнокровно продолжал:

— Мессир д'Юрвиль, долго занимавший этот нелегкий пост, станет адмиралом нашего флота. Непрерывно увеличивающееся количество кораблей, торговых и боевых, настоятельно требует назначения на это место профессионального моряка. А быстрый рост Голдсборо обязывает меня выбрать на пост коменданта человека, имеющего опыт одновременно и в морском деле, и в деле руководства людьми разной веры, ибо наш порт, постепенно занимая первостепенное, если не единственное место в стране, которую мы избрали по своей воле, отныне будет связан со всем миром... Итак, поверьте, что никто более не пригоден к встрече с тысячью затруднений, связанных с пребыванием на этом посту, как человек, которого я представил вам и в руки которого с полным доверием вручаю судьбу Голдсборо, его славу, процветание и будущее величие.

Он замолчал, но ни один человек не откликнулся на его слова. Все словно окаменели, Анжелика была поражена не меньше всех. Слова Жоффрея вливались ей в уши, как ряд звуков, но смысл их не доходил до сознания.

При виде зрелища, которое представляли все эти разинутые рты и вытаращенные глаза, на губах Жоффрея де Пейрака скользнула язвительная улыбка. Затем он продолжал:

— Этот человек, вы его знали под именем Золотой Бороды, — корсар с Карибов. Но до этого он двенадцать

лет был королем пленных христиан в Микенезе, в королевстве Марокко, чей властитель жестоко преследовал христиан, и в качестве такового Колен Патюрель правил целым народом из тысяч душ. Они видели в нем на протяжении двенадцати лет надежного и неподкупного вождя. Он смог превратить их в сплоченный и достойный народ, боровшийся против искушения отречься от своей веры.

Теперь Анжелика начала осознавать, что Колен не будет повешен. Он будет жить! Он снова станет править людьми.

Так мир вошел в нее, смешавшись с остатками острой боли. Но прежде всего был мир, и она буквально упивалась словами, слетавшими с губ ее мужа, терзаясь чувством побежденного недоверия, вызвавшим, наконец, слезы на ее ресницах.

Не это ли он предлагал ему вчера вечером с такой настойчивостью в комнате совета, от чего Колен так упорно отказывался?

— Не находясь здесь в рабстве, как христиане в Микенезе, — начал граф, — мы тем не менее можем найти много сходного: заброшенность, враждебность, постоянная угроза смерти... Он сможет помочь вам своей мудростью преодолеть их, как и способствовать вашим торговым операциям с соседними народами...

родом из Нормандии, католик, он будет вам очень полезен в сношениях с французами из Акадии. Мессир д'Юрвиль, будьте добры повторить через ваш рупор суть сообщения, которое я сделал, чтобы каждый мог услышать его и обдумать на досуге.

В то время как дворянин выполнял эту просьбу, ларошельцы вышли из оцепенения и начали взволнованно переговариваться между собой. Когда закончилось повторное сообщение, Габриэль Берн выступил вперед.

— Мессир де Пейрак, вы уже заставили один раз проглотить обиду. Но эта, признаюсь вам честно, так не пройдет. Откуда у вас такие полные сведения об этом опасном субъекте? Как вы могли позволить одурачить себя рассказами брехливого бродяги, такого, как все, живущие добром других?

— Я узнал о делах этого человека, когда был на Средиземном море, — ответил Пейрак. — И я видел его привязанным к столбу для бичевания в расплату за его братьев, Осмелившихся служить рождественскую мессу. Прежде он был распят за руки на одной из дверей города. Я знаю, что сэр Патюрель не в восторге от воспоминаний о его Прошлом, но я использовал их, чтобы успокоить вашу набожность... Я ставлю во главе вас бравого христианина, который проливал кровь за веру.

Волнение нарастало, раздались крики:

— К смерти! Измена!.. Мы не согласны! Вздернуть Золотую Бороду!

Колен, который до сих пор оставался невозмутимым и был как бы в стороне от дебатов, двинулся вперед встал рядом с Пейраком. Собравшиеся слегка попятились перед его массивной фигурой, а призывы к смерти мало-помалу ослабели, и затем наступило молчание.

Берн прореагировал с обычной горячностью. Он бросился вперед.

— Но ведь это безумие! — закричал он, протянув руки к небу, чтобы призвать его в свидетели охватившей всех растерянности. — Вы двадцать раз должны были его повесить, мессир де Пейрак, только за то зло, что он причинил Голдсборо. А вы сами, граф, забыли, что он посягнул на вашу честь... что он посмел...

Повелительным жестом Пейрак оборвал фразу, имевшую целью очернить Анжелику.

— Если бы он заслужил быть повешенным, мне не пристало бы отправить его на виселицу. Признательность, которую я к нему питаю, удержала бы меня.

— Признательность? Ваша признательность?!

— Конечно, моя признательность, — с ударением ответил граф. — Вот причины, обязывающие меня к ней. Среди подвигов, имеющихся а активе Патюреля, не самым незначительным был побег, подлинная одиссея, которую он совершил со многими пленными, чтобы убежать из Марокко. Так вот, среди тех, кому он помог добраться до христианской земли, находилась и женщина, которую он избавил от ужасной участи, приготовленной христианским женщинам, попавшим в руки мусульман. Это произошло в то время, когда мое собственное изгнание и злой рок держали меня в неведении относительно судьбы моих близких и не позволили прийти на помощь. Эта женщина — графиня де Пейрак, моя супруга. Самоотверженность Патюреля спасла жизнь той, кто мне дороже всего в мире. Как я могу забыть это?

Легкая улыбка скользнула по его губам.

— Вот почему, забыв нынешнее недоразумение, мы, графиня де Пейрак и я, видим в человеке, который является объектом вашего преследования, только друга, достойного нашего общего уважения и доверия.

В его последних словах, смысл которых она восприняла не сразу, одно выражение поразило Анжелику: «Графиня де Пейрак и я...»

Итак, он включил ее в свой план с тайным намерением избавить от бесчестия. Публично заявить, что его жена и Колен не нанесли ему никакого оскорбления. Да, собственно, что произошло между ними? Ничего, кроме дружеских воспоминаний и признательности, которыми он решил поделиться сам.

Таким образом он прикрыл в глазах других подлинные страсти, которые терзали всех троих.

А сама она готова ли согласиться с подобным положением вещей? Будут ли обмануты протестанты? Конечно, лучше, чтобы они поверили. Пусть они сделают так, как он хочет. Жоффрей решил, что Колен достоин находиться рядом с ним в управлении его подданными и что он питает к нему только признательность и дружбу.

Толпе лучше смириться с образом, который он нарисовал. Кто может противиться воле такого, как Пейрак?

Взгляды переходили на двух мужчин, стоящих рядом на балконе. Дрожащие губы Анжелики и слезы, вопреки воле появившиеся в ее глазах, приводили в замешательство и волновали умы.

Колеи, скрестив руки на груди, продолжал смотреть вдаль над головами возбужденной толпы. Поражала его величественная, полная благородства осанка. Они ждали другого, Золотую Бороду, неряшливого пирата, отягощенного оружием и кровавыми преступлениями. Рядом с ним, покровительствуя ему и прикрывая своим могуществом, граф де Пейрак, слегка улыбаясь, следил за действием своего театрального эффекта.

— Поглядите-ка на них троих! — вскричал Берн задыхающимся голосом, указывая по очереди на двух мужчин и Анжелику. — Посмотрите! Они дурачат нас, обманывают и насмеваются...

Словно обезумев, он озирался вокруг себя, сорвал шляпу и бросил в сторону.

— Да посмотрите же на этих лицемеров! Что они замышляют еще? Братья, неужели вы согласитесь с этим несправедливым постановлением, неужели согласитесь попасть в подчинение самому гнусному субъекту из всех, С кем нам приходилось сталкиваться

до сих пор? Согласитесь пустить в наши стены преступную и распутную ракалию, которую нам навязывают? Твои злодеяния заслуживают ненависти, Золотая Борода, — взвыл он в порыве Мрачной злости, поворачиваясь к Колену.

— И твои, гугенот! — быстро ответил тот, перегнувшись через перила и вонзив синий клинок своего взгляда в глаза протестанта.

— Мои руки чисты от крови ближнего! — с пафосом возразил Берн.

— Нет уж, дудки! Здесь ни у кого из нас нет чистых рук от крови ближнего. Пошевели мозгами, гугенот, и ты найдешь у себя в памяти, как ты резал, убивал и душил своими руками. Как бы далеко и глубоко ты не запрятал их, покопайся, гугенот, и в твоём сознании появятся твои жертвы с мертвыми глазами.

Берн пристально посмотрел на него в наступившей тишине. Затем пошатнулся, словно пораженный молнией, и попятился. Звучный голос Патюреля вызвал в памяти его тайную борьбу, которую больше века вели реформисты. На него словно повеяло едким дуновением мрака, дыханием падали колодцев у моря, где гнили трупы провокаторов из полиции или иезуитов.

— Как же, — полужакрыв глаза, продолжал Колен, — я знаю. Это делалось для вашей защиты! Но чтобы защищаться, всегда убивают. Чтобы защищать себя, близких, свою жизнь и мечты. Очень редко встречаются такие, которые убивают просто ради зла. Но прощение грешнику за его ошибки может дать только Бог, ибо он один знает, что скрывается в наших сердцах.

Человек всегда найдет на своем пути брата, чтобы сказать ему: «Ты убийца, а я — нет!» Но в наше время не существует человека, который не убивал бы... У мужчины всегда есть кровь на руках. И я скажу даже, что причинять смерть — это обязанность и неотъемлемое право, которое мы получаем при

рождении, мы, мужчины, ибо наше время — время волков на земле, хотя Христос и пришел... Так что перестаньте говорить соседу: «Ты преступник, а я — нет!»

Ларошельцы, на которых обращение Колена произвело впечатление, спохватились, когда их взгляды упали на экипаж «Сердца Марии». На этот раз их сознание не даст ввести себя в заблуждение.

Маниголь подошел к балкону.

— Оставим в стороне ваши утверждения относительно так называемых преступлений, к которым не все приложили руки. Бог оправдывает праведников. Но вы хотите сказать, сударь, что намереваетесь заставить нас с одобрения мессира де Пейрака согласиться на соседство даже здесь, в Голдсборо, с этим опасным сбродом, составляющим ваш экипаж?

— Вы очень ошибаетесь в оценке моего экипажа, — возразил Колен. — В большинстве своем это brave ребята, безоговорочно следовавшие за мной в надежде стать колонистами и бросить наконец намертво якорь на выбранном месте, где им обещали плодородную землю и женщин для женитьбы. Даже право на владение этим местом, где расположились вы, было по контракту оплачено мной звонкой монетой. К несчастью, произошла явно неверная сдача карт, и я отдаю себе отчет в том, что был обманут парижскими финансистами, которые точно описали мне это место как свободное и принадлежащее Франции. По документам мы имеем на эту землю больше прав, чем вы, бедные реформисты, и мессир де Пейрак это признал.

«Все в порядке», — подумала Анжелика. Впечатляющее красноречие Колена Патюреля, его влияние на толпу всегда были его первым оружием.

— Теперь, — продолжал Колен, — я представляю вам три постановления, которые войдут в действие с этого

дня, первого дня моего комендантства в Голдсборо. Прежде всего я оплачиваю ночных сторожей в порту и поселке, одного на тридцать дворов. Ночные сторожа будут назначаться комендантом и расходы на их содержание и экипировку он берет на себя. Это мой подарок при вступлении в должность.

Он хотел продолжать, когда в напряженной тишине прозвучали слова:

— Спасибо, мессир комендант, — сказал нежный, чистый, но энергичный женский голос. Это была Абигель.

Произошло замешательство, поднялся ропот, в котором робкие выражения благодарности смешивались с протестом большинства мужчин. Абигель строго посмотрела на метра Берна. Колен слегка улыбнулся молодой женщине и продолжал:

— Второе постановление будет как раз к месту после вмешательства милой дамы. Мы хотели бы созывать каждые три месяца совет женщин.

Мессир де Пейрак подал эту идею, и я нашел ее хорошей. У женщин всегда есть дельные предложения по житейским проблемам, но они их не высказывают, боясь палки мужа.

Последние слова были встречены смехом. — В этом деле не будет ни палок, ни мужей, — продолжал Колен, — После обсуждения между собой женщины доложат мне о своих решениях.

На мысль о третьем постановлении меня навели колонисты Голландии. Я считаю, что мы без колебания должны заимствовать у наших иностранных соседей обычаи, которые могут сделать наше существование более радостным.

Так вот, у них принято дарить каждому парню, который женится, бочку со ста двадцатью пятью галлонами мадеры, чтобы отпраздновать свадьбу. Другие — при рождении первого ребенка и

последующих, а последнюю — для утешения друзей на его похоронах. Нравится ли вам такое предложение и согласны ли вы, чтобы ввести этот обычай в Голдсборо?

Разразилась буря аплодисментов, одобрительных возгласов и смеха. Анжелика поняла, что Колен выиграл партию. С кулаками на бедрах, он стоял такой же спокойный и сильный, как недавно под градом насмешек и оскорблений.

— Да здравствует комендант! — кричали дети и подростки, танцуя и прыгая на площади.

Молодежь охватил энтузиазм, затем женщин, затем разноплеменных матросов, наконец, приезжих гостей, которые находили объявленные решения превосходными и не преминут использовать их у себя.

Всегда готовые повеселиться, индейцы добавили возбуждения в эту радостную суматоху, и кислые мины ларошельцев постепенно разгладились под приливом всеобщего признания.

— Ура! Браво нашему коменданту! — горланили пленники с «Сердца Марии», сопровождая бурные изъятия восторга звоном цепей.

Граф сделал испанцам знак освободить их.

— Знаете, я сам готов остаться здесь, — заявил ван Рейк английскому адмиралу. — Намерения нового коменданта мне очень нравятся. Что касается графа де Пейрака, одно наслаждение было наблюдать его двусмысленное выражение Мефистофеля, который заставляет плясать души ночью на шабаше. Но он никогда не делал иначе, этот Пейрак. Я хорошо его узнал на Карибах. Тем не менее будь я владельцем этого превосходного создания, я не смог бы поступить так дерзко: поместить любовника жены от себя справа на одном троне!..

Лишившись от волнения голоса, Анжелика знала теперь, почему она так страдала, несмотря на благополучный исход проблемы. Граф де Пейрак, как

мужчина и как начальник, обладал большими, чем она, возможностями спасти Колена.

И он это использовал. Однако не мелкая ревность мучила ее: то, что он держал ее в стороне от этих переговоров, доказывало, что она ничего не значит для него и что не ради нее он действовал так.

Нет! Ради Колена и... ради Голдсборо! То, что он придумал, было превосходно. Все уладилось.

— Дорогая Абигель, — сказал Жоффрей, спустившись с балкона и склоняясь перед супругой Габриэля Берна, — разрешите мне проводить вас в банкетный зал. А вы, мессир комендант, предложите руку госпоже де Пейрак. Составим кортеж, прошу вас...

Кровь ударила Анжелике в лицо, когда она услышала предложение мужа. Словно в тумане увидела приближающуюся к ней высокую фигуру Колена. Он поклонился и предложил ей руку, которую она приняла, и они пошли вслед за Пейраком и Абигель, в то время как за ними формировался кортеж.

Толпы зевак, приветствуя и аплодируя, сопровождали избранных на всем пути.

— Следовательно, вот. что задумал этот дьявол во плоти, чтобы заставить всех нас плясать под его дудку, — ввернула сквозь зубы Анжелика. — Как вы согласились на это?

— Я?.. Я не хотел. Но он привел аргумент, против которого я был бессилен.

— Какой же?

— Этого я не могу сказать, — мечтательно сказал Колен. — Когда-нибудь...

— Да, я действительно слишком глупа, чтобы охватить размах ваших планов и возможностей, господа мужчины! — Ее пальцы впились в руку Колена, — Я действительно была дурочкой, так беспокоясь о вас, Колен! Мужчины всегда договорятся в ущерб женщине!..

Глава 14

Отовсюду доносились звуки труб. Знамена развивались на ветру. На пляже, в порту, по всему заливу зажженные костры поджаривали дичь на вертелах, и бочки открыли свое нутро для моряков, простых людей и индейцев.

Анжелика убежала в кухонное помещение: без подкрепляющего она не выдержит.

— Дай мне полштофа вина, — сказала она Давиду Карреру после того, как принялась к бочкам в кладовой.

— Полштофа? — удивился мальчик, широко раскрыв глаза. — Вам? Это белое бордо!

— Именно это мне и надо!

С кубком в руке Анжелика прошла на кухню, бросив насмешливый взгляд на дам из Голдсборо, занятых приготовлением приправ.

Маниголь, Марселло и их подружки тоже пришли под предлогом оказания помощи, но скорее, чтобы посмотреть, в порядке ли их прически.

— Итак? — спросила Анжелика. — Что же вы думаете о новом коменданте? Я вяжу, что вас беспокоит. На мой счет столько судачили, и вы не ожидали подобного исхода. Вот где собака зарыта! А вы слишком поторопились увидеть зло там, где его не было.

Жалящий смех графини де Пейрак унижал их. Зная, что она наполовину лжет, Анжелика сама почти поверила в то, что утверждала. Она продолжала комедию. Курт Риц был далеко, бедняга! Никто не потребует от него засвидетельствовать то, что он видел...

— Вот видите, мои дорогие подруги, сплетни в Новом Свете так же бессильны, как и в Старом, — заключила Анжелика, опорожняя кубок белого вина.

Кто-то просунул голову в дверь.

— Госпожа графиня, вас просят прийти в большой зал.

— Сейчас буду...

Глава 15

— А в свою очередь я предлагаю всем, здесь сидящим, дар в честь радостного события, — объявила Анжелика, занимая место за банкетным столом, — бочонок чистого арманьяка, который подарил мне на прошлой неделе один любезный баскский капитан.

Новость вызвала бурную реакцию и овацию.

— Пусть позовут сюда Адемара, — обратилась она к одному из слуг.

Когда солдат появился, как всегда, с растерянным видом, она попросила его сходить в лагерь Шамплена за ее багажом, который она оставила там в вечер своего приезда.

Блюда сменялись, обильные и вкусные. В жертву была принесена свинья. Для американцев этих первых времен устрицы, омары, лососи, индейки, всякая дичь, ежедневно подававшаяся на стол, считалась пищей бедных.

Анжелика оказалась справа от Колена, восседавшего на одном конце стола, тогда как Жоффрей де Пейрак расположился на другом, имея справа красавицу Инессу, а слева Абигель, мадам Маниголь сидела напротив. Дальше был Жиль ван Рейк, который не спускал с Анжелики горящих черных глаз.

Хозяин был француз, и француженка-хозяйка, красивая и роскошно украшенная для услады мужских глаз, и тем хуже, если столько заманчивых искушений неминуемо заставляли ее нарушать шестую заповедь.

Английский адмирал заявил:

— Голдсборо скоро станет самым замечательным местом на всем американском побережье. Я даже не знаю, могут ли испанцы в укрепленных городах Флориды вести такую веселую жизнь. Правда и то, что

вы не оставляете им особой возможности выбора, господа флибустьеры, — обратился он к ван Рейку.

— Они отвечают с большой жестокостью. Вот, кстати, почему я нахожусь здесь. Я разделяю ваше мнение, что тут лучше, чем в других местах.

— Какой все-таки ваш стимул, мессир де Пейрак, почему вы пытаетесь бороться со злом, считающимся всюду непоправимым, приемлемым добром?

— Я считаю, что тут дело не в стимуле, — ответил Пейрак, — а просто в желании отдать предпочтение жизни. Ведь наказать смертью заставляет иногда вызванная несовершенством мира необходимость, но в моем ощущении жизнь заключается в добре.

Священник нахмурил брови.

— Гм!.. Не являетесь ли вы в какой-то степени сторонником этого Баруха Спинозы, предмета спора среди философов, этого амстердамского еврея, который согласен одновременно и с иудаизмом и с христианской доктриной?

— Я знаю, что он провозгласил: «То, что содействует индивидуальному существу упорствовать в жизни, зовется Добром, а то, что мешает этому, зовется Злом...»

— А что вы думаете об этих смущающих, неясных речах, готовых отрицать всеобщее присутствие Бога?

— Что мир меняется! Но его перерождение — долгое и мучительное. Это свойство идолопоклонников, каковыми все мы являемся от рождения, сохранять приверженность убеждениям.

Вот вы, господа реформисты, вы уже сделали усилия в этом направлении, разбив церковные статуи, и вы, господа англичане, вы сделали один шаг к либерализму, отрубив голову вашему королю, но берегитесь! Один шаг вперед оплачивается иногда двумя шагами назад.

— Господа, господа! — воскликнул совершенно растерявшийся отец Бор. — Что вы тут городите? Ваши речи пахнут серой! Вы забыли, что мы создания Бога и что это звание обязывает нас подчиниться его законам, склониться перед учрежденной им на земле иерархией... Вас ждет преисподняя. Отрубить им головы!.. Здесь говорят вещи, которые вызывают дрожь!..

— И здесь так же пьют доброе, крепкое вино, — вмешался ван Рейк. — Выпейте же поскорее, отец мой. Худшие речи забываются на дне стакана.

— Да, выпейте, — подхватила Анжелика, улыбаясь пастору, чтобы помочь ему прийти в себя. — Вино тоже дар Божий, и нет лучшего средства, чтобы позволить собравшимся вместе французам и англичанам забыть то, что их разделяет.

В дверях показалась голова Адемара.

— Я принес бочонок, мадам. И сундук со скальпами англичан барона. Что с ним делать?

Глава 16

Анжелика безумно хохотала. Кубок белого вина и жар наперченных блюд привели ее в сильное возбуждение.

Адемар, пришедший спросить, что же делать с сундуком английских скальпов барона Сен-Гастина, доконал ее.

Благодарение Богу, вопрос наивного солдата затерялся в шуме разговора, а смех Анжелики, жизнерадостный и заразительный, отвлек гостей банкета от особы Адемара соблазном этой веселости, столь очаровательной и столь желанной.

Увидев, что она привлекала к себе внимание и взгляды, Анжелика увлекла всех в состязание в шутках, каламбурах и остротах, пытаясь оправдать свою чрезмерную веселость.

— Не слишком ли мы погрязли в распущенности, бесстыдстве и опасной вольности, братья? — спросил Джон Мазер Конке у своих единомышленников, чьи восторженные глаза сверкали, словно у сжигаемых на кострах мучеников.

— Только пройдя по краю бездны и не сорвавшись, познаешь силу, которой Господь наделяет своих избранных, — ответил преподобный Петридж замогильным голосом, покрывая раскаты смеха.

Они не были никогда так счастливы приблизиться к берегам распущенности и так удовлетворены собой и своим сопротивлением искушению.

Смех Анжелики зазвучал с новой силой, и временами, прилагая усилия, чтобы удержаться, она почти плакала. Подогретое благородными напитками, большинство гостей без труда спелось с ней.

Среди всех один только Жоффрей де Пейрак мог ощутить напряжение, неестественную возбужденность и смех Анжелики.

Он также легко понял туманный смысл слов Адемара об «английских скальпах», так развеселивших Анжелику, но потонувших в шуме разговоров, и предпочел не углубляться в эту историю. Позже будет время. А сейчас момент неподходящий для сомнительных расследований.

Она смеялась, но она страдала. Запятнавший ее прекрасное лицо синяк, который ей плохо удалось скрыть под гримом, сделал де Пейрака осмотнительным, Анжелика отличалась гордостью, той гордостью женщин высокой породы, смешанной с высокомерием, сознанием своего достоинства и положения, которую так трудно победить, хотя бы все свое детство они бегали босиком и питались каштанами. Чувство высшей расы, пропитавшее саму плоть. Сможет ли Анжелика когда-нибудь забыть, как он с ней обошелся?

Тревога, в которой не хотел себе признаться, волновала его с тех пор, как он увидел ее лицо на другой день после ужасного вечера.

«Я не подозревал, что ударил так сильно, — думал он. — Никогда еще ни одна женщина не выводила меня до такой степени из себя. Я мог убить ее».

Как это было не парадоксально, но она вдвойне привлекала его. Слишком долго ее не было в его объятиях. Не прав ли был Жиль ван Рейк, когда советовал ему быть снисходительным?

«Поверьте мне, сеньор Пейрак, ваша жена из тех женщин, которые стоят того, чтобы их простить...»

Он не мог избавиться от ощущения, что, несмотря на ее очевидное падение, ей удалась роль графини де Пейрак, которой обстоятельства требовали от нее. Она показала себя достойной его подругой на протяжении

этих трех мучительных дней. И за это он всегда будет ей втайне признателен.

Исподтишка поглядывая на нее, граф не мог не признать, что все в ней стоило того, чтобы простить. Не только ее красота, совершенство ее тела, искушение отвратительное, перед которым не менее всего остального склонился бы, но особенно то, что составляло ее подлинное «я» и что он воспринимал, как бесценное сокровище.

Даже когда ему казалось, что ненавидит ее, он находился в ловушке тайных, единственных в своем роде достоинств Анжелики.

В эти минуты ее громкий смех воспламенял и мучил его поочередно и подчинял, подобно всем присутствующим мужчинам, очарованием, которое склоняло его к снисходительности и бесславной капитуляции.

Пока он беседовал с гостями за банкетным столом, в его сознании возникали, сменяя друг друга, два женских образа. Слабости Анжелики не могли умалить ее человеческих достоинств, так покоровших его, что он не мог больше отделить другой образ, опасный и непостоянный, вечно возбуждающий его гнев.

Он хотел ненавидеть женщину с плотскими слабостями, с достойным презрения легкомыслием, но он так же пылко желал присутствия другой, его подруги, жены его, наперсницы его чувственного и восхитительного убежища...

Слишком долго ее не было в его объятиях. Его тело жаждало ее присутствия с приводившей его в растерянность требовательностью. О чем думала она на другом конце стола? Этого он уже не мог знать...

В эти последние дни ему пришлось сомневаться в правильности принимаемых решений, сомневаться в самом себе. Только относительно Колена Патюреля он не колебался.

Колен, король рабов, был человеком, которого он давно искал, и с тех пор, как он увиделся с ним, он перестал принимать его за соперника, решив, что никакая история с женой не заставит его отказаться от такого влиятельного человека с врожденным инстинктом вождя... Однако он своими глазами видел, как Анжелика прикасалась нежной, ласкающей рукой к этому крутому лбу, к львиной гриве... Каким мучением было для него на острове каждый момент ожидать измены! И вот, спрятавшись среди деревьев, с первого же взгляда, брошенного на фигуру пирата, он узнал короля рабов из Микенеза.

Это объясняло все, но вместе с тем сделало его положение более серьезным, более трагичным. Он всегда знал, что Анжелика любила этого человека, и так, что он не мог не испытывать жгучей ревности, ибо Колен был достоин любви такой женщины. При этом воспоминании струйка яда снова просочилась в его сердце. План, который он замыслил и вопреки всему провел в жизнь, показался теперь выше предела возможности его сил. Ибо к Колену подняла она сейчас свои восхитительные глаза в поисках участия во взгляде сурового нормандца, который, сидя против Пейрака, притворялся, что не понимает вызова, ее сияющей улыбки. Он услышал ее проникновенный, немного насмешливый голос.

— Мессир комендант, если мне не изменяет память, когда мы были в Берберии, вы называли меня Анжеликой? Восстановим здесь обычаи, братские обычаи христианских пленных?..

«Бессовестная шлюха! Она не только с открытым лицом встретила бесчестие, но вот теперь наносит ответный удар ядовитым оружием».

Он был слишком глуп, растрогавшись из-за нее. Если она страдала хорошо, пусть еще пострадает. Она заслужила наглядный УРОК.

Он перенес внимание на соседку слева... Инесса, сладострастный продукт смешения карибской, испанской и португальской крови, чей ревнивый агатовый взгляд следил за ее Жилем, соблазненным очарованием хозяйки...

Пейрак положил палец на подбородок прекрасной метиски, чтобы заставить ее отвернуться от прискорбного зрелища и посмотреть на него.

— Утешимся вместе, синьорита, — ласково сказал он ей вполголоса по-испански.

Глава 17

— Колен, он больше не любит меня! Он ухаживает за Инессой. Я ему надоела.

В полутьме коридора Анжелика шла пошатываясь, держась за плечо Колена.

Праздник закончился. Но в банкетном зале некоторые задержались, прикованные к скамейкам. Требовалась взаимная поддержка, чтобы добраться до своих кораблей и жилищ.

— Он не любит меня больше... Это меня убьет. Я не вынесу, что он любит другую!

— Успокойся. Ты пьяна, — снисходительно сказал Колен.

И сам он, возбужденный, чувствовал себя плохо из-за того, что видел мир через туман опьянения. Он оставил пиршественный зал, чтобы взглянуть на свой экипаж, сказав: «Надо присмотреть за моими парнями».

Но Анжелика последовала за ним. Она вцепилась в него, явно ошеломленная не только неоднократными прикладываниями к бочонку с арманьяком, но и страданием, имевшим веские основания.

— Он оказывает тебе знаки расположения, а меня отталкивает, отбрасывает и презирает.

Она икнула.

— Слушай, малышка, пойді прогуляйся по свежему воздуху, и тебе станет лучше.

— Замолчи! Ты тоже предал меня, — бросила Анжелика.

— Послушай, теперь все устроено. Просто вино ударило тебе в голову. Иди!

Она чувствовала, что сегодня Колен снова стал настоящим Коленом, способным быть таким же неуступчивым, как и Жоффрей.

Он решительно отстранил ее, взгляделся, и его лицо омрачила грусть.

— Ты слишком любишь его, — прошептал он, покачивая головой. — И, по сути дела, он держит тебя намертво. Он подавляет тебя. Из-за этого тебе так плохо. Поэтому тебе и не сидится. Пойдем прогуляемся, моя красавица...

Он проводил ее до пляжа и оставил, когда она направилась к восточному мысу.

Колен был прав. Свежий ветер развеял головокружение. Она шла более уверенным шагом и начала углубляться в скалы, не желая встретиться с кем-нибудь.

Только не это! Она никогда не вынесет, если Жоффрей заключит в объятия другую женщину, удовлетворит с ней свою страсть и, кто знает, самое худшее, привяжется к ней и признается ей в этом. Если он таким образом хотел наказать ее, то зашел слишком далеко. Она умрет от этого или, лучше, она убьет эту женщину.

Она была вне себя от сознания, что он охотнее простил бы Колену желание овладеть ею, чем ей — отдаться. Сознание их мужской солидарности приводило ее в отчаяние.

Мужчины были существами, с которыми бесполезно найти понимание. Им всегда удастся обмануть нас или смутить без особых рассуждений. Довольно с нее мужчин!

Она принялась возбужденно ходить, оглушенная ветром и винными парами, тогда как в мозгу теснились мысли.

Она забормотала:

— Я слишком много выпила... Завтра все пройдет. Завтра я отыщу Жоффрея. Необходимо, чтобы он согласился встретиться со мной и сказал, что хочет со

мной сделать. Выгнать? Или простить? Но только так продолжаться не может.

Она переходила от одной группы к другой, которые еще пели вокруг горящих костров и провожали ее приветливыми взглядами, затем подошла к графу де Пейраку и Колену Патюрелю, стоявшим рядом с фортом и продолжавшим принимать поздравления. Молча сделала им реверанс и ушла. Пошатываясь, направилась к форту, не зная, что они проводили ее взглядами.

Под ее окнами во дворе форта, угощаясь стаканчиком, матросы вели разговор.

— А пока нас надули. Хорошо стать колонистом, но я не вижу здесь для нас других женщин, кроме гугеноток и дикарок.

Лейтенант де Барсемпюи толкнул одного локтем в бок.

— Не будь таким привередливым, парень. Самая красивая женщина, которую ты будешь держать в объятиях, это жизнь. А другая скоро появится на горизонте. Потерпи!

— Однако здесь женщинами и не пахнет.

— Молитесь, братья мои, — вмешался отец Бор. — Молитесь, и Господь одарит вас ими.

Вокруг раздался смех.

— Эй, монах, — сказал кто-то, — а ты не знаешь, как сможет Бог устроить, чтобы из песка вышли двадцать-тридцать невест?

— Конечно, я не знаю, — миролюбиво ответил Реколе, — но Господь велик! И все в его руках. Молитесь, дети мои, и эти женщины будут вам пожалованы.

Глава 18

Господь велик. Господь может все, если хорошо попросить. И вот как людям с «Сердца Марии» были доставлены женщины следующим утром после этого удивительного дня...

Человек бежал по тропинке, ведущей из Голдсборо к Голубой бухте. Это был бумажник Марселло. Он добежал до форта и закричал часовым:

— Скорее! В Голубой бухте гибнет корабль! Анжелика, спавшая как убитая, пробудилась от света во дворе форта. Рассвет едва брезжил. Она сначала подумала, что праздник еще продолжается, затем по поднявшейся суматохе поняла, что произошло что-то необычное. Торопливо оделась и спустилась вниз узнать, в чем дело.

При свете фонарей Марселло водил пальцем по карте, которую держал граф.

— Они должны были наскочить на рифы Мрачного монаха у входа в небольшой залив Анемонов, а затем их снесло к Голубой бухте.

— Чего их туда занесло?! — воскликнул граф.

— Может быть, шторм.

— Но никакого шторма нет и не было. В самом деле, это было удивительно.

— Это рыбаки?

— Кто их знает. Было еще слишком темно, но доносились такие крики, что волосы дыбом становились. Моя жена и дочь уже на берегу вместе со служанкой и соседом.

Бот так, почти не отдохнув после празднества, сонные и испуганные жители Голдсборо оказались на берегу Голубой бухты, прислушиваясь к доносившимся из серой мглы продуваемого ветром рассвета

отчаянным крикам. Постепенно стали видны на уровне гребней воды мачты полузатонувшего корабля.

Гибнущий корабль погрузился до бортов его ограждения, но еще держался на плаву, и течение у входа в бухту бросало его то к одной, то к другой оконечности полуострова. Можно было ожидать, что его разнесет в щепки. Затем он стал выписывать немыслимые фигуры, покачивая тремя мачтами, с которых свисали обрывки парусов. Только бы они продержались до прибытия шебеки и тендеров из Голдсборо, которые с Жоффреем де Пейраком и Коленом на борту огибают мыс, чтобы подойти к ним с моря.

Пришедший из Голдсборо отряд моряков был вооружен баграми и крючьями с веревками и тросами. Под руководством Эрве Легалья трое из них сели в лодку Марселло и принялись энергично грести. Другие разошлись по скалам, приготовившись помочь тем из пострадавших, кто попытается добраться до берега вплавь.

Анжелика захватила сумку с медикаментами и корпией, чтобы ухаживать за возможными ранеными, и флягу с ромом.

Она хотела последовать за Марселло, но вдруг на гребне волны возникло что-то вроде плота из наспех связанных досок и бочек. За него цеплялась группа растрепанных созданий, испускавших отчаянные крики и вопли.

— Женщины! — воскликнула Анжелика. — О Господи! Прилив гонит их к скалам. Их там разобьет...

Едва она успела это сказать, как плот, словно живой, встал на дыбы и бросился на острый риф, где разбился и разлетелся на куски, сбросив груз на море.

К счастью, берег был близко, Анжелика и ее товарищи тотчас же бросились в воду, зайдя по пояс, чтобы помочь несчастным.

Анжелика схватилась за длинные волосы, когда их обладательница уходила под воду. Ей удалось удержать голову тонувшей и подтащить ее к берегу.

Оказалось, что это гигантская женщина, фунтов на сто восемьдесят весом. Пока она была в воде, Анжелика этого не замечала, но когда добралась до песка, убедилась, что не может ни на дюйм продвинуть, словно налитую свинцом, бесчувственную массу.

— Помогите! — закричала она.

Подбежал матрос. Пришлось позвать второго, затем еще.

— Боже, что может делать на море такая баба! — зубоскалили они. — С таким весом на корабль не лезут, остаются на берегу.

Тем временем Марселло, его дочь, служанка и слуга помогли выбраться на берег шестерым. Одни ужасно дрожали и неудержимо стучали зубами, другие плакали...

Все они оказались француженками, но, судя по акценту, не акадийками.

— Дельфина все еще там! — закричала одна из них, показывая на молодую женщину, которой удалось забраться на риф.

Явно измученная, она едва держалась, и в любой момент ее могла унести волна.

Анжелика побежала к ней через мыс и помогла выбраться на землю.

— Обнимите меня, дорогая, — сказала она. — Я поддержу вас и провожу в то жилище внизу. Скоро вы согреетесь у доброго костра.

Спасенная — миловидная брюнетка с умными глазами — прошептала со слабой улыбкой:

— Благодарю... вы очень добры.

— Они прибыли! — раздался крик радости при виде белых парусов шебеки и тендера. Оба судна приблизились к гибнущему кораблю.

— На борту еще много людей? — спросила Анжелика у молодой женщины.

— Около двадцати моих подруг и несколько мужчин из экипажа. О Боже, сделай так, чтобы они не опоздали.

Остатки судна, конечно, тонули, но достаточно медленно, чтобы можно было подобрать уцелевших.

Индейцы из деревни подошли к берегу на пироге. Они тоже привезли женщин и маленького юнгу.

Внезапно мачты стали быстро погружаться в воду и вскоре исчезли. Белые паруса двух судов, словно птицы, кружили вокруг агонии. На берегу женщины отказывались уйти, до последнего момента не отрывая глаз от своего гибнувшего корабля. Когда все исчезло, они принялись, ломая руки, рыдать и причитать...

Глава 19

Госпожа Петрониль Демур, огромная женщина, которую спасла Анжелика, затянута в одежды госпожи Маниголь, сидела перед графом де Пейраком и Коленом и пыталась объяснить им бесконечными фразами, с перерывами на рыдания, ее положение.

— Я взяла на себя труд, — говорила она, — за шестьсот ливров наличными сопровождать тридцать «дочерей короля», которых послали в Квебек, чтобы выйти замуж за местных холостяков — колонистов, солдат и офицеров.

— Но ваш корабль находился не на пути в Квебек, милая дама, — заметил граф де Пейрак, — вы очень далеко от него.

— Вы считаете? — спросила она.

Она смотрела на Колена, чье простоватое лицо внушало ей меньший ужас, чем лицо этого похожего на испанца дворянина. Но тот подтвердил слова графа.

— Вы не на пути в Квебек.

— Но тогда, где же мы находимся? Когда корабль стал тонуть, перед нами предстали огни города.

Она со страхом смотрела на них, и слезы ручьями текли по ее толстым щекам.

— Что скажет наша благодетельница графиня де Модрибур, когда узнает об этом? О, но ведь это правда, я думаю, она утонула. Какое ужасное несчастье! О нет, это невозможно! Наша благодетельница подлинная святая! Что же будет с нами?

Она зарыдала, и Колен протянул ей платок величиной с половую тряпку, ибо моряки народ предусмотрительный. Она утерлась и немного успокоилась.

— Бедная госпожа! Она так мечтала отдать жизнь за Новую Францию!

И она продолжала свой довольно длинный рассказ. Похоже, что ее похождения начались с того момента, когда она поступила горничной на службу к герцогине. Несколько лет спустя семидесятипятилетний герцог скончался после разгульной жизни, оставив тем не менее своей вдове приличное состояние. Благодарная вдова, госпожа Амбруазина де Модрибур, которая всю свою супружескую жизнь с великим терпением и мужеством сносила унижения, придирки и неверность супруга, нашла наконец время для осуществления своих желаний, а именно: удалиться в какой-нибудь монастырь и посвятить себя под руководством ученых и астрономов изучению математики, к которой она всегда чувствовала большой интерес. Таким образом она стала канониссой в монастыре августинок в Туре. Но двумя годами позже ее духовник извлек ее оттуда, убедив, что, когда имеешь такое богатство, лучше его поставить на службу... церкви, чем математике. Он зажег ее идеей спасения Новой Франции и обращения дикарей.

Однако вдова еще колебалась, пока однажды утром, после пробуждения, перед ней не появилась высокая женщина в белоснежной одежде и внятно произнесла:

— Иди в Канаду. Я не оставляю тебя.

Не было сомнения, что она видела Пресвятую Деву, хотя и не могла рассмотреть ее лицо, и с тех пор она посвятила всю душу помощи далеким землям.

У нее была деловая хватка, опыт светской женщины. Она виделась с министрами, получила разрешение и основала Товарищество Нотр-Дам дю Сен-Лорен, которое имело преимущество быть полугомерческим-полурелигиозным и которое, полностью став на службу королю, губернатору и миссионерам, обеспечило собственное содержание.

Мадам Петрониль, которая привязалась к этой доброй особе и даже последовала за ней в монастырь, желала остаться у нее на службе, несмотря на все более и более тревожные перспективы, открывающиеся проектам герцогини.

И вот она добралась сюда... Страшно вспомнить, как она поднялась холодным майским утром на это зыбкое сооружение из досок и холста, именуемое кораблем, спустила свои сто восемьдесят фунтов в трюм чудовища, чтобы терпеть там адские муки не столько от плохой погоды, сколько из-за капризов девушек, которых она сопровождала. Но разве могла она оставить бедную герцогиню одну и без помощи перед лицом неизвестности и опасности? Ибо Модрибур, получая информацию о насущных потребностях колонистов, узнала, что там необходимы невесты.

Действительно, молодые люди во Франции должны были жениться до достижения двадцати лет. Если это не делалось, отец должен был платить штраф и каждые шесть месяцев являться к властям, чтобы давать объяснения. Они лишались всех отличий и почестей и должны были носить на видном месте специальный знак позора. Из-за этого указа из тысячи холостяков восемьдесят покинули свои дома. А для двухсот покорных, оставшихся в Монреале и Квебеке и смилившихся со своей судьбой, требовались женщины.

Госпожа Модрибур хотела внести свой вклад в это благородное дело. Она взяла на себя заботу о целом обозе тех, кого называли «дочерьми короля», дав им в приданое по сто ливров и сундучок, в котором находилось четыре рубашки, комплект верхней одежды, ботинки, туфли, чулки и прочее. Таким образом, они были хорошо обеспечены, чтобы понравиться покорившимся холостякам, которые будут ждать их на набережной Квебека, выстроившись шпалерой в красивых костюмах и высоких сапогах.

После небольшого приема и легкой трапезы их бы препроводили в какой-нибудь монастырь, где в последующие дни они могли бы встречаться в приемной с молодыми людьми.

— Как вы, возможно, знаете, мессир Кольбер очень требователен в выборе женщин, которых посылают в Канаду, — поведала Петрониль Лемур. — Следуя его примеру, мы очень строги в выборе. Все, кого мы привезли, являются плодами законных браков, некоторые — сироты. Госпожа де Модрибур зафрахтовала за свой счет корабль.

Мадам Петрониль порылась в карманах в поисках документов, чтобы доказать этим незнакомцам, в каких благородных целях была организована экспедиция.

Она хотела показать им список, который хранила в конверте из просмоленного полотна вместе с письмом мессира Кольбера.

Сообразив, что на ней другая одежда, а все ее вещи покоятся теперь на дне моря, она снова залилась слезами.

— Как зовут капитана погибшего корабля?

— Боб Симон. Очень приятный, такой учтивый человек!

— Но плохой лоцман, — заметил граф де Пейрак. — А где он находится сейчас? Где вся команда?

Увы! Об этом скоро узнали. Море выносило изуродованные, побитые о скалы тела. Их находили в каждой бухте, в каждом фиорде, и индейцы принесли их на спинах.

Положили на песок, и Жоффрей де Пейрак с юнгой пришел опознать их. Малыш был счастлив, что остался жив и сохранил вырезанную из дерева ложку — первое сокровище моряка.

Он рассказал, что слышал треск распоротого грядой рифов корпуса корабля. Тогда помощник приказал

спустить шлюпку с женщинами и матросами, которые должны были просить помощи в городе.

— В каком городе?

— Увидели огни и подумали, что приплыли в Квебек.

— В Квебек?

— Конечно!..

Глава 20

А тем временем Анжелика не переставала ухаживать за спасенными в Голубой бухте.

После мужчин пришел черед женщин. После грубых волосатых тел — гладкая женская кожа. После раненых — утопленники. После проклятий и ругательств — слезы и зубовой скрежет породы.

«Дочерям короля» было от пятнадцати до семнадцати лет. Некоторые оказались крестьянками, но большинство из Парижа.

Анжелика узнала их по резкому акценту парижских насмешниц, который принес на просторы Америки затхлый дух извилистых улочек Ла-Шатле, набережной Цветов, запахи Сены, ароматы закусочных и булочных и словно даже шум гремящих по булыжной мостовой повозок.

Среди них было четыре барышни хорошего происхождения, предназначенные в супруги офицерам, одна темнокожая мавританка и явная проститутка по имени Жюльена.

С самого начала эта девица отказалась от услуг Анжелики и держалась в стороне. Ее спутницы обходились с ней холодно, ибо она не соответствовала их обществу невест для Канады, в которое выбирались, согласно директивам мессира де Кольбера, только «послушные, хорошо воспитанные, трудолюбивые, искусные и набожные».

Дельфина Барбье дю Розуа, миловидная, мужественная брюнетка, доказывала, что эта девица не имела права находиться в их обществе и только слишком большая доброта госпожи де Модрибур заставила их выносить ее присутствие.

— Вы можете болтать что угодно о доброте! — закричала Жюльена. — Это вам нужен атлас по двадцать ливров для ваших пустяков, а мам из Главного приюта хватит и полотна по тридцать су за локоть.

Она щеголяла простонародными манерами, но ее попытка затеять раздор оказалась безуспешной, ибо все остальные девушки действительно были приветливы, скромны и сдержанны.

Кораблекрушение сблизило самых бедных с более зажиточными и изысканными товарками.

Это Дельфине дю Розуа пришла в голову мысль связать плот, и она ободряла и поддерживала их в самые ужасные минуты.

У Анжелики не было другой возможности укрыть своих подопечных, как поместить их в амбар, освободившийся после вернувшихся на «Сердце Марии» пленников.

По этому случаю они бродили вокруг амбара, посматривая на сушившиеся на веревках юбки и кофты.

Лейтенант Барсемпюи принес неподвижное тело.

— Я нашел ее в Голубых скалах, как раненую чайку. Анжелика бросила взгляд на безжизненное тело, обрамленное длинными светлыми волосами, слипшимися от воды и крови.

— Несчастная... Эта девушка мертва... или умирает.

— Мадам, умоляю вас, спасите ее, — сказал молодой человек. — Она не умерла. Сделайте что-нибудь для нее, сударыня, умоляю вас, ведь у вас волшебные руки, позаботьтесь о ней!

— Это Мария Кроткая, — сказали «дочери короля», склоняясь к бесчувственному телу. — Несчастная! Ей лучше умереть. Она была камеристкой госпожи де Модрибур и любила ее, как родную мать... Что стало бы с ней без нее?

В то время как Анжелика с помощью старой Ревекки предприняла попытку вдохнуть жизнь в покрытое

кровоподтеками несчастное существо, потерпевшие кораблекрушение обсуждали обстоятельства, при которых погибла герцогиня.

Они сошлись на том, что это произошло при ее возвращении на нижнюю палубу на поиски ребенка Жанны Мишо, которого там забыли.

Жанна Мишо плакала в углу. Со своими двадцатью двумя годами она была самая старшая из всей компании. Вдова мастера-котельщика, она тронула сердце великодушной госпожи де Модрибур, которая помогла ей уехать с двухлетним Пьером в Канаду, где она легче, чем во Франции, сможет найти нового супруга. Она ничего не могла вспомнить, кроме пробуждения в темноте от криков и тщетных попыток найти спящего ребенка.

Она не переставала стонать:

— Это из-за моей ошибки! Мой ребенок умер, и наша благодетельница погибла ради его спасения.

— А я считаю, что вы плетете небылицы про эту герцогиню, — грубо вскричала Жюльена. — Она довела меня до ручки своими фокусами...

— Вы говорите так потому, что она заставляла вас приходить на мессу, — сурово сказала Дельфина, — и молиться, и прилично вести себя.

Девушка злобно захохотала, затем устремила на нее презрительный взгляд.

— Вы тоже дали поймать себя на крючок, мамзель Розия. Она кончила тем, что своими отченашами забила вам баки. А сначала вы любили ее не больше, чем я. Но она знала, что делать.

— Жюльена, вы возненавидели ее с первого дня, потому что она беспокоилась о вашем искуплении. Но вы ненавидите добро.

— Ее добро? Хотите я скажу, кто была ваша герцогиня Мошенница и шлюха...

Продолжение затерялось среди криков и воплей, ибо несколько «дочерей короля» в приступе негодования бросились на Жюльену.

Та отбивалась, кусая руки, которыми пытались заткнуть ей рот. Ее голос слабел, затихал, и она в обмороке опустилась на землю. Нападающие пришли в замешательство.

— Что с ней?

— Я думаю, что она поранилась при крушении, — вмешалась Анжелика, — но не хочет, чтобы к ней приближались.

Жюльена вдруг закричала.

— Не прикасайтесь ко мне, а то я покалечу вас! Анжелика пожала плечами и отошла.

— Такую особу ни в коем случае не следовало пускать в Канаду, — в который раз повторяли барышни.

Мария Кроткая открыла глаза, в которых застыл невыразимый ужас.

— Демоны! — прошептала она. — Я вижу их, слышу их крики в ночи... Они убьют меня... Демоны!.. Демоны!..

Глава 21

На берегу, где она вечером продолжала поиски, Анжелика ощутила за собой чье-то присутствие. Она обернулась и едва не упала в обморок.

За ней — мифическое животное!.. Единорог! Анжелика думает, что ей чудится это видение, она даже не может собраться с силами, чтобы крикнуть.

В этот момент растрепанное существо, крича, как морской волк, возникает из воды. Оно вихрем проносится мимо Анжелики и с протянутыми руками бросается к единорогу.

— Не трогайте его, негодяи! Не трогайте моего любимца! А я считал его погибшим...

Он громаден. Вода и кровь стекают с его отвратительного бородатого лица на изодранную одежду. Его глаза горят страшным огнем. Прибежавшие люди, привлеченные криками, сжимают в руках тесаки и сабли и с опасением смотрят на него.

— Не подходите, грабители, или я вас удушу!

— Его надо убить, — сказал Жак Виньо, поднимая мушкет. — Он сумасшедший.

— Нет, — вмешалась Анжелика, — оставьте его.

Она подходит к несчастному, возвышающемуся над ней, как сказочный великан.

— Как называется ваш корабль, капитан? — ласково спросила она.

Ее голос доходит до помутившегося сознания Симона. Слезы начинают течь по заросшему лицу. Он падает на колени, обнимает позолоченную носовую часть фигуры со своего погибшего корабля, почти такую же высокую, как он сам.

— «Единорог», сударыня, — шепчет он. — Мой погибший корабль назывался «Единорог».

— Пойдемте, я дам вам поесть, — говорит она Симону и ласково берет его за руку, чем приводит несчастного в волнение и смущение.

— А как же быть с ним? — бормочет он, показывая на стоящий на песке монумент.

— Его отнесут подальше от моря. А позже вы установите его на носу другого корабля, сударь.

— Никогда! Я разорен! Но хотя бы он мне остался, мой единорог! Какой же он красивый! Покрыт настоящим золотом! И я сам вставил ему этот чудесный рог. Я отделал его слоновой костью. Видели бы вы, как он сверкает на солнце...

Он говорил сам с собой, бессознательно доверившись незнакомой женщине. Он позволил себя увести, как малое дитя.

В доме Марселло она усадила его за стол, у колонистов Америки всегда была еда, которая томилась над угольями в очаге. Анжелика наполнила миску фаршированными Устрицами с гарниром из тыквенной каши.

Бедняга стал жадно есть, испуская вздохи и оживая при каждом новом глотке.

— Ладно! Ничего не поделаешь! Я разорен, — заключил он, опорожнив вторую миску. — В моем возрасте можно сказать, что мне конец. Не о корабле мне надо думать, а о кладбище.

Я не сомневался, что это путешествие принесет мне несчастье, но в моем возрасте берут то, что попадается, не правда ли? Груз девушек, вот что меня подвело, девушек для колонистов.

— Наверное, плавание с таким количеством женщин на борту было нелегким?

Глаза капитана забежали.

— Подлинный ад! — вздохнул он. — Если хотите знать мое мнение, мадам, женщины вообще не должны выходить в море. Но вы не похожи на бандитку, а

скорее на добрую, честную женщину. Тогда вам должно быть стыдно. Позвольте вашим мужчинам заниматься грязными ремеслами грабителей и убийц.

— Что вы имеете в виду?

— Да завлекать корабли на ваши морские скалы, добивать дубинками бедных парней, которые пытаются спастись, это ремесло, а?

Анжелика спокойно ответила:

— Вы ошибаетесь, добрый человек, мы же простые колонисты, живущие торговлей и трудом своих рук.

— Но тогда чего бы я пропорол брюхо об острые камни, — покраснел он, потянувшись к ней, — если бы я не увидел пляшущие в ночи огни? Я хорошо знаю, что такое береговые грабители и как они размахивают фонарями на скалах...

Я не ожидал удара, который сбросил меня в море. А когда я добрался до берега и начал взбираться на скалы, они оглушили меня тут и тут. Смотрите: это сделали не скалы.

Он отбросил назад слипшиеся патлы.

— Ну, что скажете об этом? — торжественно спросил он, видя, как Анжелика побледнела и ошеломлена.

Но Анжелику поразил не вид ран, а широкое родимое пятно на виске у Симона.

«Когда ты увидишь высокого капитана с фиолетовым пятном на виске, знай, что твои враги близко».

Это сказал ей Лопец, маленький португалец-буканьер с «Сердца Марии», когда они были вместе на мысе Макуа.

Но где Лопец?.. Он убит в бою...

Глава 22

Она смотрела на себя в зеркало. Ночь окружает тенью холодную поверхность венецианского стекла. Проникающие через окно последние отблески света бросают на него бледные блики. Она видит перед собой призрачное лицо, освещенное изумрудным взглядом.

Волосы непокорным ореолом окружают ее голову. Ветер застревал в них и перемешал, когда она бродила по берегу в поисках и встретила с «Единорогом». Она проводит кончиками пальцев по лбу.

Кто сказал ей: «Когда ты увидишь капитана с фиолетовым пятном на виске, знай, что твои враги близко»?

Недавно она вспомнила. Маленький португалец Лопец на мысе Макуа. Но Лопец погиб в бою на «Сердце Марии».

Прямо в одежде Анжелика бросается на холодную кровать, где ей удастся получить столь требуемый ее изнуряющей жизнью отдых.

Видела ли она сегодня хоть мельком своего мужа? Она не знала, у нее нет больше мужа. Это чужой, безразличный к ее горю человек. Она снова одна, как никогда, во враждебном мире, где медленно, но неумолимо приближается невидимая угроза.

Если бы Жоффрей был здесь, она поделилась бы с ним своими нелепыми подозрениями и мыслями. И он посмеялся бы над ней и успокоил. Но она одна.

Она переворачивается на холодной кровати, мечтая о теплом убежище. Затем засыпает.

Анжелику мучил кошмар. Ей снилось, что ее золотистая коса стала чудовищной длины, скользит вдоль ее тела, крепко связывает, начинает душить. Появляется демон, и у него жестокий оскал росوماхи.

Она испускает отчаянный крик и просыпается с горечью во рту. Собственный крик еще звучал у нее в ушах, тогда как в чреве Анжелики таяли отголоски чувственного возбуждения.

Ей снилось, что она предавалась любви с существом неясным, пугающим, но удивительно нежным.

Она вспоминает о своем крике, но убеждается, что это не она его испустила. Он повторяется снаружи, в предрассветном тумане, пронзительный женский крик.

"Анжелика бросается к открытому окну и выглядывает наружу. Над землей тянутся шлейфы розового морского тумана, предвестника душного июльского дня. В тишине этого раннего часа было что-то непроницаемое, затаившееся.

Сердце Анжелики билось с перебоями и никак не могло восстановить нормальный ритм. Но вот раздался третий крик. Он доносился до амбара, где расположились девушки.

— Господи! — возмутилась она, — что же там происходит?

Туман начал рассеиваться, и Анжелика смогла разглядеть группу людей с «Бесстрашного», корабля флибустьера ван Рейка, собранную из самых отъявленных висельников.

Красавица Инесса в платье из желтого атласа с коралловым ожерельем вокруг янтарной шеи, похоже, увлекала их на битву.

— Когда я узнал, что эти грубияны с «Бесстрашного» взялись докучать нашим, гм-м, дамам, мы с несколькими товарищами пришли к ним на помощь, — объяснил Ванно. — Мы не позволим этим пиратским свиньям наложить лапу на них.

— Чего ты вмешиваешься, бочка с солониной? — подал голос его соперник, который держал в руках длинный блестящий кортик, а сильным акцентом выдал свое испанское происхождение.

— Ты знаешь закон флибустьеров: в колониях женщины принадлежат морякам. Пусть после драки, согласен, но мы, остальные, мы имеем такое же право на добычу, как и вы.

Ванно сделал угрожающее движение, которое Анжелика немедленно пресекла одним только взглядом, не обратив внимания на клинок, скользнувший в нескольких дюймах от ее лица.

Ворча, брюзжа, волнуясь, обе группы сошлись около нее, оскорбляя друг друга взглядами и проклятиями на всех языках.

Инесса начала по-испански склонять свое войско к бунту, но Анжелика быстро заставила ее замолчать. Она подозревала ее в том, что Инесса из-за ребяческой ревности увлекла мужчин в эту экспедицию, чтобы причинить неприятность ей, Анжелике.

Дерзкий вид метиски не произвел на нее впечатления. Ничего плохого за пылкой внешностью, опасной только способностью возбуждать мужчин и толкать на любые глупости. Ей был известен такой тип женщин, и она знала, как с ними обращаться.

Одни только чувства, а за ними рассудок колибри. Она знала, чем можно взять такие дерзкие натуры.

Одним взглядом она остановила излишества красавицы Инессы, затем с насмешкой и прощающей улыбкой потеряла ее украшенные золотыми колечками очаровательные ушки.

Перед этим почти материнским обращением девушка опустила глаза, ибо в сущности она была только маленькой метиской, вырванной из ее индейской среды и никогда не получающей других знаков внимания, кроме корыстных мужских, жалкая куртизанка с островов. Надменная, но дружеская снисходительность Анжелики взволновала ее, и она внезапно превратилась в растерявшегося ребенка.

Лишенные пылкового вдохновителя, сумевшего убедить, что они могут без риска броситься в эту авантюру и что она уговорит их капитана, люди ван Рейка заколебались и заметно притихли. Они увидели Петронию Демур с растрепанными жидкими волосами, с подбитыми глазами, ибо бедная дама мужественно пыталась защитить своих «овечек». Дельфина дю Розуа, очень бледная, с обнаженными руками в синяках, старалась прикрыть грудь остатками изорванного корсажа. Это ее ужасный крик, когда ее грубо схватили похотливые руки, разбудил Анжелику.

У ее ног распростерся человек, матрос с «Голдсборо», которого поставили часовым у дверей амбара и которого люди с «Бесстрашного» оглушили, прежде чем вышибить дверь.

Эта подлая выходка переполнила чашу терпения Анжелики. Тем более что она заметила среди негодяев некоторых из «ее» раненых, которые, несмотря на перевязанные раны на руках и ногах, не отказались принять участие в любовной экспедиции.

— Это уж слишком! — возмущенно воскликнула она. — Вы все заслуживаете веревки. Вы просто сброд! Раз вы продолжаете бесчинствовать, я оставляю вас на произвол судьбы с вашими разорванными глазами, открытой требухой, язвами и гноем.

Умрете на моих глазах от жажды, не получив ни капли воды! Вы не имеете никакого понятия о чести. Вы же просто падаль, готовая только властвовать. Да, Ванно, вы имели полное право вмешаться. Окажите любезность позвать сюда отца Бора и аббата Лошмера.

Когда священники пришли, она поставила их в известность о поведении матросов.

— Я поручаю их вам, господа, — заключила она. — Попытайтесь довести до их сознания, что они вели себя, как плохие христиане, и что они заслуживают строгого

наказания. Что касается меня, я должна пойти сообщить о случившемся мессину де Пейраку.

Капеллан взорвался проклятиями, пообещав своим подопечным все муки ада, а Реколе решил собрать оба экипажа на мессу, предварительно исповедав их. Опустив головы, матросы вложили оружие в ножны и чехлы и, волоча ноги, с раскаянием в сердцах, последовали за священниками на вершину холма.

Глава 23

В каюте «Голдсборо» Жоффрей де Пейрак заканчивал обсуждение коммерческих вопросов с Конксом Мазером, его помощниками и английским адмиралом. Колен Патюрель помогал ему, так же, как д'Юрвиль, Берн и Маниголь. Оплывшие свечи свидетельствовали, что они начали работать затемно.

Анжелику проводил Энрике. Она ощутила легкий укол в сердце, узнав, где ее муж проводит ночи... на «Голдсборо», в своем логове Рескатора.

Увидев ее, все эти господа встали в подозрительной тишине, ибо оказалось, что эта необычная женщина занимала в большей или меньшей степени самые сокровенные мысли каждого из них. Всякое ее появление давало новый привкус их существованию.

Ровным и спокойным голосом, после того как она приветствовала их, она сообщила о происшедшем инциденте, при котором одни считали женщин пиратской добычей, а другие — подарком... Господа для заключения законных браков.

— О, ведь это превосходная идея! — воскликнул Пейрак, оборачиваясь к Колену. — Я считаю, что чудесное появление этих женщин может вывести ваших людей из плохого настроения, ведь часть их чувствует себя обманутыми в своих надеждах.

Мессир, вот решение, которое нам надлежит принять. В самом деле, не может быть и речи об отправке этих девушек в Квебек. Если они пожелают остаться, хорошо, мы примем их как супруг наших французских колонистов. Предоставляю вам оформить это договором.

Колен встал, скрутил в трубки карты и документы и засунул их в просторные карманы камзола. Отныне он

одевался со строгостью и простотой, которые не исключали некоторого совмещения с роскошью, присущей требованиям его новой роли.

Анжелика с трудом узнала его, с подстриженной бородой и сосредоточенным выражением лица. Совершенно другой человек, чьи плечи, казалось, легко несли взваленный на них груз. Он взял под руку круглую бобровую шляпу, украшенную черным пером.

— Со своей стороны могу сказать, что я сторонник того, чтобы оставить этих девушек здесь. Но Квебек может загрустить, не получив того, что ему предназначалось. И его правители увидят в наших действиях самоуправство. Не обострит ли это ваши отношения с Новой Францией, мессир де Пейрак?

— Это уже мое дело. Если они пожалуются, я отвечу, что им следовало обеспечить этот обоз лоцманом, чтобы его не занесло Бог весть куда!

В любом случае, наши отношения с Новой Францией уже в таком плохом состоянии, что одним инцидентом больше или меньше ничего не изменит в создавшемся положении.

Что угодно может стать предлогом в любой момент к войне. Но я полагаю, что раз ветры принесли этот очаровательный груз к нам в момент, когда мы его желали, мы должны принять этот подарок неба.

— Кстати, — выступила Анжелика, — я хочу, чтобы этот Жиль ван Рейк и его Инесса со всей его командой убрались ко всем чертям. Они путаются под ногами и портят нам жизнь, и если им больше нечего делать, как развлекаться за наш счет, пусть уезжают. Мне удалось передать их в руки священников. Сожалею, капитан, — сказала она, заметив присутствие дюнкернца, — что я вынуждена сказать вам напрямик, но вы знаете не хуже меня, что ваши люди с Карибов не мальчики из церковного хора и в порядочных местах их можно выносить только в небольших дозах.

— Хорошо... хорошо! — простонал флибустьер. — Я удаляюсь, но я поражен в самое сердце, — добавил он со страдальческим видом, прижав руки к груди.

— Вернемся на землю, — заключил де Пейрак.

Поднимаясь на берег рядом с ван Рейком, Анжелика старалась смягчить действие своих малоприятных слов:

— Поверьте, сударь, в другое время я была бы в восторге от вашего общества, ибо вы очень приятный человек. И знаю, что мой муж питает к вам искреннюю дружбу. Вы участвовали вместе с ним в боях...

— На Карибах мы были береговыми братьями. Это связывает навсегда.

Анжелика, поглядывая на немного тучного, но проворного французского авантюриста, подумала, что он составляет какую-то часть неизвестной ей жизни Жоффрея. У них были общие воспоминания.

Он знал Кантора и часто с любовью говорил о нем называя его «малыш».

В другое время она с удовольствием побеседовала бы с ним о прошлом ее мужа, но сейчас просто не могла. Она непроизвольно призналась ему:

— Я так устала от ухода за всеми этими людьми. Их судьба беспокоит меня, и я боюсь, что новые распри принесут новых раненых.

Он понимающе взглянул на нее.

— И затем скажете, что ваше бедное сердце ранено, и именно это вас и терзает, а? Как будто это не заметно. Ого! Я знаю женщин. Скажите мне, милое дитя, скоро ли закончится размолвка с вашим мужем?

Разве есть что-нибудь серьезное за этими шалостями? Швейцарец был слишком болтлив, согласен! Если бы он не попал в неподходящий момент, от всего этого не осталось бы ничего, кроме перышка на ветру.

Дело ведь не стоит и выеденного яйца. Вы сделали небольшой прокол в брачном контракте? Ладно, о чем

говорить! Вы слишком соблазнительны, чтобы такое не происходило время от времени то тут, то там. Вам следует найти его и все объяснить.

— Увы! — с горечью вздохнула Анжелика. — Как было бы хорошо, если бы мой муж разделял вашу ясность в этой области чувств. Ибо, по правде говоря, мне он дороже всего на свете. Но он очень скрытный, и иногда я боюсь его...

— Хотя вы и относитесь ко мне с подозрением, знайте, что я ваш большой друг и попытаюсь убедить мессира де Пейрака. Я постараюсь заставить его услышать, что есть особая категория женщин, которых мужчина должен уметь прощать. «Возьмите, — скажу я ему, — меня с моей Инессой...»

— Ах, прошу вас, — возмутилась Анжелика, — не сравнивайте меня с Инессой.

— А почему бы и нет? Я знаю, что я говорю. И такая благородная дама, как вы, и такая маленькая язва, как она, появились на свет из раковин теплых морей, И вы и она принадлежите к той породе женщин, которые своей красотой, знанием любви и тем, я не знаю чем, загадочным, что называют очарованием, заставляют простить создателя, ставшего однажды жертвой заблуждения, когда он решил сотворить из ребра Адама и Еву.

«Так вот, — скажу я ему, — учтите, что существуют женщины, которым надо прощать некоторые нарушения под страхом быть более жестоко наказанным, чем сама виноватая.

И если ты до того погряз в любовной игре, что можешь открыть карту возлюбленной, не следует пренебрегать таким преимуществом и надо быть благодарным богам. Сколько других проводят свое существование, так и не поиграв никогда в настоящую игру».

— Я хорошо представляю себе, как мой вспыльчивый супруг воспримет ваши несостоятельные рассуждения, — сказала Анжелика с печальной улыбкой.

— Но что же такого вы ему сделали, что он до такой степени втрескался в вас?! — вскричал ван Рейк, окинув ее подозрительным взглядом, — Я бы никогда не посчитал его таким уязвимым, этого великого пирата. Ведь он всем нам внушал почтение. На Карибах, на острове Тортуга, в Мексиканском заливе он и не придавал женщинам особого значения. Однако, увидев вас, я понял... он не устоял. Любовь с вами должна быть чем-то незабываемым, чудесным, но...

— Капитан, умерьте вашу фантазию, — смеясь сказала Анжелика. — Я всего лишь простая смертная, увы!

— Слишком простая смертная. Как раз такая, какая нужна нашему брату — мужчинам. Прекрасно! Мне удалось заставить вас рассмеяться. Ничего еще не потеряно. Послушайте мои советы.

Не говорите больше об этой истории и не думайте больше о ней! Пойдите на исповедь. Лучше начать с божьего прощения. А чтобы получить его от супруга, скользните однажды вечером в подходящий момент без предупреждения в его постель и решительно покажите, на что вы способны. Я гарантирую вам отпущение грехов.

— Я начинаю верить, что вы — настоящий друг, — призналась Анжелика, — но повторяю вам мое предложение поднять паруса. Ветер попутный, туман разошелся. А если вы не уберетесь с ближайшим приливом, горячие головы снова прольют кровь. Раненые из вашего экипажа находятся на пути к выздоровлению, и я с чистым сердцем передаю их вам в хорошем состоянии для следующих экспедиций.

Петрониль Демур подбежала, вернее, подкатилась к ней, снова растрепанная, заплаканная.

— Ах сударыня, на помощь! Девушки сошли с ума! Я ничего не могу сделать... Они хотят убежать отсюда...

Глава 24

— Итак, девушки, кто хочет сыграть веселую свадьбу?

Громовой голос Колена и появление его гигантской фигуры в дверях остановили плач, стоны и мольбы, наводнившие амбар.

Без Анжелики, стоявшей рядом с ним, самые впечатлительные могли бы умереть от ужаса. Они поспешили к ней и сгрудились вокруг успокаивающего женского присутствия.

— Итак, мои милые, что же тут происходит? Почему такое волнение? — спросила Анжелика с ласковой улыбкой.

— Расскажите мне все, — заявил Колен. — Я — комендант. Обещаю, милые девушки, что испугавшие вас злодеи будут строго наказаны.

Они сейчас же бросились к нему, говорили все сразу, каждая описывая свои впечатления.

— Я ничего не слышала, я спала... Этот ужасный человек схватил меня за запястье и потащил наружу... Я не знаю, что он хотел со мной сделать...

— От него ромом несло, — с гримасой отвращения дополнила Дельфина, с которой хуже всего обошлись в этой увалке. Сохраняя достоинство, она подавила слезы унижения.

Анжелика вытащила из-за пояса гребень и стала приводить в порядок прическу пострадавшей девушки. Затем вытерла ей глаза и рот, расправила складки корсажа и решила принести большой котелок с бульоном и доброго вина, которые всегда для французов были лучшим лекарством.

А тем временем Колен, склонившись к юным собеседницам, продолжал расспрашивать и

выслушивать жалобы, Его физиономия и внимание успокоили их, и даже Дельфина доверчиво посмотрела на него.

— О, мессир комендант, отправьте нас в Квебек, умоляем!

— Только по суше. Мы никогда в жизни больше не поднимемся на корабль...

— Нам были обещаны офицеры... для трех моих подруг и меня самой, — вполне серьезно заявила Дельфина. — В монастыре мы изучили хорошие манеры, домоводство, правила приема знатных особ, как вести светский разговор, делать реверансы. И я уверена, что в Квебеке наши будущие супруги не пахнут ромом.

— Действительно, вы правы, — согласилась Анжелика, — потому что они скорее пахнут хлебной или маисовой водкой. Между прочим, ром превосходный напиток, которому в суровые дни зимы легко находят применение. — Полноте, сударыня, — добавила она, смеясь, — если вы пугаетесь всего, едва попав в Америку, как же вы будете бороться с ирокезами, бурями, голодовкой и всем прочим, что ожидает вас в Новом Свете и от чего Канада избавлена не больше, чем мы?

— А не будут ли меня считать рабыней? — осведомилась мавританка. — Я воспитывалась в монастыре Неми. Знатная дама регулярно оплачивала мое содержание. Я умею читать, писать и вышивать.

Колен ласково взял ее за подбородок.

— Вы не засидитесь в девушках, моя милая, если вы такая же добрая и благоразумная, как выглядите, и я сам позабочусь о вашем устройстве.

Мадам Петрониль исходила беспокойством. Будучи более осведомленной, чем ее юные подопечные, и далеко не такой растерянной, как представлялась, она быстро поняла, что эти перемешанные с англичанами французы, вопреки обвинениям Жоба Симона, вовсе не

бандиты, но и не слишком ревностные подданные короля Франции.

— Ах... если бы наша благотельница была здесь! — вздыхала она.

— Тогда бы она впридачу устроила и бордель! — с акцентом парижского предместья прозвучал голос Жюльены. — Потому что знает толк в борделях так же, как и в молитвах...

Антуанетта, ее личный враг, снова вцепилась ей в волосы. Их с трудом развели.

— А ну-ка, девица, подойди сюда! — крикнул Колен. Она была единственная, к кому он обратился на «ты», показывая этим, что не сомневается, к какой женской породе она принадлежит.

— Тебя я не могу оставить здесь. Не потому, что ты из предместья, но ты больна, и я не позволю заразить моих людей.

Жюльена тут же завопила, явно желая учинить скандал.

— Я больная?! Это неправда! Совсем недавно доктор осматривал меня и сказал, что я свежа, как роза. А потом я все время была под замком в Главном приюте, так от кого же могла подхватить ваши болезни! Мадам Анжелика, на помощь! Послушайте, что он несет! Будто я подшила...

— Эта женщина больна, — повторил Колен, призывая Анжелику в свидетели. — Взгляните только на нее.

Действительно, толстошеекое лицо девицы имело болезненный восковой оттенок, а темные круги под глазами казались нарисованными. Ее глаза лихорадочно блестели.

— Я не думаю, что она больна, — сказала Анжелика, — но убеждена, что была ранена во время кораблекрушения.

Она отказалась от моей помощи. Естественно состояние ее раны ухудшилось... Ну-ка, Жюльена, позвольте поухаживать за вами, вы же рискуете жизнью...

— Идите вы в ж... — грубо ответила девушка. Анжелика влепила ей две пощечины, от которых та покатила по земле.

— Дай себя перевязать, — заключил Колен, — иначе не жди пощады. Сегодня вечером я посажу тебя на корабль вместе с парнями «Бесстрашного».

Лежа на земле, Жюльена казалась побежденной и вызывала сострадание. Ее обезумевшие глаза в панике искали выхода.

— Это потому, что я боюсь, — пожаловалась она, не найдя лучших аргументов.

Пронзительный голос Аристиды Бомаршана, неизвестно как проникшего в амбар, раздался за их спинами.

— Только не с ней, моя красавица! Вам с ней не будет больно, чтоб меня вздернули, если не так. Нет другой знахарки с такой легкой рукой! Гляньте на эту работенку... Легкая рука, говорю вам.

Он проворно распустил шнурки коротких штанов и выставил напоказ зачарованной его самоуверенностью Жюльене свой жалкий, бледный живот, пересеченный длинным фиолетовым шрамом.

— Полюбуйтесь! Красота! Это Анжелика зашила меня. Все мои кишки вываливались на песок — брюхо распороли... Каково?!

— Это невозможно! — вскричала Жюльена, сопровождая восклицание бранью.

— Все, как я сказал. А теперь посмотрите на меня! С тем, что ниже, я парень хоть куда... и к вашим услугам, моя красавица!

— Хватит шутить, — прервала его Анжелика, видя, какой оборот принимает разговор. — Аристид, вы —

негодяй, и я не посоветовала бы даже дочери дьявола или худшей из шлюх водиться с вами.

— Вы обижаете меня, у меня есть свое достоинство, — сказал Аристид, медленно застегивая штаны. — Считаю, что вы оскорбляете меня.

— Ладно, — вмешался Колен, отталкивая его. — Тебе здесь больше нечего делать.

Он взял его за воротник и повел к двери.

— Даю слово, ты более упорный и надоедливый, чем осенняя муха. Я кончу тем, что сам утоплю тебя.

Ободренная Жюльена засмеялась.

— Вот это по мне! Гордец, настоящий мужчина, а что?

— Тем лучше для тебя. Но это, должна сказать, самый подлый негодяй обоих полушарий.

Она спустилась на колени перед несчастным созданием, которое еще находило силы для шуток и брани. Подлинное отродье Двора Чудес в Париже.

— Я знаю, почему ты не даешь себя перевязывать, — вполголоса сказала Анжелика.

— Нет, вы не можете знать, — запротестовала та с загнанным взглядом.

— Знаю! Я догадалась! Потому что ты заклеймлена королевской лилией! Слушай, я обещаю, что ничего не скажу коменданту, но при условии, что ты будешь послушной и во всем подчинишься мне.

Ужас на лице бедной Жюльены сменился признательностью.

— Это правда, что вы ничего не скажете?

— Слово маркизы, — Анжелика, скрестив два пальца и плюнув на землю, произвела знак обязательства, принятый среди обывателей парижского дна.

Совершенно ошеломленная Жюльена позволила открыть ее опухшие ребра, приложить к ним пластырь и выпила настойку. Успокоившись, Анжелика положила ей под затылок опору, укрыла и потрепала по щеке.

— Могу поспорить, что и у Аристида такая же лилия на плече, как у тебя. Поправляйся, тебя тоже ждет свадьба. И вы составите хорошую пару! Слово маркизы.

Жюльена устало заморгала и начала засыпать.

— У вас тут такие интересные люди, — прошептала она. — А кто вы сама? Хозяйка Америки... Вам так идет колье... Вы похожи на тех святых, которые... на молитвенниках... Трудно поверить, что мне, нищенке, так повезло...

Глава 25

Знамена трепетали на ветру. Под его порывами облака должны были вот-вот разойтись. Снова, уже в который раз, все собрались в порту.

— Неужели вы даже не поцелуете меня?! — воскликнул ван Рейк, протягивая руку Анжелике. — Даже в час прощания?

Она бросилась к нему и расцеловала в обе щеки, ощущая крепкие мужские объятия, не думая о собравшихся на берегу. Пусть думают, что хотят, завистники! Она имеет полное право целовать того, кто ей нравится.

— Смелей! — шепнул ей флибустьер на ухо. — Вы выиграете! Но вспоминайте о моих советах. Об исповеди и о постели...

Он помахал ей большой шляпой с перьями и прыгнул в ожидавшую лодку.

«Бесстрашный», содрогаясь под неистовыми ударами прилива, с матросами на реях, натягивал якорную цепь. Приветственные возгласы, здравницы смешивались с короткими приказами ван Рейка.

— Готово! С Богом!..

Отпущены крепления, паруса упали, вздулись, и «Бесстрашный», тихо двинувшись с места, начал лавировать между островами, сопровождаемый маленьким ботом и тедером, на котором заняли места граф де Пейрак и Колен Патюрель, чтобы довести гостей до выхода из трудного прохода.

С высоты полюта красавица Инесса помахивала Анжелике веером и желтым шарфом. Успокоенная относительно чувств своего ван Рейка, с которым она снова уходила в море, маленькая метиска позволила

себе засвидетельствовать приязнь даже к той, кого считала главной соперницей.

Когда от корабля осталась только крохотная белая пирамида на горизонте, Анжелика направилась в форт. По дороге встретила человека с пряностями и его караиба, сидевшего рядом на песке и жевавшего гвоздику. По каким-то неясным причинам они попросились остаться на некоторое время.

Буланже все же не разлучился со своим береговым братом Аристидом, который под предлогом брюшной слабости вымолил разрешение остаться в Голдсборо.

— И потом я понравился, — зашептал он в мохнатое ухо Буланже, — одной красивой девочке, которую зовут Жюльена. Когда налажу с ней дела, дам тебе знать, и ты вернешься за мной.

Следовательно, никаких сомнений! Снова увидят «Бесстрашный» и его груз с черными деревяшками вместо ног, с беззубыми ртами, дышащими ямайским ромом, снова увидят веселых парней с Черепашьего острова.

Лето только начиналось. Удивительное спокойствие разлилось по селению. В тишине жители расходились, возвращаясь в свои дома.

— О, посмотрите! — вдруг воскликнула юная Северина. — Только два корабля остались стоять на якоре в заливе: «Голдсборо» и «Сердце Марии». После леса мачт, который раскачивался там эти дни, стало пусто.

— Два корабля на якоре в заливе, — прошептал над ухом Анжелики голос одержимой монашки.

Глава 26

«Я приду к тебе, любовь моя. Мне необходимо прийти к тебе. Мне страшно. Ты мужчина. Ты крепко стоишь на земле. Твой сон глубок, и ничто не может нарушить его. В то время как я — женщина и поэтому вижу то, что недоступно мужчине. И то, что вижу, ужасно! Я не могу больше спать».

Несмотря на установившийся мир, на песни матросов, которые, развлекая своих невест, напевали:

Десять девушек резвятся,
Замуж выйти все хотят,
Там и Дина, там и Шина,
Там Клодина и Мартина...

Несмотря на последовавшую за этими ужасными днями разрядку, ощущавшуюся всеми колонистами Голдсборо, Анжелика не могла принять в ней участия.

На следующий день после отплытия кораблей, после очередной бессонной ночи, она решила подобрать себе оружие взамен потерянного во время сражения за английскую деревню.

Жан Ле Куеннек открыл ей рабочий кабинет графа в форте, ключ от которого был у молодого бретонца. Она встретила его возле склада с оружием, и он сообщил, что «Голдсборо» привез большой выбор пистолетов, мушкетов и другого оружия. Граф отложил лучшие образцы новых моделей, чтобы в свободное время опробовать их.

Жан открыл сундук с новинками, сам достал их и разложил на столе рядом с гусиными перьями и чернильницей. Открыл окно, чтобы дать доступ свету. В этой небольшой тесной комнате витал знакомый запах Жоффрея: табака и какого-то восточного дерева, возможно, сандала, пропитавшего его одежду.

— Когда увидите мессира графа, предупредите его о моем вторжении, — сказала Анжелика оруженосцу. — Я не смогла с ним встретиться сегодня утром.

Откликнется ли он на этот призыв, который она бросает ему будничными словами, но с трепещущим сердцем, придет ли он?

Она склонилась над новым, очень красивым оружием. Изучение его оторвало ее от забот. Некоторые английские замки отличались интересными усовершенствованиями. В этих пистолетах боек и курок были спаренными, что, конечно, увеличивало опасность случайного выстрела, но компенсировалось маленькой защелкой, прикрепленной к пяте курка.

Несмотря на эти несомненные усовершенствования, Анжелика предпочла французские замки по привычке. Она обратила внимание на длинноствольный голландский пистолет, с рукояткой из слоновой кости, чей изящный вид понравился ей. Правда, зарядное устройство было довольно топорным, но имело, однако, преимущество, позволявшее вставлять любой кремль, тогда как другие модели требовали точно отделанных и калиброванных камней, производство которых было очень сложным для этой почти дикой страны.

Забыв обо всем, она изучала его устройство, когда ощутила, что Жоффрей стоит позади.

— Я пришла выбрать оружие, — сказала она, слегка повернул голову. — Я потеряла свои пистолеты...

Тяжесть его взгляда давила на затылок, и она еще раз ощутила бессилие и волнение от тайной радости, которую, несмотря ни на что, возбуждало в ней одно его присутствие.

Со спины он не сразу узнал ее, хотя Жан предупредил, что госпожа де Пейрак находится в его рабочем кабинете. Фиолетовое платье с благородными оборками и тяжелый шиньон бледного золота на затылке изменили ее. Он подумал о появлении знатной

иностранки, важной дамы, приехавшей... откуда? Но за последнее время столько людей высадилось в Голдсборо! Можно всего ожидать!

Он приблизился.

— Нашли что-нибудь по вкусу? — спросил он.

— По правде говоря, — ответила она, принуждая себя к спокойствию, — я колеблюсь. Один кажется очень хорошо задуманным для стрельбы, но неудобным. Другой — изящным, но имеет небезопасные недостатки.

— Но вам не угодишь. На этом оружии клейма лучших мастеров Европы. А этот пистолет со слоновой костью из Голландии. Узнаете эту голову воина на рукоятке?

— Он очень красивый...

— Но вам не нравится.

— Я привыкла к старым французским пистолетам со всеми их принадлежностями, которые надо держать в карманах.

У нее появилось ощущение, будто они обмениваются репликами на сцене театра, оба не вникая в смысл произносимых слов.

Граф де Пейрак, казалось, заколебался, затем, повернувшись, подошел к открытому сундуку, достал и поставил перед ней инкрустированную перламутром длинную шкатулку из красного дерева.

— Вот что поручил я Эриксону привезти для вас из Европы...

В центре крышки врезанная золотая буква «А» распустила свои завитки в медальоне из сплетенных цветков. Букеты из таких же цветов расположились по обеим сторонам вензеля, демонстрируя тончайшую работу, где можно было различить малейшую деталь каждого цветка вплоть до серебряных и золотых тычинок, пестиков и жилок на листьях из зеленой эмали.

Анжелика открыла замок и подняла крышку. На зеленом бархате лежали два пистолета и необходимые принадлежности: пороховница, шомпол, коротка с капсюлями, формочка для пуль. Все из лучших материалов и с одинаковой печатью изящества, тонкости и красоты.

«Какой прекрасный подарок, — подумала Анжелика, — который он задумал для меня с особой любовью! И который он хотел подарить мне этой весной в Голдсборо!»

Ее руки дрожали, поочередно поднимая великолепное оружие. Потребуется время, чтобы подробно ознакомиться с его совершенством. Эти пистолеты были изготовлены не только для того, чтобы она могла стрелять и защищаться с максимальной быстротой и минимальными неудобствами — перезарядка оружия всегда представляла трудности для нежных пальцев, — но также для удовлетворения ее тонкого вкуса.

Волнение сдавило ее горло. И она спросила себя: «Почему он вручил ей именно сегодня такой подарок? Было ли это знаком примирения? Хотел ли он дать понять, что остракизм, которому он ее подвергал, начинает смягчаться?»

Стоя перед окном, Жоффрей де Пейрак со скрытной жадностью следил за ходом мыслей Анжелики, отражавшихся на ее лице. Розовая волна залила ее слишком бледные щеки, когда она подняла крышку шкатулки, затем появилось выражение восхищения при виде чудесного оружия. Он не мог устоять, чтобы не доставить ей такую радость. Хоть на мгновение увидеть ее счастливой!

Она прикусила губу, и он увидел, как заморгали ее длинные ресницы. Наконец она обратила к нему дивные глаза и прошептала:

— Как отблагодарить вас, сударь?

Он вздрогнул, ибо эти слова напомнили о его первом подарке, который он сделал ей в далекие дни Тулузы — кольцо из брильянтов. И, возможно, она тоже подумала об этом. Он ответил сухо, даже надменно:

— Я не знаю, заметили ли вы, что здесь применено особое устройство. Наружная пружина позволяет вести более мощный огонь. Специальный фланец защищает руку...

— Я вижу.

— Зарядите его! Взведите курок!

— А я смогу? Эта конструкция мне незнакома.

Он взял у нее пистолет и очень быстро вложил пулю, насыпал порох, установил капсюль. Она следила за движениями его загорелых рук, испытывая желание нагнуться и поцеловать их.

Он вернул ей оружие.

— Готово! — и с язвительной улыбкой добавил: — Теперь вы можете убить меня. Вы избавитесь от... неудобного мужа...

Анжелика ужасно побледнела. Она почувствовала, что задыхается, и с невероятным трудом дрожащей рукой положила пистолет в его ячейку.

— Как вы смогли произнести такие глупые слова? — пожаловалась она. — Какая у вас ужасная злоба!

— Ибо вы, по-видимому, являетесь жертвой?

— В настоящий момент — да. Вы прекрасно знаете, что, говоря так, подвергаете меня невыносимым мучениям.

— И не заслуженным, без сомнения?

— Да... нет... да... более незаслуженным, конечно, чем вы думаете. Я не так уж вас оскорбила, как вы хотите представить, и вы это хорошо знаете. Но вас ослепляет безумная гордыня.

— Решительно ваша недобросовестность и бесстыдная наглость переходят границы.

И снова, как в тот вечер, возникло неистовое желание избить, уничтожить и вместе с тем смешаться с ее ароматом и теплом, как опьяняющим фимиамом, погрузиться в сияние ее зеленых глаз, воспламененных любовью, отчаянием и нежностью.

От страха уступить он направился к двери.

— Жоффрей! — закричала она. — Неужели мы попали в западню?

— Какую западню?

— Ту, что наши враги вырыли у нас под ногами.

— Какие враги?

— Те, которые решили разлучить нас, чтобы легче погубить в одиночку. И вот это произошло. Я не знаю, как все это замыслили, как это началось и на какие уловки мы поддались, но я знаю, что теперь они добились своего: мы разлучаемся.

Она скользнула к нему и приложила руку к его сердцу.

— Любовь моя, неужели мы позволим им так легко победить?

Он отстранился с яростью, в которой таилась боязнь слишком быстро сдаться.

— Это уж слишком. Почему, например, вам пришло в голову уехать из Хоуснока в английскую деревню?

— Разве вы не приказали мне сделать это?

— Я?.. Никогда в жизни!

— Кто же тогда?

Он безмолвно смотрел на нее, охваченный ужасным подозрением. Несмотря на выдающийся ум, Пейрак был слаб в его манере познания мира. Мужчины движутся вперед скачкообразно, используя свои умственные способности. В то время как женщины продвигаются не спеша, ведомые инстинктом вселенского предвидения.

В таком положении находился Пейрак, когда голос Анжелики открыл последовательность внушаемых

страстью действий и он увидел все окружающее его измененным, принявшим другое значение и другой вид.

Да, над ними нависла грозная опасность. Однако его мужская логика отрицала влияния потусторонних сил. Но Анжелика не ошиблась. У нее была большая, чем у него, склонность к мистицизму, и он знал, что с этим необходимо считаться. Но продолжал борьбу.

— Ваши предвидения — сплошной вздор, — пробурчал он. — Это было бы слишком просто. Неверные жены постоянно ссылаются на соучастие демонов. Не они, сударыня, наши враги, а воля случая привела в залив Каско вашего бывшего любовника, готового открыть вам объятия.

— Я не знаю. Но отец Вернон говорил, что когда дьявольские силы входят в действие, удача всегда на стороне дьявола, разрушения и несчастья.

— Что это еще за отец Вернон?

— Иезуит, который привез меня в своей барке из Макуа в Пентагоет.

На этот раз Жоффрея словно поразила молния.

— Вы попали в руки французских иезуитов?! — воскликнул он дрогнувшим голосом.

— Да! В Брунсуик-Фоле меня едва не захватили в плен, чтобы отправить в Квебек.

— Расскажите все!..

В то время как она вела краткий рассказ о своих похождениях после отъезда из Хоуснока, перед его мысленным взором предстал Уттаке, великий вождь ирокезов, говоривший ему:

«Ты обладаешь сокровищем! Его хотят у тебя похитить!»

Ведь он всегда подозревал, что из-за нее, Анжелики, пытаются ему навредить.

Она сказала правду. Враги блуждали вокруг них, более хитрые, изворотливые и проницательные, чем «призраки».

то есть адские духи бездны. Мог ли он отрицать, что больше не сомневается в этом, если хранит под камзолом анонимное послание, которое доставил ему неизвестный матрос вечером после боя с «Сердцем Марии», кусок пергамента с написанными словами:

«Ваша супруга на островке Старого Корабля с Золотой Бородой. Высадитесь с северной стороны, чтобы они вас не заметили. Там вы сможете застать их в объятиях друг друга».

Адские духи, вне всякого сомнения, но которые, притаившись среди островов, смогли все же вооружиться пером, чтобы доставить кому следует такой подлый донос.

Бесполезно задерживаться на происшедшем. Более серьезными были опасности, которых она избежала, расставленные ей ловушки. Необходимо было разобраться в этом...

Он ходил взад-вперед перед ней, временами бросая на нее взгляд, который то смягчался, то снова твердел под действием его размышлений и подозрений.

— Как вы считаете, почему отец Вернон отпустил вас?

— Откровенно говоря, я и сама не знаю. Может быть, за три дня плавания он обрел уверенность, что я не могу быть демоном Акадии, как считают там все люди.

— А Мопертюи? Его сын? Где они?

— Я думаю, что их силой увезли в Канаду. Граф взорвался:

— Ну, на этот раз будет война! — вскричал он. — Довольно борьбы исподтишка! Я поведу корабли в Квебек!

— Нет, не делайте этого! Мы растворим там наши силы, и меня еще больше обвинят в том, что я приношу несчастья. А нам нельзя разлучаться! Нельзя позволить им взять верх, терзая и мучая нас. Жоффрей, любовь

моя, вы же знаете, что для меня вы — все... Не отталкивайте меня, я умру от горя. Без вас я ничто!

И, как растерявшийся ребенок, она протянула к Нему руки.

Она в его объятиях, и он сжимает ее до хруста в костях. Он еще не прощает, но не хочет, чтобы ее отняли у него. Он не хочет, чтобы ей угрожали, чтобы покушались на ее драгоценную жизнь.

Его железные объятия душат ее, и она дрожит, охваченная радостью, прижавшись щекой к его твердой щеке. Все пошло кругом в ослепительном счастье.

— Чудо! Чудо! — кричит далекий голос, пронзая пространство. — Чудо!

Снаружи все сильнее звучат голоса.

— Чудо! Монсеньор, где вы? Идите скорей! Подлинное чудо! — Это голос Жана Ле Куеннека.

Граф де Пейрак ослабляет тиски, отпускает Анжелику и подходит к окну.

— Что случилось?

— Подлинное чудо, монсеньор! Благородная дама... благотельница, которая покровительствовала «дочерям короля» и которую считали утонувшей... К счастью, этого не произошло. Рыбаки из Сен-Малона подобрали ее на островке в заливе с ее секретарем, одним матросом и ребенком, которого она спасла. Их везут на лодке. Они входят в порт!

Глава 27

— Вы слышали? — спросил Пейрак, поворачиваясь к Анжелике. — Благодетельница! Можно подумать, что океан нашел слишком неудобоваримыми почтенную герцогиню и ее писца.

Его взгляд остановился на ней, растерянной и нерешительной.

— Позже мы увидимся снова, — сказал он, отводя глаза. — Я полагаю, что обязан пойти к этой несчастной спасшейся женщине. Вы пойдете со мной, сударыня?

— Я уложу оружие на место и присоединюсь к вам в порту.

Он ушел, Анжелика со злостью топнула ногой. Решительно, Жюльена оказалась права. Эта благодетельница настоящая зануда. Утонув три дня назад, она могла бы подождать еще несколько часов, прежде чем всплыть и объявиться как раз в тот момент, когда Жоффрей де Пейрак заключил Анжелику в объятия.

Но еще не все завесы упали с его недоверчивого сердца. Она ощутила его тревогу за нее, но также и его ущемленную гордость.

И судьба, похоже, внезапно отвернулась от нее. Несмотря на воспоминание о слишком кратком объятии, смертельный холод проникает в вены Анжелики, угнетает ее душу. Хочется броситься за Жоффреем, позвать его, умолять...

Ее ноги наливает пудовая тяжесть, и она, словно в кошмаре, с трудом передвигается. У порога пошатывается и едва не теряет сознание. По телу бегут мурашки, к горлу подступает тошнота.

— Ах, да это же ты, Вульверина! Как ты меня напугала! Кантор не взял ее с собой на Кеннебек. И ее

гибкое тело рыщет повсюду. Теперь она здесь, пристально смотрит на Анжелику.

— Убирайся! Убирайся! — вся дрожа шепчет она ей.
— Убирайся в лес!

Тут новое явление, громадное, лохматое возникает из зеленой травы у дерева.

О это лишь мистер Уилби, который пришел вразвалку, учуяв запах плодов. Перевернув большой камень, он обнаруживает муравьев и начинает их слизывать.

Анжелика неверными шагами шла к берегу. Охватившее ее возбуждение понемногу утихало по мере того, как она приближалась к цели. Чей-то задышающийся голос позвал:

— Госпожа де Пейрак!.. Госпожа де Пейрак!..

— Что вы здесь делаете, Мария Кроткая? Ах, будьте осторожны! Вы не должны были вставать с вашими ранами.

— Поддержите меня, прошу вас, сударыня, дорогая госпожа, чтобы я смогла дойти к моей благодетельнице.

Анжелика обняла гибкую, тонкую талию девушки. Та с трудом передвигала ноги. Время от времени оборачиваясь, видела, что медведь и россомаха следуют за ними, и махала на них руками.

— Убирайтесь!.. Убирайтесь в лес, противные звери!..

Глава 28

Все собрались на берегу. Берег! Естественный театр, на сцене которого каждый день разыгрываются новые спектакли.

Вот приближается лодка. Из-за скопища голов Анжелика слышит призывы, рыдания, радостные крики и обрывки молитв.

— Живая! — в слезах повторяет Мария Кроткая. — Будь благословен Господь и все святые рая!

Анжелика осталась немного сзади, в месте, где берег начинает спускаться к воде. Отсюда можно лучше различить все, что происходит. Она хорошо видит приближающуюся к берегу лодку и Жана, входящего в воду, чтобы придержать ее и избежать удара в момент, когда киль коснется дна.

Почти тотчас же «дочери короля» с истерическим щебетанием бросились навстречу лодке. Среди этой суматохи Анжелике не удалось заметить фигуру герцогини.

Зато ее внимание привлекло необъяснимое присутствие очень молодой женщины, чей яркий и роскошный наряд красочным пятном выделялся на носу лодки. Несмотря на расстояние, Анжелика различила, что эта молодая женщина или девушка должна быть необычайно очаровательна. В контрасте с ее темными волосами блеск ее кожи притягивая глаза.

Цветок... или птица, если учесть пестроту ее наряда. Он представлял собой смешение новинок моды. Однако соединение синего труакера, спускавшегося на короткую юбку из желтого атласа и голубого корсажа с красным пластроном составляло очень изящный ансамбль, который удивительно шел к ее лицу.

Единственная деталь, не соответствующая этому зрелищу, — измученный ребенок на руках.

— Вы спасли моего малыша! Благослови вас Господь! — прозвучал дрожащий голос Жанны Мишо.

Протянутые руки матери охватили малютку Пьера. Освободившись, женщина в блестящем наряде оперлась на протянутую мужскую руку и легко спрыгнула на землю.

В этот момент то, что заметила Анжелика, должно было надолго остаться запечатленным в ее памяти, наполняя своей неизмеримой важностью, непостижимой до того дня, когда, встревоженная воспоминаниями, бессознательно отложившимися в памяти, найдет в них ключ к важнейшим тайнам.

Она увидела пунцовые чулки, облежавшие ноги молодой женщины, и маленькие открытые туфли, укрепленные золотыми атласными бантиками.

Анжелика непроизвольно спросила:

— Но... кто же эта женщина?

— Она... — с рыданиями ответила Мария Кроткая. — Она наша благодетельница! Это госпожа де Модрибур! Взгляните на нее! Разве она не прекрасна?

Убрав поддерживающую ее руку, девушка из последних сил пошла к новоприбывшей и припала к ее ногам.

— Ах, горячо любимая госпожа! Вы!.. И живая!

— Мария, мое дорогое дитя! — прозвучал голос нежного и глубокого тембра, в то время как герцогиня наклонилась к Марии, чтобы поцеловать ее в лоб.

Одетому в темное полноватому мужчине в очках удалось выйти из лодки без посторонней помощи, и он безуспешно старался навести порядок и усмирить излишества встречающих.

— Полноте, государины, полноте! — усердствовал он. — Прошу вас, сударины, отойти. Позвольте

герцогине принять знаки уважения от владыки этих мест.

Чуть повыше в искрящемся золотистой тканью плаще ожидал Жоффрей де Пейрак.

— Расступитесь, сударыни, — настаивал человек в очках, — госпожа герцогиня так измучена...

— Господин Арман! — слышались восклицания «дочерей короля», узнавших наконец и его. Они замкнули его в дружеском кругу, и де Модрибур смогла сделать несколько шагов к графу де Пейраку.

Наблюдая за ней с более близкого расстояния, Анжелика увидела, что одежда герцогини промокла и во многих местах разорвана, ступни ног, обутых в крохотные бархатные туфельки, с невероятным трудом ступали по сырому песку, затруднявшему передвижение, и, несмотря на их миниатюрность и изящество щиколоток, казались тяжелыми, грузными, как только что у самой Анжелики, когда она шла в порт.

Так вот: эти ноги бесстыдно лгали. Вернее сказать, лгало лицо. Оно оказалось менее молодым, чем можно было подумать, глядя на него, но все еще красивым. В действительности герцогиня Амбрузиана де Модрибур уже переступила тридцатилетний рубеж. Она обладала непринужденной уверенностью, порывистостью и изысканностью этого пленительного возраста.

Но искушенным глазом Анжелики становилось все более ясным, что эта яркая особа, уверенно поднимавшаяся по берегу, была на грани обморока. Истощение? Страх? Невыносимое волнение?

Анжелика не понимала, почему сама ощущала абсолютную невозможность броситься к этой молодой, теряющей последние силы женщине, чтобы встретить и поддержать, как она сделала бы это с любым человеком.

Жоффрей де Пейрак трижды провел по земле перьями шляпы, склонившись перед прелестным

созданием, затем поцеловал протянутую руку. Она остановила на нем затуманенный грустью янтарный взгляд.

— Ах, сударь, какой сюрприз! Вы носите плащ с большим изяществом, чем придворные в Версале.

— Сударыня, — ответил он учтиво, — позвольте заметить, что на этом берегу вы встретите больше высокородных дворян, чем в приемной короля.

Он снова склонился над белоснежной ледяной рукой.

— Я — граф де Пейрак де Моран д'Ирристрию. Гасконец. Добро пожаловать в мои американские владения.

Указав на застывшую в нескольких шагах Анжелику, он продолжал:

— Вот графиня де Пейрак, моя жена, которая окажет необходимую помощь после вашего ужасного путешествия.

Герцогиня повернулась к Анжелике, и теперь ее глаза стали темными как ночь на лилейном лице.

— Без сомнения, во всем Версале не найдется женщины более прекрасной, чем ваша супруга, мессир де Пейрак, — любезно сказала она низким певучим голосом.

Ее бледность усилилась. Ресницы опустились.

Ах, простите меня, сударыня, — прошептала она. — Я умираю!..

И скользнув в своем ярком наряде вниз, как чудесная птица, подстреленная в полете, распростерлась, бездыханная, у ног Анжелики, а той на мгновение показалось, что она находится одна в неведомом потустороннем мире.

В ее потрясенном мозгу, охваченном невыразимым испугом, бились назойливые мысли:

«Неужели это Она?.. Та, которая должна была явиться к ним посланницей Люцифера?..»

---

notes

1

Мерзавец, негодяй (устаревшее).